

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Псковский государственный университет

Гончарова Е.В., Кузьмина В.Г.

**Церковно-монастырское
и дворянское землевладение
XVIII столетия в системе феодальных
отношений Российской империи:
региональное исследование**

Монографическое исследование

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Псковского государственного университета*

Псков
Псковский государственный университет
2021

УДК 93/99
ББК 63.3(2)46
Г657

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Псковского государственного университета*

Рецензенты:

— Аракчеев В. А. — доктор исторических наук, директор
Федерального казенного учреждения «Российский государствен-
ный архив древних актов» (РГАДА).

— Воронкова И. Е. — доктор исторических наук, профес-
сор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Орловский государ-
ственного университета им. И. С. Тургенева».

— Медведева Н. М. — кандидат исторических наук, до-
цент кафедры всеобщей истории и регионоведения ФГБОУ ВО
«Псковский государственный университет».

Гончарова, Е. В., Кузьмина, В. Г.

Г657

Церковно-монастырское и дворянское землевладение
XVIII столетия в системе феодальных отношений Российской
империи: региональное исследование. Монографическое ис-
следование. — Псков : Псковский государственный универси-
тет, 2021. — 192 с.

ISBN 978-5-00200-031-9

В монографии на основе привлечения широкого круга
архивных документов, многие из которых вводятся в научный
оборот впервые, представлены и систематизированы сведения
по истории церковно-монастырского и дворянского землевла-
дения XVIII столетия в системе феодальных отношений Рос-
сийской империи на материалах Псковской губернии.

Монография будет интересна студентам, аспирантам,
преподавателям, архивистам, исследователям социально-эко-
номической истории.

УДК 93/99
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-00200-031-9

© Гончарова Е. В., Кузьмина В. Г., 2021
© Псковский государственный университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
1. Историография	9
2. Источники	49
3. Церковно-монастырское землевладение XVIII столетия в системе феодальных отношений	61
4. Дворянское землевладение в системе феодальных отношений XVIII века	117
Заключение	167
Список источников и литературы	173
Приложения	190

ВВЕДЕНИЕ

Корпоративный характер собственности в эпоху феодализма проявлял себя в социальной структуре, которая отличалась сословным делением общества. Понятие «сословие» определяет юридический статус общности людей, хотя правовой статус связан с отношением к собственности и с общественной функцией социальной группы. В феодальную эпоху общество делилось на несколько сословий: феодалов, которые в свою очередь были представлены духовенством и дворянством, а также крестьянство, которое тоже было неоднородным. Оформление феодальной собственности привело к возникновению главного института в феодальной системе — феода, вотчины, которая была хозяйственной единицей общества, социальной, политической организацией. Она представляла комплекс крупной земельной собственности, делилась на три части: господскую, крестьянские и общинные угодья (леса, луга, пастбища, болота, реки, пруды).

Хозяйственная роль вотчинника менялась по мере развития феодализма и эволюции форм ренты. С переходом от отработочной ренты к продуктовой и денежной феодалы стали часто отказываться от собственной запашки, которая передавалась в держание крестьянам на феодальном праве. В этих условиях возрастала экономическая значимость крестьянского хозяйства, поскольку только в крестьянских хозяйствах производился весь валовый продукт общества, как необходимый, так и прибавочный.

В системе феодализма господствовал баланс взаимоотношений феодалов и крестьян, потому что только он был способен обеспечить жизнеспособность феодального общества. Увеличение размеров рент сверх подъемных для крестьянского хозяйства, насилие со стороны феодалов, то есть нарушение баланса, могло вызвать разрушение крестьянского хозяйства — единственного источника существования феодалов, протест крестьян в любой форме вплоть до восстаний. Феодальная вотчина с ее достаточно жесткой хозяйственной структурой выполняла, таким образом,

функцию регулятора баланса в отношениях между работниками на земле и теми, кто на земле не работал, являясь ее собственниками, но жил за счет труда этих работников¹.

В XVIII в. процесс оформления абсолютизма как политической системы в России сопровождался консолидацией правящего дворянского класса и постепенной унификацией сословного владения земельным имуществом. Вместе с тем существующая система абсолютной монархии не могла сохранять один из видов феодальной собственности — духовное землевладение, поскольку оно позволяло церкви сохранять значительную экономическую мощь и большое политическое влияние в стране.

В дореволюционный период почти одновременно с изучением монастырского землевладения и хозяйства началось обстоятельное исследование и крупных светских вотчин с точки зрения их экономической организации, управления, состава крестьянских повинностей, положения зависимого населения и т. д.

В обобщающих исследованиях А. А. Преображенского и Я. Е. Водарского был показан громадный количественный рост феодальной земельной собственности в России XVII — первой половины XIX вв. Решительно преобладающей становится частная феодальная собственность. Структура ее упрощается и происходит сближение вотчинных и поместных земель. В соответствующем разделе коллективной монографии «Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы» А. А. Преображенский отмечал исторически сложившееся многообразие видов и форм феодальных вотчин, что нашло отражение и в организации управления ими.

Я. Е. Водарский посвятил капитальную монографию проблеме размещения и роста боярско-дворянского (XVII в.) и помещичьего (XVIII в.) землевладения. Работа основана на огромном корпусе материалов писцовых и переписных книг XVII в. (117 уездов) и поуездных табелей с итогами генерального межевания XVIII в. (316 уездов) и построена в основном в количествен-

¹ Маркова С. П. Понятие «Феодализм в современной исследовательской интерпретации / Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, 2014. 7 с.

ном и историко-географическом планах. Ряд масштабных работ Я. Е. Водарского посвящен рассмотрению историко-демографических проблем России XVI–XIX вв., в том числе и касающихся церкви. Автор обосновал методику изучения сводных документов, содержащих итоговые сведения о переписях народонаселения страны, ревизий первой четверти XVIII в., предложил способы проверки достоверности данных этих сложных массовых источников, плодотворный опыт их картографирования в рамках некоторых уездов и в пределах всей страны. По мнению Я. Е. Водарского, в крупных итогах ошибки переписчиков составляют всего несколько процентов. А при изучении небольших районов и отдельных селений необходимо проверять итоги писцов путем их пересчета. Монастырские крестьяне концентрируются во владениях крупнейших представителей духовенства. Народонаселение и землевладение церкви были неравномерно распределены между разными ее звеньями (архиерейскими домами, монастырями и т. д.).

Общие и частные явления и закономерности эволюции феодального землевладения позволило выявить исследование В. М. Воробьева и А. Я. Дегтярева по Северо-Западу, выполненное на внушительной источниковой базе писцовых и переписных книг обширного Новгородского уезда XVII в. Основные разделы их книги были также воспроизведены в коллективной монографии ленинградских историков «Аграрная история Северо-Запада России в XVII в»².

В трудах советских историков 70-х гг. XX века значительно продвинулось изучение проблемы феодальной ренты. На смену долгое время бытовавшему тезису о неуклонном возрастании феодального угнетения, эксплуатации крестьян пришли более взвешенные и основанные на конкретных разработках суждения и выводы³.

Феодальное землевладение было одним из основных, несущих институтов феодального общества. В значительной степени

² Аграрная история Северо-Запада России XVII в. М., 1989. С. 95–105.

³ Магомедов М. Б. Историография исследования церковно-монастырского землевладения государства российского / Системные технологии. № 10. 2014. С. 3–23.

именно его развитие определяло эволюцию и социальный облик важнейших сословий русского общества, прежде всего дворянства и крестьянства. Период от Смутного времени до последних десятилетий XVIII в., именуемый иначе эпохой позднего феодализма, был временем неочевидного, но быстрого и существенно изменения этого института. Кадастровые описания той эпохи — писцовые книги и Экономические примечания к Генеральному межеванию. Постепенное установление дворянской монополии на земле- и душевладение сопровождалось, однако, и увеличением для собственника земли возможностей ею распоряжаться: так, постепенно в течение XVIII в. уходило в прошлое ограничения, связанные с правами, которые ранее предъявлял на вотчины род их владельца. Также проявляется и стремление отдельных феодалов собирать в своих руках земли, принадлежавшие ранее к разным комплексам. Дробление земельного фонда также могло проходить в различных формах: либо посредством образования нескольких территориальных комплексов на месте одного с их последующим размежеванием, либо с помощью установления совместного режима владения тем или иным поселением⁴. Характерной чертой в XVIII в. как духовного, так и светского землевладения является сформировавшаяся в течение предшествующих веков мелкоземельность. После секуляризации земли духовенства переходят в состав государственных. И на момент проведения межевых работ можно констатировать факт формирования на территории Псковской земли обширного фонда государственных земель. Секуляризация позволяет государству завершить долгий процесс концентрации земель в своих руках и открыть для этих территорий новые перспективы развития.

⁴ Хитров Д. А., Черненко Д. А. К вопросу о тенденциях в развитии дворянского землевладения в центральной России в XVII–XVIII вв. / Историческое обозрение, 2008. 4 с.

1. ИСТОРИОГРАФИЯ

В отечественной историографии процесс становления и развития церковно-монастырского и дворянского землевладения в системе феодальных отношений Российской империи стал центром внимания исследователей, начиная со второй половины XIX в., когда появились первые публикации по обозначенной тематике. В целом, анализ историографического материала позволяет нам условно выделить три основных этапа в истории изучения российского дворянства: первый — дореволюционный (1850–1917 гг.); второй — советский (1917–1991 гг.); третий — современный (с 1991 г. по настоящее время).

К числу первых работ в дореволюционной отечественной историографии, посвященных истории становления дворянского сословия, относятся труды А.В. Романович-Славатинского, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, П.Н. Милокова и Н. П. Павлова-Сильванского. А.В. Романович-Славатинский, основываясь на положениях государственной школы, согласно которой русское общество было установлением политическим, а дворянство существовало и видоизменялось в соответствии с целями и потребностями правительства, пришел к выводу, что становление дворянства как сословия завершилось при Петре I, будучи пополняемо выходцами из других слоев в результате их продвижения по государственной службе. Однако апогеем могущества привилегированного сословия, по мнению исследователя, стал 1785 г., связанный с получением «дворянской вольности» по «Жалованной грамоте» Екатерины II, установившей не только широкий круг личных привилегий дворянства, дворянское самоуправление, но и, самое главное, освобождение дворян от обязательной государственной службы⁵.

В. О. Ключевский подчеркивал, что «Жалованная грамота» Екатерины II завершила корпоративное устройство дворянского сословия и его прав⁶. Развивая мысль последнего, С. Ф. Плато-

⁵ Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 219–225.

⁶ Ключевский В. О. История сословий в России. Лекции. М., 1886. С. 84.

нов указывал, что с момента появления «Жалованной грамоты» Россия стала превращаться в «односословную монархию», в которой дворянству принадлежало «исключительное господство в государстве»⁷.

По мнению Н. П. Павлова-Сильванского, дворянство как сословие оформилось в первой половине XVIII в. из высших рядов служилых людей Московского периода, где фундаментом феодальной системы и положения дворян стали наследственная служба и крупная земельная собственность⁸. Характеризуя дворянство как «дарового наследника государства», нуждающегося в опеке государства, П. Н. Милюков отмечал слабость сословной организации дворян в России и неизбежность потери дворянством своих привилегий в силу искусственности происхождения последнего⁹. В контексте теории закрепощения сословий рассматривал дворянство К. Д. Кавелин, подчеркивая, что оно является таким же подчиненным государству сословием, как и другие группы общества, только со своими обязанностями¹⁰.

Проблему отношений между самодержавием и дворянством исследовал С. А. Корф, считавший, что до издания манифеста 1762 г. они представляли собой борьбу благородного сословия за привилегию не служить, поскольку служба для дворян была «чрезвычайно тяжела». В провинции дворян было очень мало, так как они находились либо в столицах, либо в войсках на границах государства. В уездах жили старики и беднейшие представители сословия, а их быт мало чем отличался от крестьянского. С изданием манифеста 1762 г., даровавшего желанную свободу, дворяне смогли вернуться в свои деревни. С изданием «Жалованной грамоты» были дарованы юридические основы корпоративной организации дворянства, определены права и обязанности сословия, подтверждено его привилегированное положение сре-

⁷ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории Профессора Платонова. Вып. III. СПб., 1899. С. 34.

⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898. С. 58–192.

⁹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. СПб., 1904. С. 47–59.

¹⁰ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Вестник Европы. 1866. Т. 2. С. 325–402.

ди прочего населения. Дальнейшее развитие дворянского сословного управления имело своим основанием начала, заложенные грамотой 1785 г.¹¹

И. Д. Беляев, акцентируя внимание на расширении прав дворянства на владение крепостными крестьянами в период правления Петра I, считал, что это был способ максимального подчинения дворян государству, укрепленный положениями манифеста 1762 г., связанными с правами собственности дворян на землю и крепостных.

Центром внимания М. Т. Яблочкова стали динамика состава служилого сословия, виды служб, которые оно несло, привилегии, получаемые за это, дворянское образование, гербы и ордена, их значение и права, предоставляемые ими¹². Работа ценна и тем, что автор одним из первых представил историю дворянского сословия, его государственных и социальных функций.

Вопрос о дворянском землевладении изучали Ю. В. Готье и В. И. Семевский. Ю. В. Готье был собран ценный фактический материал и приведены данные о землевладении дворян. Он отмечал, что повинности крестьян не были оформлены законодательно и определялись помещиком¹³. Труды В. И. Семевского, известного более как историка крестьянства, отличаются наличием значительного материала для анализа помещичьего хозяйства. Он первым привлек материалы Генерального межевания для изучения размеров оброка, землевладения и землепользования¹⁴, а на основе указов ему удалось проследить пожалования населенных и ненаселенных имений в 1725–1801 гг.¹⁵

Об эволюции взглядов дворянского сословия на процессы, происходившие в государстве, писал И. А. Порай-Кошиц, считав-

¹¹ Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 гг. СПб., 1906. С. 3.

¹² Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 53–55.

¹³ Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915. С. 139–142.

¹⁴ Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. В 2 т. Т. 2. СПб., 1901. С. 158.

¹⁵ Семевский В. И. Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II. Очерк из истории частной земельной собственности в России. СПб., 1906. С. 59.

ший, что умственное движение в привилегированной части общества во второй половине XVIII в. исподволь совершало дело цивилизации¹⁶.

По мнению Н. Д. Чечулина, численный рост дворянского сословия и активность его представителей в жизни провинции сыграли весомую роль в появлении самого провинциального общества¹⁷.

Вопросы, связанные с историей церкви и деятельности ее институтов, являлись и являются одними из излюбленных тем большого количества исследователей. В аспекте изучаемой нами проблемы чаще всего объектом внимания исследователей становилась политика государства в отношении церкви в XVIII в., где ключевым событием, несомненно, стала секуляризация второй половины XVIII в. Первые оценки секуляризации 1764 г. были даны ее современниками. Так, видный представитель дворянства консервативного направления князь М. М. Щербатов, при всем положительном отношении к идее лишения церкви ее земельных владений, в целом отнесся к секуляризации отрицательно, поскольку вслед за ней не последовало масштабной раздачи бывших церковных земель дворянскому сословию¹⁸. Близкой к этой точке зрения была позиция И. В. Знаменского, которым в работе «Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I», была дана резко отрицательная характеристика последствий реформы 1764 г., главное из которых — безоговорочное подчинение церкви государству¹⁹. Автор упрекает правительство и общество в невнимании к духовенству в целом, и в частности, к духовенству приходскому. И. В. Знаменский отмечает, что 1760-е гг. были самым благоприятным временем для обеспечения белого духовенства, и считает пореформенный период временем упущенных возможностей, т. к. правительство Екатерины II оставило вопрос обеспечения духовенства без решения в тяжелое наследие последующим

¹⁶ Порай-Кошиц И. А. Очерк истории русского дворянства от первой половины IX до конца XVIII века. 862–1796. СПб., 1874. С. 20–172.

¹⁷ Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество второй половины XVIII в. СПб., 1889. С. 93–113.

¹⁸ Щербатов М. М. Статистика в рассуждении России. СПб., 1776–1777. С. 181.

¹⁹ Знаменский И. В. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880. С. 95–96.

царствованиям. Автор труда «О недвижимых имуществах духовенства в России» В. О. Милютин считал, что реформа заложила основы правительственной политики по отношению к церкви в последующие царствования²⁰. По его мнению, вся дальнейшая законодательная деятельность Екатерины и ее преемников, ограничилась с тех пор развитием этих начал, их подтверждением и распространением. В исследовании В. О. Милютин кратко рассмотрел историю постсекуляризационного развития церковного землевладения в России под покровительством государства.

Вопросы последствий секуляризации церковных земель нашли свое отражение во втором томе исследования В. И. Семевского²¹. Автор обращается к проблеме положения бывших церковных крестьян после секуляризации 1764 г. Одним из главных вопросов здесь был — не уменьшились ли после реформы земельные наделы экономических крестьян? В. И. Семевский использовал в качестве источника для выявления среднего количества земли на крестьянскую душу «Экономические примечания к Генеральному межеванию». В итоге автор приходит к выводу об улучшении положения бывших крестьян духовных владельцев после секуляризации, главным признаком которого, по его мнению, стало уменьшение количества крестьянских волнений.

Крупным дореволюционным исследованием в области истории русского церковного права стала работа П. В. Верховского, профессора Варшавского университета²². Делая акцент на юридических механизмах проведения реформы, автор не выделял перспективных результатов секуляризации для страны.

Аспекты секуляризационной политики второй половины XVIII в. были рассмотрены в работе И. М. Покровского²³. Иссле-

²⁰ Милютин В. О. О недвижимых имуществах духовенства в России. СПб., 1862. С. 568.

²¹ Семевский В. И. Крестьяне в царствование Императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 2. С. 243.

²² Верховский П. В. Населенные недвижимые имения Священного Синода, Архиерейских домов и монастырей при ближайших приемниках Петра Великого. СПб., 1909. С. 195.

²³ Покровский И. М. Русская Епархия в XVI–XIX вв. Их открытие, состав, пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Казань, 1913. Т. 2. С. 146–152.

дователь указывает на то, что секуляризация практически полностью изменила «старый строй епархиального управления, носившего преимущественно вотчинно-владельческий характер, при котором духовные интересы отходили на второе место»²⁴.

В дореволюционный период появились и первые работы, связанные с историей церковно-монастырского и дворянского землевладения региона. Так, митрополит Евгений (Болховитинов) в своем труде «История княжества Псковского»²⁵ упоминает отдельные факты, касающиеся дворянского сословия. Значимость данной работы состоит в том, что это был первый труд по истории Псковщины.

Ценные сведения о землевладении содержатся в справочниках дореволюционного периода. Уточнение местоположения отдельных населенных пунктов, принадлежащих помещикам, стало возможным, благодаря историко-статистическому словарю И. И. Василёва²⁶. Д. Лазарев, изучая материалы архива Псковского губернатора, оставил краткое, но достаточно информативное описание Псковского наместничества²⁷.

История земельных владений церкви в Псковском крае XVI–XVII вв. нашла свое отражение в работе Н. С. Суворова²⁸. В качестве источников автором были использованы Псковские писцовые и переписные книги XVI в. При изучении церковного землевладения XVI–XVII вв. исследователь одним из первых обратился к изучению Псковских писцовых книг. В ходе исследования ранних писцовых описаний Григория Мещанинова-Морозова и Ивана Дровнина (1585–1587 гг.) были составлены списки псковских церквей, монастырей и их земельных владений.

²⁴ Покровский И. М. Русская Епархия в XVI–XIX вв. Их открытие, состав, пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Казань, 1913. Т. 2. С. 434.

²⁵ Болховитинов Е. А. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. В 4 ч. Ч. 4. Киев, 1831. С. 29.

²⁶ Василёв И. И. Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии. Псков, 1882. С. 53.

²⁷ Псковское наместничество. По материалам архива Псковского губернатора собрал Д. Лазарев. Псков, 1887. С. 1–3.

²⁸ Суворов Н. С. Псковское церковное землевладение в XVI и XVII в. СПб.: Сенатская типография, 1905. С. 85.

Н. С. Суворовым был сделан вывод о том, что церковное землевладение на Псковской земле главным образом оформилось в период, предшествующий присоединению Пскова к Московскому государству, т. е. в период народовластия. Главным источником церковного землевладения в этот период, по мнению автора, были пожалования со стороны веча во главе с посадниками. Вместе с тем автор не отрицал важность частных пожертвований при изучении роста монастырских вотчин. Характер церковного землевладения, по данным Н. С. Суворова, не менялся на протяжении довольно длительного времени с 1510 г. до 80-х гг. XVI в. Что касается его размеров, то исследователь приходит к выводу, что заметное увеличение фонда земель духовенства приходилось на годы царствования Ивана Грозного и Федора Ивановича.

Крупным исследованием дореволюционного периода стала работа Н. Серебрянского²⁹. В псковской монастырской жизни исследователем было выделено три крупных периода. Это новгородско-псковский, московско-псковский и переходный период с 1510 г. по 1589 г. Автором была представлена традиционная классификация монастырей. Он разделил псковские монастыри на большие общежитийные, средние, маленькие и попытался найти между ними различия. Большие монастыри представляли собой самостоятельные единицы, остальные причислялись к псковским соборам. В своем историческом очерке монастырской жизни Н. Серебрянский касался вопросов хозяйственного быта псковских монастырей XV–XVIII вв. Автор отрицал проведение секуляризации после 1510 г. Вместе с тем, исследователем был выделен комплекс причин, задерживающих развитие монастырского хозяйства. Одной из главных, по мнению Н. Серебрянского, была малочисленность монастырских селений. Активное развитие духовных вотчин сдерживала разбросанность монастырских владений. Так, автор свидетельствует о структуре монастырских владений, которые «...в редких случаях представляли собой ряд более или менее населенных деревень»³⁰. Очень частыми случаями были факты совместного владения землей. Н. Серебрянский

²⁹ Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908.

³⁰ Там же. С. 427.

приводит пример пустоши Мирожского монастыря «на Горах», которая находилась параллельно в совладении еще трех монастырей: Свято-Отецкого с Запсковья, Стефановского с Завеличья, Егория Святого, что в среднем городе на болоте. Подобные совместные владения приводили не только к активным обменам между собственниками-совладельцами, но и могли вести к частным спорам, что не способствовало эффективному использованию земель. Кроме этого, причинами, сдерживающими развитие монастырского землевладения, по мнению автора, стали низкая плодородность почв и частое участие Пскова в войнах. Н. Серебрянским также были выделены виды монастырских владений, характерные для псковского церковного хозяйства. Это были монастырские слободки, села, сельца, деревни, починки, мызы (Печерский монастырь), пустоши, селища, пожни, луга, леса, окологородные нивы, огороды, в редких случаях сады.

Авторы дореволюционного периода смогли привлечь значительный массив источников, позволивших изучить церковно-монастырское и дворянское землевладение региона.

В первые послереволюционные десятилетия интерес к изучению истории дворянского землевладения практически отсутствовал, что было связано с «подъемом» тем, акцентирующих внимание на кризисных явлениях в экономике помещичьих имений, угнетенном положении крепостных крестьян, народных движениях и развитии крепостного права, что полностью укладывалось в идеологическую доктрину новой советской власти.

К дворянской тематике обращаются в контексте интереса к усадебному быту. В 1920-е годы выходят статьи, посвященные дворянским усадьбам, которые публиковались на страницах журнала «Старые годы», а в 1922 г. было создано «Общество изучения русской усадьбы»³¹. Значимой стала работа Б. В. Скитского «Очерки быта русской провинции во вторую половину XVIII века»³². Он отмечает, что всё новое и лучшее, что появилось в быту дворян и других жителей провинции в изучаемый период, имело

³¹ Сгибнева О. И. Усадьба в культурном наследии России // Михайловская пушкиниана. Вып. 23. М., 2002. С. 31–37.

³² Скитский Б. В. Очерки быта русской провинции во вторую половину XVIII века. Владикавказ, 1927.

сложности в развитии из-за существующей системы крепостничества.

Вопросы, связанные с историей российского дворянства XVIII в., затрагивались в работах М. С. Ольминского, который уделил внимание аспектам самопополнения дворянства, охарактеризовал дворян-торговцев и промышленников в контексте изучения развития и становления государства, абсолютизма и бюрократии в России³³.

К проблеме крепостной эксплуатации крестьян помещиками на Псковщине в XVIII в. обращался К. В. Сивков³⁴. Он воспроизвел хронологию восстания 1744 г. с описанием деталей социального протеста крестьян и событий, сопутствующих его подавлению.

В 1930 г. вышла в свет работа Н. Никольского, посвященная истории русской церкви, в которой была дана марксистская оценка событиям 1764 г.³⁵ Большие финансовые доходы государства и полное превращение церкви в ведомство государственного управления — таковы, по его мнению, были основные результаты секуляризации в России. Проследившая рост налогообложения экономических крестьян до 1783 г., Н. Никольский указывал на не менее тяжелое, чем до реформы, положение бывших монастырских крестьян.

Крепостное право в вотчинах крупнейших помещиков XVIII в. — Шереметевых — стало предметом изучения К. Н. Щепетова. Автор отметил рост земельных владений и рассмотрел повинности крепостных крестьян, уделив внимание и классовой борьбе³⁶.

Таким образом, советские авторы довоенного этапа затрагивали тему дворянства в контексте изучения крепостного права, классовой борьбы и усадебного быта, а также формирования бюрократического аппарата.

³³ Ольминский М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. 3-е изд. Л., 1925. С. 12.

³⁴ Сивков К. В. Из истории крестьянских восстаний в XVIII в. (Восстание 1744 г. в Псковской провинции) // Известия Тверского педагогического университета, 1926. Вып. 2. С. 76–94.

³⁵ Никольский Н. История Русской церкви. М., 1930. С. 151.

³⁶ Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. (1708–1885). М., 1947. С. 301.

В первое послевоенное десятилетие в научный оборот вводится широкий круг источников, позволяющих, в том числе, анализировать численность и состав дворянского сословия. Так, в 1951 г. были опубликованы отписные книги первой четверти XVIII в. под редакцией К. В. Сивкова³⁷. В это же время начали издаваться «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», в которых систематически публиковались источники и статьи, так или иначе связанные с дворянством³⁸. В 1958 г. начал работу симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, стал издаваться «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», в котором публиковались и исследования, касающиеся помещичьего хозяйства³⁹.

К 60 гг. XX в. относится серия обобщающих трудов, посвященных как истории СССР в целом, так и истории русской церкви. Группой исследователей (Ю. Я. Коган, Е. Ф. Геркулов, В. Ф. Миловидов) секуляризация 1764 г. была рассмотрена как

³⁷ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951. С. 311–375.

³⁸ Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Вып. 1–7. М., 1959–1969. С. 17.

³⁹ Милов Л. В. Об элементах перелога и залежи в земледелии России XVIII в. // IV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Риге. Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1961. С. 99–101; Шепукова Н. М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII — первой половине XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1964. С. 402–419; Горская Н. А., Милов Л. В. Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII — второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966. С. 173–192; Ясман З. Д. Попытки введения улучшенных сельскохозяйственных орудий в помещичьих хозяйствах второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1965. С. 246–255; Иванов В. А. Формулярные (послужные) списки как источник сведений о землевладении местной дворянской бюрократии России в предреформенное время // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. Источники и методы исследования. Тезисы докладов и сообщений XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2010. С. 41–43; Черников С. В. Правящая элита России 1700–1762 гг.: влияние демографических факторов на развитие родовой собственности // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв.: XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Брянск, 2018. С. 58–60.

завершающий этап длительной борьбы между светской и духовной властью, в результате которой церковные структуры предстали в качестве «идейной опоры феодально-крепостнических порядков в условиях абсолютизма»⁴⁰. Историки критически подошли к утверждению о широкомасштабном разорении церкви в постсекуляризационный период. Последствием секуляризации духовных вотчин, по их мнению, стала переориентация церкви на новые материальные источники благосостояния, уже не феодального, а капиталистического характера. В очерке, посвященном истории СССР второй половины XVIII в., рассматриваются основные цели, которые преследовало руководство страны при проведении секуляризации⁴¹. Главное место среди них занимали стремления увеличить государственный земельный фонд, ослабить роль церкви, а также желание устранить с рынка церковное хозяйство, конкурирующее с дворянским.

Исследователи А. И. Клибанов и Н. И. Павленко, рассматривая последствия секуляризации второй половины XVIII в. — важнейшего проявления политики «просвещенного абсолютизма», указывали, что земли экономических крестьян после 1764 г. не были подвергнуты массовой раздаче⁴². Причину этого исследователи видели в опасениях, которые испытывало государство перед возможностью возобновления массовых крестьянских восстаний.

К анализу исторических источников, содержащих данные по дворянскому землевладению XVIII в., обращаются Л. В. Милов и А. А. Горский. Л. В. Милову удалось не только рассмотреть историю составления «Экономических примечаний» к Генеральному межеванию, но и установить время межевания, эволюцию формуляра⁴³. А. А. Горский представил количественный анализ сводных данных «Экономических примечаний» к Генеральному межеванию⁴⁴. Археографический анализ публикаций документов

⁴⁰ Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.). М., 1967. С. 189.

⁴¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия 2 пол. XV — начало XVI в. М., 1956. С. 54–59.

⁴² История СССР с древнейших времен до наших дней. М. 1967. Т. 3. С. 496.

⁴³ Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965. С. 80.

⁴⁴ Горский А. А. Экономические примечания к Генеральному межеванию как

о крестьянском движении в исследуемый период был проведен Б. Г. Литваком⁴⁵.

История дворянства XVIII в. прослеживается в работах обобщающего характера. В фундаментальном труде «Очерки истории СССР» коллектив авторов в составе Н. М. Дружинина, М. В. Нечкиной, Б. А. Рыбакова и др. рассматривает дворянство как господствующее сословие, поддерживающее абсолютную монархию, добиваясь при этом привилегий для себя. Первая половина XVIII в. определялась как время укрепления дворянства, вторая — как период усиления крепостничества и, соответственно, классовой борьбы⁴⁶.

В многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» также обращено внимание на усиление роли дворянского сословия, особенно в местном управлении и судебных органах. Н. И. Павленко, Л. Г. Бескровный, Б. Б. Кафенгауз отмечали законодательное оформление привилегий дворянства в XVIII в., особо подчеркивая монопольное право последних на владение землей⁴⁷. Ю. Р. Клокман в работе «Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в.»⁴⁸ характеризует специализацию, развитие промыслов и неземледельческого отхода, что позволяет более полно представить хозяйственную жизнь региона в середине столетия.

К теме дворянского землевладения в 1950–1960-е гг. исследователи обращаются в контексте дискуссий по проблеме кризиса феодальных и генезиса капиталистических отношений в

источник по истории сельского хозяйства России во второй половине XVIII века. (Опыт количественного анализа) // История СССР. 1984. № 6. С. 117–122.

⁴⁵ Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг.: История и методика изучения источников. М., 1989. С. 165–166.

⁴⁶ Очерки истории СССР. В 9 т. Т. 7. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. Преобразования Петра I / Под ред. Б. Д. Грекова и др. М., 1954; Очерки истории СССР. В 9 т. Т. 8. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. / Под ред. Б. Д. Грекова и др. М., 1957; Очерки истории СССР. В 9 т. Т. 9. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века / Под ред. Б. Д. Грекова и др. М., 1956. С. 289.

⁴⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12 т. Т. 3. Превращение России в великую державу. Народные движения XVII–XVIII вв. М., 1967. С. 246–715.

⁴⁸ Клокман Ю. Р. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. М., 1960. С. 73–79.

России во второй половине XVIII в. Н. И. Павленко, пришел к выводу, что Российское государство в XVIII в. упразднило всякие ограничения на дворянское землевладение. Этой же точки зрения в последующем придерживался А. А. Преображенский⁴⁹. Работа Я. Е. Водарского, в которой был представлен анализ размещения и приведены размеры боярско-дворянского вотчинного и помещичьего землевладения, стала первым крупным исследованием советского периода, посвященным непосредственно дворянству⁵⁰. Специфику землепользования на Псковщине охарактеризовала Н. Н. Масленникова в коллективной монографии «Аграрная история Северо-Запада России XVII в.»⁵¹.

В 1970-е годы вышла серия обобщающих работ, посвященных положению монастырских крестьян XVII — начала XVIII вв. А. Я. Водарским с позиции исторической географии было изучено положение крепостных крестьян церкви в XVII — начале XVIII вв.⁵² Монастырские крестьяне центральной России в XVII в. стали объектом изучения Н. А. Горской⁵³.

Вопросы, касающиеся изучения монастырских крестьян, неразрывным образом связаны с историей монастырского землевладения в целом. В работе И. А. Булыгина был проведен глубокий анализ положения, динамики численности, территориального расположения монастырских крестьян и церковных владений в начале XVIII в.⁵⁴ В работе были определены основные регионы

⁴⁹ Павленко Н. И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII–XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 59–65; Преображенский А. А. Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVIII — начала XIX в. // Вопросы истории, 1977. № 5. С. 66–62.

⁵⁰ Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX в.: размеры и размещение. М., 1988; он же. Население России в конце XVII — начале XVIII века: численность, сословно-классовый состав, размещение. М., 1977. С. 45–46.

⁵¹ Масленникова Н. Н. Землепользование на Псковской земле // Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л., 1989. С. 154–160.

⁵² Водарский Я. Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII вв. // Историческая география России: XII — начало XX вв. М., 1975. С. 82.

⁵³ Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977. С. 152–153.

⁵⁴ Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. С. 97.

концентрации духовных владельцев и их крестьян: это территория старорусского центра — Центральный нечерноземный, а также Северо-Западный районы страны. Кроме этого И. А. Булыгиным была дана общая характеристика хозяйства духовенства как крупновотчинного и приведены данные, подтверждающие рост численности монастырских крестьян в исследуемый период, однако при этом он указывает на обратную динамику по ряду отдельных вотчин. Исследователь рассматривал церковную политику государства петровского времени в качестве начала реальной секуляризации, послужившей прологом для окончательной полной секуляризации второй половины XVIII в.

История крестьянства Северо-Запада страны XVIII в. подробно была изучена Е. В. Анисимовым и Л. В. Выскочковым. Исследованы такие вопросы как демографическая и внутрисословная структуры, земельное хозяйство, промыслы, процесс расслоения и повинности крестьян.

Е. В. Анисимовым была прослежена динамика численности крестьян различных категорий на территории Северо-Запада по материалам I—III ревизий⁵⁵. Исследователем был отмечен особо интенсивный рост крестьянского населения Псковской губернии первой половины XVIII века (на 41,3 %). Число монастырских крестьян в указанный период возросло с 18,8 до 39,1 тыс. душ (на 105,7 %). Исследователь пришел к выводу, что подобное стремительное увеличение населения Псковского края стало следствием земельной политики духовных и светских феодалов, которые стремились использовать наиболее благоприятные из всего региона земледельческие условия губернии и, как следствие, прибегавшие к традиционному способу перевода из других районов крестьян на более плодородные земли Пскова. По данным Е. В. Анисимова, наиболее плодородные земли региона располагались на Псковщине.

Во второй половине XVIII в. по показателю количества проживавшего крестьянского населения Псковская земля продолжа-

⁵⁵ История крестьянства Северо-Запада России: период феодализма / [А. И. Копанев, Е. Н. Носов, М. Б. Свердлов и др.; редкол: А. И. Копанев (отв. ред.) и др.]; СПб.: Санкт-Петербургский фил. Ин-та истории Российской АН, 1994. С. 159.

ла оставаться лидирующим регионом на Северо-Западе. На основании данных III и V ревизий Л. В. Выскочковым был сделан вывод об общем увеличении крестьянского населения на 25,3 % во второй половине XVIII в.⁵⁶. Отдельное внимание было уделено вопросу роста численности экономических крестьян. По данным Л. В. Выскочкова, Псковский край с 39 138 душами занимал второе место по численности бывших крестьян духовного ведомства на территории Северо-Запада.

Благодаря материалам ревизий был сделан вывод о том, что Псковская земля к концу столетия достигла максимально возможного на тот период уровня поселенческого и сельскохозяйственного освоения. Исследователем было указано на такую особенность Псковской провинции, как концентрация накануне секуляризации большого количество церквей — собственников крестьян. Также автором была рассмотрена борьба монастырских крестьян конца 50-х — начала 60-х гг. XVIII в., которая сыграла «важную роль в переходе правительства к секуляризационной политике»⁵⁷.

Вместе с тем комплексное самостоятельное изучение реформы 1764 г. было проведено весьма ограниченным кругом исследователей. Первой крупной работой, непосредственно посвященной секуляризации в России второй половины XVIII в., стало исследование А. Завьялова, увидевшее свет в 1900 году⁵⁸. Автор в самом начале поднимает вопрос об имущественном праве Русской церкви. Он указывает на то, что секуляризация касалась в первую очередь недвижимой и населенной собственности церковных учреждений. И самой реформой был затронут общий вопрос, в целом, о праве церкви на имущество. Исследователь обращает нас к так называемому, по его мнению, первоисточнику церковного права — Священному писанию, а также греко-римскому праву.

⁵⁶ История крестьянства Северо-Запада России: период феодализма / [А. И. Копанев, Е. Н. Носов, М. Б. Свердлов и др.; редкол. А. И. Копанев (отв. ред.) и др.]; СПб.: Санкт-Петербургский фил. Ин-та истории Российской АН, 1994. С. 187–194.

⁵⁷ Там же. С. 219.

⁵⁸ Завьялов А. Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. СПб., 1900. С. 85.

Доказывая исторически сложившееся право церкви на владение имуществом, А. Завьялов обращается к целям деятельности церковных организаций. И именно здесь, по его мнению, материальное имущество церкви служит средством и орудием в достижении поставленных целей. Отдельные части работы посвящены изучению вопроса происхождения имуществ и имущественного права, а также изучению системы имущественного права Русской церкви, в основе которых лежали церковные правила и законы византийских царей. Рассматривая события 60-х гг. XVIII в., автор более подробно останавливается на вопросах деятельности комиссии о церковных имениях, штате Святейшего Синода, системе содержания епархиальных управлений и монастырей.

Е. И. Индова обратила внимание на проблему конфискаций дворянских земель. Исследуя материалы конфискаций, она пришла к выводу, что для первой половины XVIII в. характерно государственное перераспределение дворянского земельного фонда, поскольку конфискации заметно превышали раздачу⁵⁹. Б. В. Носов, анализируя политику правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30–70-е годы XVIII в., пришел к выводу, что она определялась стремлением абсолютистского государства поставить землевладение дворян под бюрократический контроль⁶⁰.

Тесно связанную с дворянским землевладением тему налогообложения анализировал В. И. Неупокоев. Он обратил внимание на усиление сословно-податного начала в общественном строе в этот период⁶¹.

Помещичьи инструкции в контексте исследования специфики сельского хозяйства России второй половины XVIII в. проана-

⁵⁹ Индова Е. И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М., 1975. С. 272–292; Индова Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX в. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М., 1955; Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964. С. 144.

⁶⁰ Носов Б. В. Политика правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30–70-х гг. XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 3–4.

⁶¹ Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII — начале XIX вв. М., 1987. С. 38.

лизировал Н. Л. Рубинштейн. Автор представил их эволюцию, а также определил функции приказчиков в помещичьих владениях⁶².

Вопрос об эксплуатации крепостных был основным в работах К. Н. Щепетова, Ю. А. Тихонова, Л. С. Зудиной, П. К. Алефиренко, М. Т. Белявского, Г. М. Дейча. Изучая характер крепостной эксплуатации, К.Н. Щепетов выявил тенденцию перевода крестьян целиком на господскую работу, когда крепостные были лишены земельного надела, трудились на полях помещика, получая натуральную месячную плату в виде продовольственного пайка и одежды⁶³. Ю. А. Тихонов, анализируя материалы Поместного приказа, установил территориальную распространенность отработочной и денежной ренты, возрастание ее размеров⁶⁴. Л. С. Зудина пришла к выводу, что концентрация земельных ресурсов у крупнейших владельцев во второй половине XVIII в. приводит к усилению эксплуатации средними и мелкими владельцами своих крестьян⁶⁵. П. К. Алефиренко, проанализировав предпосылки крестьянских волнений, обратил внимание на взаимосвязь нарушения хозяйственной замкнутости, роста экономических связей с округой и городом с расширением кругозора крестьян, что в свою очередь порождало и усиливало антикрепостнические настроения в деревне. Автор подчеркивал нарастание политической напряженности в связи с частыми дворцовыми переворотами и изменениями внутренней политики, что стало дополнительным катализатором и без того серьезных противоречий между господами и крепостными. Рассматривая крестьянские челобитные, указы и следственные дела Тайной розыскальной канцелярии, автор пришел к выводу, что крестьянство воспринимало себя в качестве экономической основы государства и старалось показать в челобитных незаконный и антигосударственный подход к

⁶² Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. Историко-экономический очерк. М., 1957. С. 67–69.

⁶³ Щепетов К. Н. Из жизни крепостных крестьян России XVIII–XIX веков: по материалам Шереметьевских вотчин. М., 1963. С. 35.

⁶⁴ Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодалная рента в XVII — начале XVIII вв. М., 1974. С. 305.

⁶⁵ Зудина Л. С. Дворянское землевладение во второй половине XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 129.

положению крестьян со стороны помещиков⁶⁶. М. Т. Белявский не только исследовал предпосылки крестьянских волнений, но и описал широкий комплекс полномочий дворянина по отношению к своим крепостным⁶⁷.

Г. М. Дейч изучил условия производственной деятельности крепостных крестьян в помещичьем хозяйстве Псковщины, а также выявил факты борьбы крепостных со своими феодалами в конце XVIII — первой половине XIX вв⁶⁸. Н. В. Козлова, изучив показания беглых крестьян первой трети XVIII в., выделила уезды, из которых бежали крепостные, причины и направления побегов, обстоятельства возвращения⁶⁹.

В. М. Кабузан представил общую численность, этнический состав и размещение помещичьих крестьян в России⁷⁰. Отдельные сведения о численности помещичьих крестьян в XVIII в. приведены в издании «Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII — первая половина XVIII в.»⁷¹.

К служебной деятельности дворянства обращались Н. П. Ерошкин, С. М. Троицкий. Н. П. Ерошкин пришел к выводу, что новая система организации управления, когда верховная власть взяла на себя функцию надзора, обеспечивая ее не посредством учреждений, а узкого круга лиц, наделенных особым доверием, способствовала росту должностных преступлений в дворянской среде⁷². С. М. Троицкий на основе анализа социального

⁶⁶ Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50 гг. XVIII в. М., 1958. С. 115.

⁶⁷ Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965. С. 125–146.

⁶⁸ Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и первой половине XIX вв. Псков, 1957. С. 342.

⁶⁹ Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII в.: из истории социально-экономической жизни страны. М., 1983. С. 41–71.

⁷⁰ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения в России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. С. 178–184; он же. Крепостное население России в XVIII — 50-х гг. XIX в. (численность, размещение, этнический состав). СПб., 2002. С. 23.

⁷¹ Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII — первая половина XVIII в. М., 1989 / Сост. Я. Е. Водарский, О. А. Шватченко. С. 96–113.

⁷² Ерошкин Н. П., Куликов Ю. В., Чернов А. В. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965. С. 120.

состава российской бюрократии XVIII в., выявил предпочтения дворян в службе, их взаимоотношения с властью, обозначил ведущую роль этой группы общества в политической и общественной жизни⁷³.

Внимание к вопросу взаимоотношений самодержавия и дворянства было привлечено в ходе дискуссии о русском абсолютизме. По мнению А. Я. Авреха, политика самодержавия по отношению к дворянству в XVIII в. была политикой лавирования между помещиками и буржуазией⁷⁴.

Изменение положения дворянского сословия в результате преобразований Петра I, а также дальнейшая судьба опоры трона в середине и второй половине XVIII в. освещены в исследованиях Е. В. Анисимова⁷⁵. Законодательные способы влияния на дворянство первой четверти XVIII в. прослеживаются в работах В. И. Буганова⁷⁶ и Н. И. Павленко⁷⁷.

Специфика положения дворянского сословия в этот период рассматривалась в контексте законодательной и правовой политики. Степень изученности законодательства и особенности интерпретации законодательных актов, касающихся дворянства, отражены в комментариях к изданию «Российское законодательство X–XX вв.»⁷⁸.

Таким образом, в советской период авторы раскрывают актуальные для того времени вопросы классовой борьбы и крепостной эксплуатации, что позволяет осветить отдельные аспекты истории землевладения, землепользования, повинностей и взаимоотношений с крепостными. Продолжается изучение сословной структуры общества. Внимание исследователей привлекает культурно-бытовая сторона жизни сословий и др. Значимой заслугой

⁷³ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство XVIII в. М., 1974. С. 24–79.

⁷⁴ Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104.

⁷⁵ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 479–495; он же. Россия в середине XVIII в. Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 227–235.

⁷⁶ Буганов В. И. Петр Великий и его время. М., 1989. С. 138–140.

⁷⁷ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 108.

⁷⁸ Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4–5 / Под ред. О. И. Чистякова. М., 1986–1987. С. 123.

историографии советского периода является привлечение значительного массива источников, анализ и обобщение сведений которых позволяет определить перспективны дальнейшего изучения отдельных вопросов в рамках данного проблемного поля.

Новый этап в изучении церковно-монастырского и дворянского землевладения начался с 1990-х гг. В конце XX в. в отечественной историографии получают распространение так называемые «специальные методологии»: микроистория, история повседневности и т. д. Авторы начинают работать на стыке истории и других гуманитарных дисциплин. Продолжают оставаться актуальными вопросы крепостной эксплуатации. К этим темам обращаются О. А. Шватченко, А. Б. Каменский, А. В. Борисова, С. В. Юферова, Д. А. Черненко, А. Л. Грязнов, Н. В. Пиотух. О. А. Шватченко проанализировал вотчинную систему XVII в. как целостное явление в масштабах всей страны, что дало возможность осветить процессы, связанные с землевладением светских феодалов в эпоху Петра I⁷⁹. А. Б. Каменский характеризует представления о собственности в российском обществе XVIII в., в том числе и отношение к крепостным крестьянам⁸⁰. Обеспеченность крестьян землей в помещичьих владениях охарактеризовала А. В. Борисова⁸¹. С. В. Юферова указала на влияние деятельности Вольного экономического общества на помещичье хозяйство второй половины XVIII в.⁸²

В аспекте развития истории правовых отношений церкви и государства дает оценки секуляризационной реформе А. Николин⁸³. Автор рассматривает весь XVIII в. как период непрекращающихся попыток государства по изменению мировоззрения и образа жизни русского человека на протестантский лад.

⁷⁹ Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России в эпоху Петра I. М., 2002. С. 82–83.

⁸⁰ Каменский А. Б. «Крещенная собственность» в законодательстве XVIII в. // Представления о собственности в Российском обществе XV–XVIII вв.: Проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи. М., 1998. С. 150–192.

⁸¹ Борисова А. В. Крестьянство России в конце XVIII в. — первой половине XIX в. Ярославль, 2000. С. 20–24.

⁸² Юферова С. В. Вольное Экономическое Общество и помещичье хозяйство во второй половине XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 62.

⁸³ Николин А. Церковь и Государство. М., 1997. С. 31–33.

Интересной работой в области социологии религии является монографическое исследование Ю. Ю. Синелиной⁸⁴. Автор основывается на утверждении об усилении религиозного фактора в современном мире и рассматривает секуляризацию как много-сторонний исторический процесс. Ее начало относится к петровским временам, именно тогда Россия попала под сильнейшее влияние Западной Европы, где активно шел процесс секуляризации. Ю. Ю. Синелина показывает секуляризацию как процесс изменения религиозного мировоззрения, направленного на все большее освобождение индивида от любой формы общественного контроля в сфере свободы личности.

А. Е. Виденева дает оценку государственной политики XVIII в. в отношении церкви как способа ее подчинения в политическом, экономическом и идеологическом отношении⁸⁵. Из всех реформ XVIII в. особо отмечается секуляризация 1764 г. — ключевое событие в истории Русской церкви, которое определило принципиально новые условия существования духовных корпораций, имеющих вотчинные хозяйства. В своей работе автор прослеживает на примере Ростовской епархии, как секуляризация земель духовенства привела впоследствии к существенным изменениям в административной системе управления.

Исследователи М. А. Ковальчук и А. А. Тесля в работе «Земельная собственность в России: правовые и исторические аспекты XVIII — первая половина XIX в.» проводят анализ становления поземельного юридического права в России⁸⁶. Обращая свое внимание на XVIII в., авторы приводят ряд отличительных особенностей периода. Сюда относится и законодательное оформление сословного общества, и формирование единой категории земельной собственности (стирание различий между вотчиной и поместьем), и оформление обобщающего понятия собственности

⁸⁴ Синелина Ю. Ю. Секуляризация в социальной истории России. М, 2004. С. 176.

⁸⁵ Виденева А. Е. Ростовский Архиерейский дом и система епархиального управления в России в XVIII в. М. 2004. С. 67.

⁸⁶ Ковальчук М. А., Тесля А. А. Земельная собственность в России: правовые и исторические аспекты XVIII — первая половина XIX в. Библиотека Хроноса, 2004. С. 18.

как сфере общественных отношений по поводу вещей, имеющих ценность. Наряду с этим, в качестве четвертого признака указывается секуляризация церковных земель, которая не только значительно способствовала пополнению государственного земельного фонда, но и ликвидировала «...особый частноправовой порядок, выведенный за пределы государственно-оформляемого права».

Один из разделов монографии посвящен истории взаимоотношений государства и церкви по вопросу земельной собственности. Начало активных и действенных мер правительства в отношении сформировавшегося огромного в масштабах страны фонда земель духовных корпораций относится исследователями к началу XVIII в. — периоду правления Петра I. Считая секуляризацию делом назревшим, неотвратимым и движущимся лишь к поиску наиболее удобной формы воплощения уже в 30–40-е гг., авторами обращается внимание на ту легкость, с которой государство переводило орган, отвечающий за непосредственное руководство церковным имуществом — Коллегию Экономии то в ведение Сената, то в ведение Синода. В качестве значения секуляризации указывается расширение государственного земельного фонда и лишение церкви материальной независимости. Помимо этого, по мнению авторов, после 1764 г. практически полностью исчезает особая правовая сфера — сфера церковного вещного права. Происходит ограничение сферы применения церковного канонического права собственности, отдельные положения которого имели силу только через «включение их в общеимперское законодательство и только в меру признания их последним»⁸⁷.

Отдельное внимание уделялось исследователями проблеме организации хозяйственной деятельности духовных собственников и складыванию монастырского хозяйства к XVIII в. Нужно отметить, что в целом в течение XX — в начале XXI вв. вышли монографии, посвященные землевладению и отдельным направлениям хозяйственной деятельности отдельных крупных духовных корпораций страны и Патриаршего дома XV–XVII вв.⁸⁸

⁸⁷ Ковальчук М. А., Тесля А. А. Земельная собственность в России: правовые и исторические аспекты XVIII — первая половина XIX в. Библиотека Хроноса, 2004. С. 19–26.

⁸⁸ Греков Б. Д. Новгородский дом Святой Софии: опыт изучения организа-

Крупным исследователем по истории секуляризации второй половины XVIII в. является А. И. Комиссаренко. В отдельной работе им был проведен подробный источниковедческий и историографический анализ по проблеме монастырского хозяйства 20–60 гг. и секуляризации второй половины XVIII в.⁸⁹. Состояние вотчинного хозяйства духовенства, процесс разработки программы реформы и ее реализация нашли свое отражение в монографии «Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в.»⁹⁰. Главным объектом изучения стало вотчинное хозяйство духовных феодалов в период подготовки и осуществления секуляризационной реформы 1764 г. Один из разделов работы посвящен вотчинному хозяйству духовных феодалов в 20–60 гг. XVIII в. Здесь были рассмотрены вопросы, касающиеся размещения вотчин и крестьян духовенства на территории страны, системы управления вотчинами, а также размер десятинной пашни монастырей и архиерейских домов. Проанализировав посевы и урожайность церковных земель, автор приходит к выводу о том, что состояние зернового хозяйства синодальных и монастырских вотчин в середине XVIII в. свидетельствует об упадке крепостного вотчинного производства и в целом кризисном состоянии хозяйства духовных собственников накануне секуляризации. Исследователем были изучены финансовые документы некоторых монастырей-вотчинников накануне секуляризации. Так, были приведены данные о приходе денежных средств такой крупной духовной корпорации второй половины XVIII в., как Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, основную часть которых составляли собиравшиеся

ции и внутренних отношений крупной церковной вотчины. СПб., 1914; Дмитриева З. В. Вытны и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб. 2003; Копанев А. И. История землевладения Белозерского края в XV–XVI вв. М.; Л., 1951; Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVI в.: по материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М. Л. 1959; Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII вв. (по Архиву Троице-Сергиевой лавры). М., 2004; Сахаров А. Н. Русская деревня: по материалам патриаршего хозяйства. М., 1966. С. 191–225.

⁸⁹ Комиссаренко А. И. Хозяйство монастырских вотчин и секуляризационная реформа в России 20–60 гг. XVIII в. М., 1985. С. 85

⁹⁰ Комиссаренко А. И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. М., 1990. С. 75.

с крестьян оброчные суммы. В результате, А. И. Комиссаренко был сделан вывод о натурально-потребительском характере монастырского хозяйства и его эпизодической связи с рынком. Кроме того, в работе обращается внимание на возросшее количество крестьянских волнений к середине XVIII в., что, по мнению исследователя, ускорило проведение секуляризации в стране.

Рассмотрев процесс разработки положений и реализации реформы 1764 г., исследователь приходит к выводу, что «в основе длительной и упорной борьбы абсолютистского государства с духовными феодалами лежали глубокие социально-экономические причины, главными из которых были противоречия из-за земельной собственности, крестьян и феодальной ренты»⁹¹. Наряду с этим, А. И. Комиссаренко рассматривает секуляризацию 1764 г. прологом к будущему освобождению крестьян в XIX в.

За последние десятилетия история секуляризации нашла свое отражение в ряде диссертационных исследований. В начале работы О. Н. Яшина ставит перед собой задачу проследить единый процесс накопления, утраты и последующего восстановления земельной собственности духовенства на местном уровне⁹². В целом, автор отмечает, что проблема церковного землевладения после 1764 г. не исследовалась. В работе дается характеристика секуляризации как сложного, многогранного и неизбежного процесса. На примере Саввино-Сторожевского монастыря были прослежены итоги реформы, среди которых резкое сокращение земельных владений и изменение традиционной ориентации хозяйства духовенства. В исследовании была проанализирована хозяйственная деятельность Саввино-Сторожевского монастыря до секуляризации 1764 г. Так, автором отмечается тесная связь хозяйства с рынком, однако при этом указывается, что его все же нельзя назвать рентабельным, о чем, в свою очередь, свидетельствовало большое количество зафиксированных в источниках сведений о монастырских недоимках. При анализе последствий церковной

⁹¹ Комиссаренко А. И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. М., 1990. С. 123.

⁹² Яшина О. Н. Земельная собственность Русской православной церкви в России в XVIII — первой половине XIX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 93.

реформы 1764 г. О. Н. Яшиной секуляризация была показана как способ обновления всего русского монашества, которое не только позволило провести полную перестройку своего хозяйства на новый лад, но и создало условия для более духовного образа жизни.

Истории православных монастырей, монашества и секуляризации земель духовенства на территории Олонецкой епархии посвящено исследование Ю. Н. Кожевниковой. На примере епархии был прослежен процесс закрытия и запустения церковных обителей после 1764 г., а также постепенное возрождение монастырской жизни в XIX в. По данным автора, накануне секуляризации на территории Олонецкой Епархии насчитывалось 42 монастыря. Исследователь указывает, что уже «к 40 годам XVIII в. местные обители практически обезлюдели. Общины состояли из 2–4, реже 6 человек...»⁹³. Скорее всего, хозяйственное запустение и стало причиной упразднения большего числа обителей. Так, в Олонецкой Епархии после секуляризации было упразднено 35 из ранее существовавших монастырей, которые после были преобразованы в сельские приходы. Автор указывает на особые условия, от которых зависела материальная обеспеченность монастыря. Это наличие особых святынь (чудотворных икон, мощей), привлекающих паломников, а также расположение вблизи от оживленных магистралей и крупных поселений. Секуляризация 1764 г. здесь показана как трагическое событие в жизни Русской Православной церкви, после которого последовал длительный и сложный процесс ее восстановления.

На протяжении XX в. вопрос о характере землевладения в Псковской феодальной республике неоднократно являлся предметом дискуссий. Б. Д. Греков в своей работе «Крестьяне на Руси» сделал вывод о том, что на рубеже XV–XVI вв. на Псковской земле свободные крестьянские общины были поглощены крупными светскими и духовным феодалами⁹⁴. Тем самым, было подготовлено утверждение о господстве в Псковской феодальной

⁹³ Кожевникова Ю. Н. Православные монастыри и монашество Олонецкой Епархии во 2 половине XVIII — начала XX вв.: Автореф. дисс. ... кад. ист. наук. СПб., 2006. С. 17–21.

⁹⁴ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1952. С. 120.

республике XIV–XV вв. крупного феодального землевладения. Позднее этот вывод был повторен в исследовании И. Д. Мартысевича, Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье⁹⁵. В большинстве случаев историками проводились аналогии с социально-экономическим развитием Великого Новгорода, для которого было характерно преобладание крупных земельных владений. Иная точка зрения была высказана М. Н. Тихомировым в работе «Россия в XVI столетии»⁹⁶. Согласно его данным, в Пскове было распространено мелкое церковное землевладение, а ничего похожего на крупные вотчины Новгородской земли не наблюдалось.

После изучения документов Поместного приказа и Псковской приказной избы XV–XVII вв., Л. М. Марасиновой был сделан ряд выводов о характере псковского землевладения. Так, по данным автора, в Псковской земле не было места для крупного землевладения, поскольку его развитие сдерживал активный рост церковного и монастырского землевладения. Характерными чертами псковского церковного и монастырского землевладения были крайняя размельченность, раздробленность, чересполосица, распыленность и разбросанность земельных участков. Л. М. Марасинова предполагает, что «...Псковская земля в XIV–XV вв. представляла собой пеструю мозаику мелких и мельчайших участков земли, принадлежавших различным владельцам»⁹⁷. Приводится пример челобитной псковского архиепископа Арсения к великому князю, в котором шла речь о том, что многие земельные владения церквей и монастырей не могут быть записаны в писцовые книги ввиду их крайней размельченности. На основании документов уже более позднего времени XVI–XVII вв. автор также находит подтверждение «размельченности и незначительности» земельных участков духовенства.

Характерной чертой Псковского землевладения XIV–XV вв., на которую указывала Л. М. Марасинова, являлось широкое раз-

⁹⁵ Мартысевич И. Д. Псковская Судная грамота. М. 1951; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV–XVI вв. М., 1955. С. 71.

⁹⁶ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 98.

⁹⁷ Марасинова Л. М. Новые Псковские грамоты XIV–XV вв. М., 1966. С. 141.

вите совладения. Автор приводит пример, когда в качестве «сябров» т. е. совладельцев, могли выступать церковные старосты ряда церквей и группа частных лиц. После рассмотрения ряда спорных дел, Л. М. Марасинова пришла к выводу, что псковские церкви и монастыри вплоть до II половины XVII в. сохраняли земли, приобретенные ими до присоединения Пскова к Русскому централизованному государству. Вместе с тем, духовные собственники сохраняли старинные земельные акты XIV–XV вв. периода республики и активно привлекали их при решении спорных вопросов, а они (акты) в свою очередь сохраняли полную юридическую силу вплоть до второй половины XVII в.

Еще одной особенностью псковского землевладения, по данным Л. М. Марасиновой, являлось значительное развитие церковного и монастырского землевладения. Исследователь делает вывод об общем преобладании церковного и монастырского землевладения над светским в период Псковской феодальной республики. Интересным является рассмотренный вопрос о причинах, лежавших в основе столь интенсивного и успешного роста духовных вотчин. Автор обращается к истории социального и политического строя вечевой республики. Речь идет о так называемом процессе сращивания духовного и светского административного аппарата. Изначально на подобное явление указывал В. Л. Янин на примере Новгорода, а позднее эта особенность была отмечена многими исследователями в Пскове⁹⁸. Подобная ситуация, когда представители светской власти зачастую входили и в состав церковной администрации, способствовала распространению сферы их интересов на важнейшую экономическую составляющую — землевладение. В этом случае псковские посадники и бояре могли рассматривать церковные вотчины в качестве источников собственного благосостояния и, как следствие, не скупились на щедрые пожалования. Именно в этом видела причины интенсивного роста и широкого распространения церковного и монастырского землевладения Л. М. Марасинова.

⁹⁸ Янин В. Л. Из истории высших государственных должностей в Новгороде // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 120–127.

История церковно-монастырского землевладения Псковской земли XVI–XVII в. нашла свое отражение в работах Н. Н. Масленниковой. Занимаясь проблемой присоединения Пскова к Русскому централизованному государству, она пришла к выводу, что это событие не являлось завоеванием, а представляло собой длительный и поэтапный процесс включения в общероссийскую тенденцию образования централизованного государства, который начался задолго до 1510 г. и продолжался после⁹⁹. Это было продолжение ранее сложившихся отношений, где включение Пскова в процесс централизации не означал упадка Псковской земли. Одной из задач исследователя было определить роль церкви и духовенства в проходившем процессе централизации. Поскольку псковское духовенство заняло позицию, направленную на поддержку политики великого князя и, в целом, поддерживало идею «собирая» русских земель, после 1510 г. на территории Псковской земли не последовало секуляризации церковных вотчин, а, наоборот, под покровительством великокняжеской администрации и благодаря пожалованию московского государя и иных светских лиц их размеры заметно возросли. К таким выводам пришла Н. Н. Масленникова, детально рассматривая процесс централизации. В качестве примера были рассмотрены жалованные грамоты русских князей псковским духовным феодалам, которые давали определенные льготы тем или иным монастырям в пределах их земельных владений, а также защищали их от произвола наместников и боярских людей. Особое место в работе занимает вопрос рассмотрения грамот конца XVI в., на основании которых псковским монастырям передавались разоренные земли. Главным образом, это касается Псково-Печерского монастыря.

Интересными являются наблюдения исследователя в области вотчинной собственности духовных феодалов. На основании данных писцовых книг Н. Н. Масленникова дала характеристику церковному землевладению в Псковской земле после 1510 г. Удельный вес церковного и монастырского землевладения значительно превышал тот, что был в Новгородской земле и во всех русских землях. Н. Н. Масленникова увидела причины относи-

⁹⁹ Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 111.

тельной стойкости землевладения в хозяйственном отношении в идейно-политическом влиянии духовных феодалов на крестьян, в традиционности и прочности их хозяйства. Это прочное, традиционное и тщательно документированное церковное землевладение XVI в. и составляло отличительную черту аграрных отношений в Псковской земле вплоть до XVIII в.

Исследователь приходит к выводу, что земельные владения церкви в XVII в. продолжали расширяться и крепнуть. Указывается на поддержку со стороны властей, пустующие земли духовенства подолгу сохраняются за своими владельцами, которые получали льготы от администрации с расчетом на возобновление хозяйственной активности. Монастырские земли, сильно пострадавшие от военных действий, приписывались к более сильным корпорациям. Как отмечает Н. Н. Масленникова, в случае с Псковской землей подобные приписки разоренных монастырских земель проводились к Псково-Печерскому монастырю или к собору Святой Троицы. Автор указывает на отличительную черту монастырского и церковного землевладения к 20-м г. XVI в. Таким образом, Н. Н. Масленникова делает вывод о том, что восстановление хозяйства на монастырских землях происходит быстрее. Особенно явно эта тенденция просматривалась на примере вотчин Псково-Печерского монастыря¹⁰⁰.

В качестве источника по истории землевладения 1640–1670 гг. Н. Н. Масленникова использовала переписные книги. Поскольку источник не содержит данных о размерах земельных владений, то не представляется возможным проследить структуру и объем вотчинного хозяйства духовных феодалов. По данным писцовых книг, приведенных автором, к середине XVII в. происходит увеличение почти втрое крестьянских дворов на землях духовенства. В целом, Н. Н. Масленникова, характеризуя землевладение на Псковской земле, указывает на тенденцию сохранения большого удельного веса монастырских земель вплоть до конца XVII в.

¹⁰⁰ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. М., 1978. С. 94–112; Аграрная история Северо-Запада России XVII в. Л., 1989. С. 97–105; История крестьянства Северо-Запада России: период феодализма / [А. И. Копанев, Е. Н. Носов, М. Б. Свердлов и др.; редкол.: А. И. Копанев (отв. ред.) и др.]; СПб.: Санкт-Петербургский фил. Ин-та истории Российской АН., 1994. С. 48.

Политика правительства в отношении духовного сословия, его структура, динамика численности, материальное положение, деятельность представителей духовенства, а также их профессиональная подготовка были изучены в исследовании В. Б. Лебедева на примере Псковского духовенства второй половины XVIII в.¹⁰¹ В своей работе он приходит к выводу, что с утратой монастырями вотчин после 1764 г. происходит сглаживание различий социального статуса черного и белого духовенства. Вместе с тем, на протяжении второй половины XVIII в. сохранились и углубились такие признаки духовного сословия как замкнутость и корпоративность. В целом, вторая половина XVIII в. для духовного сословия характеризуется как довольно сложный период приспособления к новым жизненным условиям, продиктованный реформой 1764 г.

В целом необходимо отметить относительно слабую изученность истории Псковского края XVIII в., в том числе речь идет и об аграрной истории региона. Отсутствуют данные о районах концентрации земель духовенства, а это категория собственников могла сосредотачивать в своих руках большую часть земельного фонда региона.

На современном этапе изучения вопросов землевладения следует выделить научные изыскания Д. А. Черненко, который комплексно исследуя эволюцию структуры сельского хозяйства, расселения и землевладения Центральной России на основе материалов писцовых книг 1620-х гг. и «Экономических примечаний» к Генеральному межеванию 1770–1780-х гг., рассмотрел уездную структуру землевладения XVII–XVIII вв. Он выделил в структуре феодального землевладения последней четверти XVIII в. владельческие комплексы — пространственные ячейки, восходящие еще к первой трети XVII в., которые состояли только из соседних селений и пустошей¹⁰². В своем совместном исследовании Д. А. Черненко и А. Л. Грязнов обратились к изучению вопросов фамильной и пространственной структуры дворянского землев-

¹⁰¹ Лебедев В. Б. Псковское духовенство во второй половине XVIII века: Дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Псков, 2003. С. 17.

¹⁰² Черненко Д. А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. Вологда, 2008. С. 202–210.

ладения XVII–XVIII вв. по материалам Суздальского уезда¹⁰³. Н.В. Пиотух изучила распределение угодий в Новоржевском (Пусторжевском) уезде в первой половине XVII — второй половине XVIII вв¹⁰⁴.

В последнее время определенное внимание уделяется проблемам внутривотчинных отношений и условий промышленного предпринимательства как составляющей хозяйственной деятельности помещичьего имения. Этому вопросу касались в своих исследованиях О. А. Алексеева, О. В. Сизова, К. И. Юрчук, А. И. Мордашев, В. П. Спасов¹⁰⁵, В. А. Аракчеев, Ю. Н. Узенева. О. А. Алексеева изучила участие землевладельцев в торговле, степень развития промыслов на Псковской земле в XVIII в.¹⁰⁶ Свой взгляд на взаимоотношения крестьян и помещиков Псковской губернии и их развитие представили А. И. Мордашев и В. П. Спасов¹⁰⁷. Взаимоотношения помещиков между собой, а также их хозяйственную деятельность анализировал В. А. Аракчеев¹⁰⁸. Ю. Н. Узенева обратилась к изучению ведения хозяйства псковскими дворянами в первой половине XIX в¹⁰⁹.

¹⁰³ Черненко Д. А., Грязнов А. Л. Семейная и пространственная структура дворянского землевладения в Суздальском уезде в XVII–XVIII вв. // Особенности российского исторического процесса. М., 2009. С. 204–219.

¹⁰⁴ Пиотух Н. В. Новоржевский (Пусторжевский) уезд в первой половине XVII — второй половине XVIII в. Пространственно-демографические изменения: диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1999. С. 67.

¹⁰⁵ Сизова О. В. К вопросу об аграрном и промышленном предпринимательстве российских дворян в конце XVIII — первой половине XIX вв. // Дискуссионные проблемы отечественной истории. Арзамас, 1995. С. 118–129; Юрчук К. И. Помещичье промышленное предпринимательство в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Ярославль, 1992. С. 13–24.

¹⁰⁶ Алексеева О. А. Торговля и промыслы на Псковской земле в XVIII в. (1725–1800). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 152.

¹⁰⁷ Мордашев А. И., Спасов В. П. Помещики и крестьяне Псковской губернии // Псков, 2004. № 20. С. 224–231.

¹⁰⁸ Аракчеев В. А. Хозяйственное положение вотчин Меншикова в первой четверти XVIII в. // Петр Великий и его время. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 290-летию Полтавской победы. СПб., 1999. С. 13–18; Аракчеев В. А. «Право войны» русских помещиков и сюжет романа Дубровский // Михайловская пушкиниана, 2006. Вып. 42. С. 20–25.

¹⁰⁹ Узенева Ю. Н. К вопросу о хозяйственной жизни Тригорского в 1850-е гг. // Псков, 2015. № 42. С. 118–120; Узенева Ю. Н. Основные статьи доходов и расходов в Тригорском в 1850-е гг. // Михайловская пушкиниана, 2015. Вып. 64. С. 223–227.

В работе «История крестьянства Северо-Запада России» характеризуется социально-экономическая история крестьянства региона, приводятся данные о дворянском землевладении и взаимоотношениях помещиков и крепостных. Л. В. Выскочков представил статистические данные, отметил особенности ведения сельского хозяйства в регионе, а также выявил специфику промысловой деятельности крестьян и ее влияния на расслоение крепостных¹¹⁰. Д. И. Раскиным выделены факторы, определившие основное направление эволюции общественного сознания крестьян и форм борьбы с феодалами¹¹¹. Е. В. Анисимов охарактеризовал положение податного населения¹¹².

Современных историков уже не удовлетворяют прежние подходы к проблеме крепостного права в России. Происходит поворот в сторону выявления исторически оправданных закономерностей появления этого явления в России. Л. В. Милов дал характеристику специфики крестьянского мировосприятия, в котором нашло отражение восприятие собственного положения, а также отношение к помещику в системе крепостного права¹¹³. Получает дальнейшее развитие и точка зрения историков XIX в. о том, что именно на время Петра I приходится пик российского крепостничества, когда происходит закрепощение всех сословий, начатое еще прежде, а затем уже, с начала XIX в., осуществляется их медленное поэтапное раскрепощение под влиянием экономических, политических и моральных обстоятельств. А. Н. Сахаров продолжает развивать идею о крепостном праве как более широком понятии, включающем и закрепощение личности по отношению к коллективу¹¹⁴.

¹¹⁰ Выскочков Л. В. Процесс расслоения крестьян. Подати и повинности // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 208–211; Узенева Ю. Н. Изменения в демографической и внутрисословной структуре деревни // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 186–196.

¹¹¹ Раскин Д. И. Классовая борьба и общественное сознание, быт // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 212–221.

¹¹² Анисимов Е. В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 158–177.

¹¹³ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 15.

¹¹⁴ Сахаров А. Н. Общие проблемы исторической науки. О новых подходах в российской историографической науке. 1990-е годы // История и историки. 2002. № 1. С. 15–21.

Продолжается исследование темы правового положения дворянства, что находит отражение в комментариях к таким изданиям, как «Законодательство Петра I»¹¹⁵ и «Законодательство Екатерины II»¹¹⁶. К дворянскому законодательству обращают Ю. В. Рикман, О. М. Карамышев, О. Г. Агеева, А. Н. Долгих, М. А. Киселев, И. Ф. Худушина, О. А. Омельченко. Ю. В. Рикман систематизировал основные правовые акты, касающиеся дворянства, а также сопроводил их своими комментариями¹¹⁷. О. М. Карамышев пришел к выводу, что в «Табели о рангах» было одновременно подтверждена и ограничена возможность инкорпорирования в российское дворянское сословие посредством выслуги соответствующего военного чина¹¹⁸. О. Г. Агеева рассмотрела этот документ в контексте петровской европеизации императорского двора России XVIII в.¹¹⁹

Особое внимание вопросам государственно-правового регулирования положения дворянского сословия XVIII в. уделено во втором томе обобщающего издания «Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.», в которой коллективом авторов в составе А. Б. Каменского, Е. С. Корчмина, Д. О. Серова, И. В. Курукина проанализированы реформы Петра I, «эпохи дворцовых переворотов», Екатерины Великой, Павла I и определены ключевые этапы формирования дворянского сословия в Российской империи, а также специфика их правового положения на каждом из них¹²⁰.

Особенности помещичьего права ссылки крепостных в Сибирь, которое было введено актом Елизаветы Петровны от 13 декабря 1760 г., и последующую законодательную политику в этом вопросе охарактеризовал А. Н. Долгих. Автор отмечает, что количество людей, сосланных по указу 1760 г., было сравнительно

¹¹⁵ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 393.

¹¹⁶ Законодательство Екатерины II. В 2 т. Т. 2. М., 2001. С. 17.

¹¹⁷ Рикман Ю. В. Дворянское законодательство Российской империи. М., 1992. С. 23.

¹¹⁸ Карамышев О. М. Законодательные основы формирования дворянского сословия Российской империи. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 46–47.

¹¹⁹ Агеева О. Г. Императорский двор России XVIII века: между европеизацией и традицией // Российская история. 2014. № 1. С. 54–74.

¹²⁰ Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4 т. Т. 2. С. 24–298.

невелико, вектор политики в этой сфере начал меняться только в павловское царствование, что было связано с воззрениями самого императора¹²¹. М. А. Киселев реконструировал историю текста манифеста «О вольности и службе дворянства»¹²². По мнению И. Ф. Худушиной, Манифест 1762 г. поставил дворян в отношения равенства с государством¹²³. О. А. Омельченко считает, что отмена обязательной службы стала следствием давления элиты на самодержавие¹²⁴.

Вопросы службы благородного сословия, раскрываются в работах А. Н. Медушевского, И. В. Фаизовой, Е. Н. Марасиновой, В. П. Степанова, Л. Ф. Писарьковой. А. Н. Медушевский пришел к выводу, что многие представители дворянства негативно относились к обязательной службе, поскольку она исключала или сильно ограничивала другие источники доходов¹²⁵. И. В. Фаизова, опираясь на статистические данные, подробно рассмотрела дворянскую службу, ее особенности и эволюцию¹²⁶. Е. Н. Марасинова подчеркивает, что, несмотря на отмену обязательности государственной службы, чин продолжал оставаться главным критерием сословной иерархии и для самодержавной власти, и для современников¹²⁷. В послепетровское время монархия постепенно ослабляла экономические и политические рычаги давления на дворянство и усиливала интенсивность влияния на него официальной доктрины. При этом происходило смещение центра тяжести в воздействии государства: от непосредственного принужде-

¹²¹ Долгих А. Н. Ссылка крестьян на поселение в Сибирь по воле помещиков в законодательстве Российской империи // Российская история, 2013. № 3. С. 74–84.

¹²² Киселев М. А. Манифест о вольности дворянства 1762 года: реконструкция истории текста // Российская история. 2014. № 4. С. 37–53.

¹²³ Худушина И. Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII — первая треть XIX вв.). М., 1995. С. 111.

¹²⁴ Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 371–375.

¹²⁵ Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование. М., 1994. С. 307–313.

¹²⁶ Фаизова И. В. Манифест о вольности и службе дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 135.

¹²⁷ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999. С. 203–220.

ния к влиянию на мотивацию «благородного сословия», что привело к постепенной трансформации государственной службы из принудительной обязанности в патриотический долг и почетную привилегию, обеспечивающую дворянству высшее положение в обществе. Введение «Табели о рангах» и сохранение приоритета государственной службы даже после отмены ее обязательного характера, практическое слияние бюрократических разрядов и социальных групп в среде дворянства превратили чин в главный показатель сословного достоинства. При этом монархия жестко ориентировала дворян на службу, а не на успешное ведение собственного хозяйства¹²⁸. В. П. Степанов выявил и опубликовал сведения о времени службы дворян, упомянутых в Адрес-календарях во второй половине XVIII в.¹²⁹ Л. Ф. Писарькова отметила всплеск должностных злоупотреблений дворян в ряде губерний во второй половине 80-х гг. XVIII в. Многочисленные хищения казенных денег привели к тому, что в 1791 г. правительство издало указ, предписывавший более внимательно относиться к должности казначея и следить за тем, чтобы в казначействе не накапливались значительные суммы¹³⁰.

Законодательная политика правительства второй половины XVIII в. в отношении дворянства, их прав и привилегий, а также ее реальное воплощение отразилось в издании «Власть и реформы. От самодержавной к советской России»¹³¹. Вопросы формирования дворянского сословия и его сословной самоидентификации раскрываются в работах Т. М. Китаниной, Г. И. Зайцевой, С. О. Шмидта, А. В. Дмитриева, Т. А. Коваленко, Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой, Б. Н. Миронова, В. И. Буганова, Б. А. Азнаба-

¹²⁸ Марасинова Е. Н. Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII века: по материалам законодательства и переписки: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора ист. наук. М., 2008; она же. Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 21–33.

¹²⁹ Степанов В. П. Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795). СПб., 2003. С.341.

¹³⁰ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 414–436.

¹³¹ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. М., 2006. С. 163–164.

ева. Т. М. Китанина, изучив основные тенденции внутренней политики Екатерины II в отношении дворянства, пришла к выводу, что ко времени правления Екатерины II дворянство сложилось как единый класс-сословие светских феодалов, а на 1760–1780-е гг. приходится пик крепостничества, что стало возможным благодаря экономическому и юридическому усилению позиций дворянства. При этом само дворянство не было однородно ни в социальном, ни в правовом отношении¹³². Г. И. Зайцева указывает на то, что переходное состояние дворянства петровского времени отразилось в его сознании, для которого, в свою очередь, была характерна апелляция как к старым традиционным представлениям и ценностям, так и к новым идеям. Под воздействием государства происходила смена стереотипов мышления и поведения у дворян, повышался уровень сословного самосознания, шел процесс создания единого монолитного сословия¹³³. Через изучение самосознания и психологии привилегированного сословия прослеживает вопросы взаимодействия государства и российского дворянства С. О. Шмидт¹³⁴. Т. А. Коваленко считает, что предпосылкой для отделения дворянства от других сословий стали социальные и экономические факторы¹³⁵. А. В. Дмитриев, изучая военную службу дворянства середины XVIII в., подчеркивает, что в это время дворянское сословие еще не существовало как единое целое, а представляло собой конгломерат в большинстве своем мелких и мельчайших собственников, почти не связанных друг с другом общностью каких-либо политических и социальных интересов¹³⁶.

¹³² Китанина Т. М. Апогей крепостного права, или второе издание крепостничества 1760–1780-х годов (крестьянский вопрос при Екатерине II) // Северо-Запад в аграрной истории России: межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград, 2016. Вып. 22. С. 80–92.

¹³³ Зайцева Г. И. Социальная психология русского дворянства первой четверти XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 3–9.

¹³⁴ Шмидт С. О. Общественное самосознание *noblesse russe* в XVI — первой трети XIX вв. // Общественное самосознание российского благородного сословия: XVII — первая треть XIX вв. М., 2002. С. 35–49.

¹³⁵ Коваленко Т. А. Менталитет русского дворянства в контексте культуры середины XVIII в. Автореф. дис. ... канд. культурол. наук. М., 1999. С. 5–11.

¹³⁶ Дмитриев А. В. Была ли Россия «дворянской империей»? Некоторые аспекты военной службы дворянства в середине XVIII в. // Российская история. 2014. № 4. С. 102–111.

Н. А. Иванова и В. П. Желтова отмечают, что складывание дворянского сословия происходит на протяжении XVIII — первой половины XIX вв. В это время определяется состав сословия, оформляются его обязанности и расширяются права, которые принципиально отличали дворянство от других сословий, ставя его в привилегированное положение. Ограничения в составе дворянства касались лиц, не состоявших на действительной государственной службе, что усиливало служилое значение сословия. В итоге государственная служба, военная и гражданская, стала прерогативой дворянства¹³⁷. А. В. Седунов изучил деятельность административно-полицейских властей и управленческую деятельность отдельных дворян г. Пскова и Псковского края¹³⁸.

Б. Н. Миронов, применяя междисциплинарный подход и сравнительно-исторический метод, рассмотрел вопрос формирования благородного сословия на основе широкого круга источников. Анализируя социальную структуру русского общества XVIII в., автор пришел к выводу, что дворянство к 1785 г. приобретает в общих чертах признаки сословия. В основу стратификации дворянства он положил доходы и источники приобретения¹³⁹. Корпоративную организацию и изменение привилегированного положения этой части общества рассмотрел В. И. Буганов¹⁴⁰.

Продолжается работа по истории повседневности, по изучению бытовой и культурной сторон жизни привилегированного сословия, которые раскрываются в работах Ю. М. Лотмана, Ю. А. Тихонова, Р. М. Байбуровой, Т. В. Ковалевой, Ю. М. Овсянникова, Л. В. Вдовиной, О. И. Лисицыной, З. А. Тимошенко, Л. В. Васильевой, Н. Г. Розова. Ю. М. Лотман, изучая повседневную жизнь русского дворянства XVIII — начала XIX вв., рассма-

¹³⁷ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество российской империи: XVIII — начало XX века. М., 2009. С. 84–149.

¹³⁸ Седунов А. В. Административно-полицейские власти г. Пскова и Псковской земли в XVIII в. // Псков, 2004. № 20. С. 104–109.

¹³⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1999. С. 82–122; Миронов Б. Н. Время величия // Родина. 2001. № 9. С. 35–38.

¹⁴⁰ Буганов В. И. Российское дворянство // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 29–42.

тривает ее как историко-психологическую категорию. Внимание уделено быту и устройству помещичьей усадьбы¹⁴¹. Ю. А. Тихонов рассмотрел устройство помещичьих усадеб¹⁴². Р. М. Байбурова — отличия «дворянских гнезд» в провинции¹⁴³. Под редакцией Л. В. Ивановой было опубликовано исследование истории дворянской усадьбы на протяжении нескольких веков¹⁴⁴. Т. В. Ковалева отметила, что сельская усадьба зачастую была экономической основой дворянской семьи¹⁴⁵. З. А. Тимошенкова проследила преемственность между дворовыми комплексами XVII и начала XVIII вв., когда зарождаются и развиваются элементы помещичьей усадьбы¹⁴⁶.

В современных краеведческих справочных изданиях представлены сведения о дворянских имениях на Псковщине с указанием их местоположения и владельцев¹⁴⁷. Так, Н. Г. Розов суммировал описания помещичьих усадеб Псковщины с указанием их положения, владельцев, облика и истории создания¹⁴⁸. Л. В. Васильевой удалось собрать сведения об имениях Порховского уезда¹⁴⁹. М. М. Пахоменкова систематизировала имеющуюся информацию и представила в виде алфавитного справочника о дворянстве Новоржева¹⁵⁰. История Вольшова — имения Васильчиковых

¹⁴¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства. СПб., 1994. С. 117–195.

¹⁴² Тихонов Ю. А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII–XVIII вв.: сосуществование и противостояние. СПб., 2005. С. 125–138.

¹⁴³ Байбурова Р. М. Старинная русская усадьба XVIII в. // Наука и жизнь. 1993. № 8. С. 82–86.

¹⁴⁴ Иванова Л. В. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XV–XX вв.: Исторические очерки. М., 2001. С. 87–89.

¹⁴⁵ Ковалева Т. В. История сельской дворянской усадьбы в губерниях Центрального Черноземья: вторая половина XVIII — начало XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004. С. 126.

¹⁴⁶ Тимошенкова З. А. Социокультурный облик северо-западной деревни XVI — начала XVIII века. Псков, 1999. С. 12.

¹⁴⁷ Старинные усадьбы Бежаницкого района и их владельцы. Великие Луки, 2004. С. 23.

¹⁴⁸ Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. Великие Луки, 2011. С. 31.

¹⁴⁹ Васильева Л. В. Имения Порховского уезда: информационный справочник. Псков, 2008. С. 12–13.

¹⁵⁰ Пахоменкова М. М. Дворянство и город Новоржев Псковской губернии в

и Строгановых — содержится в воспоминаниях Г. В. Проскуряковой¹⁵¹. Описание владений дворян пушкинских мест представлены в исследовании В. Г. Никифорова¹⁵². В. М. Галицкий описал родовое имение дворян Коновницыных¹⁵³, С. В. Моисеев изучил архивные документы по истории дворянского имения Полоное в XVIII в.¹⁵⁴ Биографические сведения об отдельных представителях псковского дворянства содержатся в современных краеведческих справочных изданиях¹⁵⁵.

В настоящее время происходит пересмотр восприятия провинциального дворянства как отдельной части привилегированного сословия империи, отчужденного от столичного. В сборнике «Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века» отечественные и зарубежные исследователи рассматривают историю провинции как одну из центральных проблем российской истории. О. Е. Глаголева и Н. К. Фомин, изучая служебную деятельность провинциального дворянства в 1750–1770-е гг. на материалах Тульской губернии, попытались представить механизмы социального регулирования на местах и способы проведения в жизнь политики центральной власти¹⁵⁶.

Таким образом, на современном этапе развития отечественной историографии продолжается плодотворная исследовательская традиция анализа социально-экономической истории. При рассмотрении структуры феодальной собственности исследователи чаще

истории России: XVI–XX вв.: монографическое исследование. Новоржев; СПб., 2020. С. 45–48.

¹⁵¹ Проскурякова Г. В. Вольшовская старина: О родине — Псковском крае: из воспоминаний. СПб., 2008. С. 152–153.

¹⁵² Никифоров В. Г. Из Михайловского в Тригорское // Псков, 2008. № 28. С. 122–126.

¹⁵³ Галицкий В. М. К вопросу реконструкции портретной галереи Коновницыной // Псков, 1999. № 10. С. 17–22.

¹⁵⁴ Моисеев С. В. Полоное в XVIII в. по архивным документам // Краеведческие чтения. Материалы X научной конференции. Порхов, 2008. С. 174–180.

¹⁵⁵ Псковский биографический словарь. Псков, 2002; Летопись земли Псковской: годы и события. Псков, 2007; Котов В. В. Холм на Ловати и его земля. Псков, 2004. С. 30.

¹⁵⁶ Глаголева О. Е., Фомин Н. К. Дворяне «в штатском»: Провинциальное дворянство на гражданской службе в 1750–1770-е годы // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2012. С. 148–227.

сопоставляли статичные обобщенные картины землевладения по количественным параметрам (доля поместий и вотчин в уездной структуре землевладения, общее количество владений различных типов, их группировку по величине, населенности и т. п.).

Поместное право дворян раскрывается в большом количестве вопросов, касающихся крепостной эксплуатации, взаимоотношений с крестьянами, устройства вотчин и статистических данных о владениях. В то же время архивы хранят еще много источников по истории крепостного права, введение которых в научный оборот не только позволит дополнить и скорректировать уже известные концепции, но и, безусловно, приведет к постановке новых исследовательских задач.

Анализ исследователей по истории церковного и помещичьего землевладения позволяет сделать вывод об отсутствии комплексных работ, сопоставляющих церковно-монастырское и дворянское землевладение XVIII в. в системе феодальных отношений Российской империи, что делает представляемый читателю труд актуальным и востребованным в научной среде.

2. ИСТОЧНИКИ

Источниковая база исследования истории церковно-монастырского и дворянского землевладения XVIII столетия представлена несколькими группами источников.

Первую группу составили законодательные акты, принимавшиеся в отношении дворянства. Подавляющая часть нашедших применение в исследовании нормативно-правовых актов содержится в следующих изданиях: «Полное собрание законов Российской империи»¹⁵⁷, «Российское законодательства X–XX веков»¹⁵⁸ (4-ый и 5-ый тома), «Законодательство Петра I»¹⁵⁹ и «Законодательство Екатерины II»¹⁶⁰. Основные акты дворянского законодательства Российской империи, опубликованные в этих изданиях, были систематизированы В. Ю. Рикманом, который сопроводил их своими комментариями¹⁶¹.

Сравнительный анализ законодательных актов позволяет проследить изменения в оформлении и регулировании церковно-монастырского и дворянского землевладения, что отражало не только политику правительства, но и уже существующие жизненные реалии, которые предшествовали юридическому оформлению тех или иных норм.

Помимо опубликованных законодательных актов, в работе были использованы имевшие силу закона императорские указы. В ГАПО сохранились четыре указа за 1728 г. с приложенными к ним именными списками помещиков, которые должны были заплатить «окладные деньги»¹⁶², и рукописная копия указа Анны Иоанновны 1733 г., связанного с разрешением спорного дела о

¹⁵⁷ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г. Т. 5, 6, 8–10, 12, 14–17, 20, 22. СПб., 1830–1851.

¹⁵⁸ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 4–5. М., 1986–1987. 511 с.

¹⁵⁹ Законодательство Петра I. М., 1997. 878 с.

¹⁶⁰ Законодательство Екатерины II. Т. 2. М., 2001. 1053 с.

¹⁶¹ Рикман В. Ю. Дворянское законодательство Российской империи. М., 1992. С. 41.

¹⁶² ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–53.

взыскании с псковской помещицы А. В. Богдановой недоимок в размере 110 руб. 25 коп.¹⁶³

Участие в законодательном процессе в рассматриваемый период принимал и Сенат, указы которого также были использованы нами в исследовании. Секретный указ правительствующего Сената от 1 июня 1783 г. предписывал Псковскому наместническому правлению произвести поиск бежавших крестьян и отправить их в Тверское наместническое правление, в Санкт-Петербургское губернское и Новгородское наместническое правления. Впоследствии в соответствии с полученным указом были отправлены три рапорта об успешном его выполнении¹⁶⁴. В секретных указах Сената, сохранившихся в фонде 74 «Псковского наместнического правления» ГАПО, содержится материал для изучения социального протеста помещичьих крестьян: локализации крестьянских выступлений, поведения крепостных крестьян, отношения крестьян и помещиков, виды и формы наказаний крестьян, расходы на подавление выступлений и т. п. Указы Сената являются ценным источником, позволяющим не только выявить всю сложность такого явления как неповиновение крестьян помещику — по сути, проявления социального противостояния крепостных с феодалом, но и отразить степень участия правительства в этом противоречивом вопросе. Подобные нормативно-правовые акты и сопутствующая им переписка дает возможность проследить и эффективность исполнения воли правительства на местах.

Неопубликованные законодательные источники сконцентрированы в 10 фонде кабинета Екатерины II Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Время возникновения «Кабинета его императорского величества» — собственной канцелярии императоров относится к периоду правления Петра I. В 1704 г. была утверждена специальная должность для заведывания кабинетными делами — ведения царской переписки, управления царской казной и имуществом¹⁶⁵. Позже, как отмечает М. Н. Ти-

¹⁶³ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 160. Л. 1.

¹⁶⁴ Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 112. Л. 9.

¹⁶⁵ Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель. М., 1992. Т. 2. С. 22.

хомиров, кабинет его императорского величества превращается в центральный дворцовый орган¹⁶⁶.

Среди обширного количества материалов фонда для нашего исследования представляются наиболее важными законодательные акты, инструкции и указы Екатерины II Коллегии Экономии, а также доклады Коллегии Экономии и Комиссии о церковных имениях императрице 60–70 гг. XVIII в. В материалах 10 фонда находится итоговый доклад, поданный императрице в январе 1764 г., от Комиссии о церковных имениях с прилагаемыми штатными расписаниями духовных учреждений¹⁶⁷. В ходе работы над исследованием были использованы Императорские указы, адресованные Коллегии Экономии в 1766 г. Это «Указ о неотбирании оставшегося после смерти духовных персон имения», а также ряд указов касающихся решения вопроса о подворье Псковского Епископа¹⁶⁸.

Таким образом, комплекс законодательных актов, представленный как опубликованными, так и архивными источниками, некоторые из которых вводятся в научный оборот впервые, позволяет не только проследить реализацию на местах политики правительства в отношении землевладельцев и их собственности, но и дает богатый материал для реконструкции процессов, сопровождавших те или иные явления жизни и деятельности представителей системы крепостной эксплуатации, их взаимоотношений.

Основная масса источников по проблеме церковного землевладения середины XVIII в. и секуляризации духовных вотчин 1764 г. сконцентрирована в фондах РГАДА. Для изучения характера церковного землевладения накануне секуляризации наибольший интерес представляет 280 фонд Коллегии Экономии, которая являлась основным инструментом для претворения в жизнь секуляризационной реформы и поддержания ее результатов.

Коллегия была основана в 1726 г. и управляла бывшими монастырскими вотчинами, обеспечивала финансирование церковных учреждений и монастырей, а также осуществляла полный контроль над финансовыми операциями церкви¹⁶⁹. Созданная как

¹⁶⁶ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1965. 495 с.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 433.

¹⁶⁸ Там же. Д. 435.

¹⁶⁹ Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель. М., 1992. Т. 2. С. 111–112.

исполнительный орган для осуществления проекта секуляризационной реформы коллегия полностью контролировала хозяйственную и административную деятельность русской церкви. В 1786 г. после передачи её функций другим государственным учреждениям она была упразднена.

Комплекс документов Коллегии Экономии второй половины XVIII в. сложился в период работы учреждения с 1763 по 1786 гг. Окончанием деятельности Коллегии Экономии следует считать 1786 г., хотя решение об упразднении учреждения было принято четырьмя годами раньше — 2 октября 1782 г. Сенат издал указ, в котором говорилось о ликвидации в Москве ряда присутственных мест и завершении рассмотрения в них всех дел. Этим же указом был учрежден Государственный архив старых дел для хранения документов упраздненных учреждений.

С точки зрения видовой принадлежности, архивные материалы фонда Коллегии Экономии представляют собой комплекс делопроизводственной документации. Он включает документы собственно Коллегии, а также отдельные разновидности документации некоторых подразделений и должностных ее лиц (конторы Коллегии Экономии, счетной экспедиции, экономических казначеев, экспедиций обер-офицеров).

Одним из основных источников по проблеме церковного хозяйства накануне реформы являются так называемые офицерские описи¹⁷⁰. В исторической литературе утвердилось именно такое название этого вида источников в связи с тем, что в описании имений духовных вотчин в 60-х годов XVIII в. принимали участие армейские офицеры. Офицерские описи были предназначены для подробного описания собственности духовенства. Начало описания вотчин духовных владельцев было положено 29 января 1763 г., когда последовал утвержденный доклад Комиссии о церковных имениях «Об описи Архиерейских и монастырских вотчин, и об отправлении для того армейских Обер-офицеров»¹⁷¹. Согласно ему, для составления описей имущества духовенства следовало направлять «...нарочных из служащих в армейских полках Обер-офицеров из дворян не престарелых, и о состоянии

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3.

¹⁷¹ ПСЗ. Т. 16. С. 146–152.

деревенских и экономию довольно знающих людей...»¹⁷². К документу прилагались утвержденные формы для проведения описей. Так, описание мужских и женских монастырей должно было содержать в себе 7 основных параметров: место расположения монастыря, характеристика монастырских строений, состав монашествующих, перепись прочих обитателей монастыря, приписные монастыри и пустыни, монастырские вотчины и размер барщины, монастырские доходы.

Далее на протяжении 1763–1764 гг. было произведено массовое описание недвижимости духовных корпораций. Офицеры должны были пересылать подготовленные документы в Счетную экспедицию при Военной коллегии, которые далее после подтверждения их достоверности направлялись в Комиссию о духовных имениях в Петербурге.

Источник представляет собой подробное описание собственности духовной корпорации накануне секуляризационной реформы. Здесь представлены сведения о приписных монастырях, дворовых, лавочных и огородных местах, монастырских слободах, церковных постройках. Нужно отметить довольно подробное описание церковного убранства, утвари и прочего монастырского имущества. Наиболее интересными для нас являются сведения о земельных владениях собственника и количестве душ мужского пола в вотчине. В документах нашла свое отражение информация, касающаяся количества пашенной десятинной земли (т. е. земли, обрабатываемой барщинным трудом крестьян), а также лесных угодий духовных корпораций. В духовных владениях в 20–60-х гг. XVIII в. имелся большой массив десятинной пашни, особенно это касалось центральной и северо-западной частях России¹⁷³. Десятинная пашня монастырей, архиерейских домов в 20–60-е гг. XVIII в. управлялась синодальной Канцелярией экономического правления, которая стремилась регламентировать наиболее важные повинности крестьян в вотчинах. Также в источнике представлена информация о количестве тяглых крестьянских душ по ревизии 1744 г.

¹⁷² ПСЗ. Т. 16. С. 147.

¹⁷³ Комиссаренко А. И. Крестьяне и десятинная пашня духовных владений в России в 20–60х годов XVIII в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2019. № 25. С. 58.

Для изучения монастырского землевладения накануне церковной реформы нами были использованы офицерские описи Псково-Печерского, Снетогорского, Успенского и Никольского монастырей. Офицерская опись Псково-Печерского монастыря составляет 273 листа¹⁷⁴. Особенностью описи является то, что занимавшийся описанием имущества духовной корпорации поручик Михаил Ивлев не перечислял всех поселений, принадлежащих собственнику. Автор лишь указывал одну из деревень, по-видимому, являющуюся центром того или иного комплекса монастырских владений. Все остальные поселения входили в состав общей фразы «с деревнями». Что касается данных о количестве крестьянских душ и земли, то в источнике указывалось общее количество собственности в том или ином монастырском комплексе.

Офицерская опись Снетогорского монастыря была составлена подпоручиком Макаром Аристовым весной 1764 г.¹⁷⁵ Объем документа составляет 198 листов. В источнике мы встречаем два практически аналогичных описания монастырского земельного имущества. Первое из них является наиболее полным, и было взято нами в качестве основы.

Аналогичное дублирование описаний земельного хозяйства мы встречаем в офицерской описи Никольского Любютова монастыря, составленной осенью 1764 г.¹⁷⁶ Количество листов в документе 87. В этом случае различия между двумя описаниями являются более существенными. В первом варианте указывается меньшее количество поселений по сравнению со вторым вариантом описи, а также встречаются неточные указания места расположения тех или иных объектов монастырской собственности. Более полный вариант описания сопровождается итоговыми записями (о количестве земли, крестьянских душ и монастырских доходов). Как и в первом случае, нами за основу был взят наиболее полный вариант описания. В данном случае возможно предположить, что менее полное описание может представлять собой черновой вариант части офицерской описи.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 431.

¹⁷⁵ Там же. Д. 509.

¹⁷⁶ Там же. Д. 344.

Уже после издания манифеста о проведении секуляризации осенью 1764 г. также проходило описание имущества Успенского девичьего монастыря с Полонища поручиком Ильей Сонцевым¹⁷⁷. Объем документа составляет 52 листа. Каждое из перечисленных описаний содержит в себе документальное подтверждение согласия, данное представителями монастырских крестьян поверенными и рядовыми, на замену крестьянских повинностей 1,5 рублевым оброком.

Всего к моменту издания манифеста о секуляризации в комиссию были направлены из Военной коллегии около 69 описей¹⁷⁸. По мнению А. И. Комиссаренко, это свидетельствовало о том, что накануне секуляризации государство не располагало точными сведениями о размерах собственности духовенства.

В 280 фонде Коллегии Экономии сконцентрированы описания вотчин крупных монастырей, приходских церквей и соборов Псковской провинции. Данные описей позволяют не только осуществить картографирование поселений, принадлежащих духовным собственникам, но и представить размеры земельных владений духовных корпораций накануне секуляризации. В материалах фонда Коллегии Экономии также представлены книги счетной экспедиции (приходно-расходные книги) 60–70 гг. XVIII в. духовных организаций¹⁷⁹. Этот вид источника позволит дополнить общую картину сложившегося в бывших духовных корпорациях положения и более наглядно проиллюстрировать на примере Псковских монастырей последствия секуляризационной реформы.

Другую группу источников составили материалы статистики. В частности, для изучения церковно-монастырского и дворянского землевладения в XVIII в. нами были привлечены данные из ревизских сказок и переписных книг.

Ревизские сказки являются одним из массовых источников, содержащих сведения о числе крепостных крестьян. Несмотря на то, что в исследовательском сообществе высказывается мнение о

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 715.

¹⁷⁸ Комиссаренко А. И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. М., 1990. С. 114.

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 280. Оп. 6.

возможной неточности данных ревизских сказок в силу постоянного движения населения, в том числе и бегства крестьян, укрывательства части населения, двойных подсчетов и т. п.,¹⁸⁰ мы разделяем позицию тех исследователей, которые полагают, что эти цифры позволяют получить достаточно точное представление о крепостном хозяйстве и проследить динамику числа крестьян и их владельцев¹⁸¹. За исследуемый период было проведено пять ревизий. Сопоставление сохранившихся данных ревизий показывает изменения в составе владений на протяжении XVIII в., позволяет определить их количество, выявить динамику численности крестьян и ее причины, оценить степень состоятельности дворянства, провести группировку владений. Статистические сведения о землевладельцах губернии представлены в сборниках документов Псковского археологического общества¹⁸².

Переписные книги 1710–1711 гг., хранящиеся в РГАДА, содержат сведения о помещиках и вотчинниках (место жительства, состав семьи, служба, возраст и т. д.), имевших владения на территории Псковщины¹⁸³.

В XVIII в. возможности сбора статистической информации в России были весьма ограничены, и в нашем распоряжении отсутствует значительный массив сопоставимых данных по всему XVIII в., который мог бы быть подвергнут серьезной компьютерной обработке. Вместе с тем, разнообразный пласт статистических материалов, нашедших применение в исследовании,

¹⁸⁰ Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. В 2 т. Т. 1. М., 1902. С. 120.

¹⁸¹ Арсентьев Н. Б., Егупова А. И. Ревизские сказки: новые возможности исторического исследования // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996. С. 214–229.

¹⁸² Василёв И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. // Сборник трудов членов ПАО за 1896 г. Псков, 1897. С. 18–23; он же. Дела Псковской провинциальной канцелярии. С. 2–7; Сиверс А. А. Состав торопецкого дворянства в начале XVIII столетия на основании современного документа // Сборник трудов членов ПАО за 1896 г. Псков, 1897. С. 213–219.

¹⁸³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8179. Л. 1–490; Д. 8180. Л. 1–888; Д. 8181. Л. 1–1106; Д. 8399. Л. 1–345; Д. 8506. Л. 1–809; Д. 8508. Л. 1–718; Д. 8509. Л. 1–849; Д. 8510. Л. 1–724.

позволяет получить сведения о семьях землевладельцев начала XVIII в., определить динамику благосостояния собственников крепостных крестьян XVIII в. и проследить изменения.

Отдельную группу источников нашего исследования составили материалы Генерального межевания (межевые книги и планы дач) и Экономические примечания к Генеральному межеванию. Сведения геометрических карт, составленных по данным Генерального межевания в 80-е гг. XVIII в., дали возможность провести пространственное распределение владений на территории Псковской губернии в конце XVIII в. Для уточнения локализации владений информация привлекалась используя «Геометрическую карту Псковской губернии»¹⁸⁴. Зафиксированные на карте объекты соотнесены с данными Экономических примечаний к Генеральному межеванию¹⁸⁵. Используя «Геометрическую карту Псковского уезда»¹⁸⁶, аналогичную работу по уточнению локализации владений можно провести и для территории Псковского уезда. Экономические примечания к Генеральному межеванию¹⁸⁷ дали возможность не только уточнить состав владельцев и принадлежность владений, но и определить число дач у отдельных собственников. Межевые книги и планы дач Псковской губернии второй половины XVIII в. из фонда «Псковского губернского землемера» ГАПО позволили уточнить структуру владения и особенности хозяйствования. Описанные дачи значительно отличались по составу поселений. Они включали село, сельцо с деревнями или пустошами, деревни, деревни с пустошами и пустоши. Наличие в помещичьей даче только деревень говорит об отсутствии господского дома и соответственно барской запашки в ней, что позволило высчитать запашку на одного крестьянина.

Крупный комплекс источников по проблеме секуляризации церковного землевладения сосредоточен в Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. В материалах 796 фонда Канцелярии Синода нашли свое отражение источники, раскрывающие ход секуляризации в стране, а также взаимодей-

¹⁸⁴ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 4654.

¹⁸⁵ Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1166, 1169, 1174, 1179, 1188, 1193, 1197, 1201.

¹⁸⁶ Там же. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 4711.

¹⁸⁷ Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1166, 1169, 1174, 1179, 1188, 1193, 1197, 1201.

ствие Синода с другими государственными структурными подразделениями в пореформенный период.

Одним из наиболее значимых источников для изучения результатов церковной реформы на местах являются «Ведомости об упраздненных монастырях и пустынях» 1764 г.¹⁸⁸ Документ общим объемом в 695 листов представляет собой отчеты епархиальных властей о результатах проведенных на местах секуляризационных мероприятий. В отчете епископа Псковского и Рижского Иннокентия содержится информация об определенных в класс монастырях, а также монастырях, которые были оставлены на «своем содержании» либо были упразднены и переведены в разряд приходских церквей. В материалах дела содержится информация о штатах и содержании архиерейского дома и Псковского собора, о церквях епархии, включенных и не включенных в штатное расписание. Особо хочется отметить, что в случае с упраздняемыми монастырями указывалось перемещение настоятелей и прочих монашествующих в другие обители. Таким образом, данный исторический источник содержит в себе наиболее ценный материал, используя который, можно представить и проанализировать ближайшие результаты секуляризационной реформы в Псковской провинции.

Из документов этого же фонда нами было использовано дело «По донесению духовной комиссии Псковской епархии о Елизаровом монастыре» 1766 г.¹⁸⁹ В материалах источника нашел отражение процесс «переведения» штатного Спасовеликопустынского пострадавшего от пожара монастыря в упраздненный после реформы 1764 г. Елизаров монастырь. Датой окончания дела можно считать 1771 г. Общий объем документа составляет 250 листов. Интересным являлся тот факт, что подобный прецедент, инициируемый властями епархии, не только нашел поддержку и был одобрен властями, но и способствовал расширению подобной практики «переводов» на территории других епархий.

Еще одна важная группа источников — списки дворянства. В фонде «Псковской провинциальной канцелярии» ГАПО сохра-

¹⁸⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 45. Д. 391.

¹⁸⁹ Там же. Ф. 796. Оп. 47. Д. 290.

нился «Список помещиков Псковского уезда» за 1749 г. Заголовок не отражает в полной мере содержание дела. Вслед за списком помещиков в алфавитном порядке в нем перечислены другие категории владельцев на территории уезда. Итоговое количество населенных пунктов ни для отдельных владельцев, ни для уезда в целом не приведено¹⁹⁰.

В фонде 110 ГАПО отложилось несколько десятков «Списков фамилий» или родословных росписей, имеющих вид таблиц с личными данными просителя (имя, фамилия и отчество, возраст и дата рождения), матримониальным положением, месте постоянного проживания и отношения к службе¹⁹¹. Эти сведения позволяют дополнить информацию общих дворянских списков, а также уточнить степень их достоверности. Если в начале XVIII в. списки имели фискальное назначение, поскольку дворяне были ответственны за выплату своими крестьянами окладных денег¹⁹², то для конца века они носили скорее информативный характер, предоставляя сведения для решения вопросов, касающихся дворянского самоуправления и подготовки дворянской родословной книги губернии.

Существенную помощь в дополнении картины жизни псковского дворянства рассматриваемого периода оказали отдельные разрозненные источники, группировка которых не представляется возможной. К их числу относится хозяйственная книга дворян Пальчиковых за 1777–1841 гг. с описью имущества сельца Щиглицы Псковского уезда, которая хранится в фондах древлехранилища Псковского государственного музея-заповедника. Ведомости подушного сбора с д. м. п. по Псковской губернии (1764 г.), хранящиеся в ГАПО¹⁹³, и ведомости о пожалованных крестьянах в Псковском уезде за 1797 г.¹⁹⁴, хранящиеся в РГИА, позволили уточнить размеры владений во второй половине XVIII в. Ценным источником для изучения жизни и быта помещиков были свидетельства очевидцев и непосредственных участников событий.

¹⁹⁰ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 504.

¹⁹¹ Там же. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1343. Л. 3.

¹⁹² Там же. Д. 64. Л. 1–53.

¹⁹³ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 955. Л. 1–63.

¹⁹⁴ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 355. Л. 1–5; Д. 395. Л. 1–3.

Так, Л. А. Травин в своих воспоминаниях описывает не только быт поместья Велье графа Ягужинского, обстоятельства восстания крестьян этой вотчины, но и свой жизненный путь из крепостных в личные дворяне.¹⁹⁵ А. Т. Болотов также оставил для потомков описание помещичьей жизни Псковщины XVIII в.: города Пскова, куда его отец был направлен для проведения ревизии, а также имения Апанькино, где жила его старшая сестра¹⁹⁶.

Таким образом, источниковая база исследования достаточно обширна и разнообразна. В исследовании нашли применение опубликованные и неопубликованные источники различных типов. В научный оборот впервые введены документы, отложившиеся не только в местных, но и в центральных архивах.

¹⁹⁵ Впервые жизнеописание Л. А. Травина было опубликовано Л. И. Софийским (Софийский Л. И. Записки Л. А. Травина // Труды Псковского археологического общества, 1914. № 10. С. 38–131).

¹⁹⁶ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1795. В 3 т. Т. 1. М., 1993. С. 76.

3. ЦЕРКОВНО-МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ XVIII СТОЛЕТИЯ В СИСТЕМЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рост монастырской вотчины XVI в., по мнению большинства исследователей, активно продолжался на протяжении XVII–XVIII вв. В исследовании И. А. Бульгина приведены данные о количестве крестьянских дворов монастырских корпораций в Псковском уезде по переписи 1678 г. Несмотря на попытки правительства в XVII в. ограничить церковные земли и количество крестьян духовенства, оба этих показателя продолжали расти. Проведя сравнительный анализ данных 1678 г. и материалов описания 1701–1705 гг., автор пришел к выводу, что население монастырских вотчин за два с лишним десятилетия XVIII в. увеличилось в среднем на 36 % и составило 791 тыс. д. м. п.¹⁹⁷ Данные подтверждающие факт стремительного роста численности крестьян духовных феодалов на территории провинции в первой половине XVIII в. были приведены Л. В. Выскочковым¹⁹⁸.

Большое влияние на положение и дальнейшую судьбу монастырских корпораций в первой четверти XVIII в. оказал период петровских преобразований. В это время попытка превращения части земель духовенства в государственные владения была осуществлена через введение системы разделения духовных корпораций на категории «неопределенных» и «определенных». Первая группа монастырей и архиерейских домов продолжала пользоваться всеми доходами со своих вотчин. В составе владений «определенных» владельцев выделялись «заопредельные» вотчины, доходы с которых поступали в государственную казну. Право управления этими землями передавалось Коллегией Экономии, затем было возвращено монастырям, а несколько позже управленческие полномочия были вновь возвращены Коллегии

¹⁹⁷ Бульгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977. С. 56.

¹⁹⁸ История крестьянства Северо-запада России. СПб., 1994. С. 186–196.

Экономии. В результате в собственность государства отошла значительная часть вотчинных владений наиболее крупных духовных корпораций страны. Это были оброчные угодья, которые приносили собственнику наибольшую прибыль. Все доходы с «заопредельных» вотчин исправно пополняли государственную казну вплоть до полной секуляризации второй половины XVIII в. Именно И. А. Булыгин пришел к выводу, что эта «частичная секуляризация» не носила временный характер и продолжала сохранять свою актуальность вплоть до 1764 г.¹⁹⁹ Преобразования петровского периода оказали серьезное влияние преимущественно на положение крупных духовных корпораций. В ряде случаев потеря земельной собственности могла достигать до половины от первоначального размера вотчины.

Пять епархий были исключены из ведомства Монастырского приказа, то есть были изъяты из сферы проводимых преобразований в 1705 г.²⁰⁰ В их состав попала и Псковская епархия. Причиной этого, по мнению автора, была маловотчинность и низкая доходность земель духовенства, а также тот факт, что такие епархии как Псковская, Новгородская и Киевская находились в прифронтальной зоне, вследствие чего государство на указанных территориях нуждалось в поддержке со стороны духовенства. Первый довод кажется нам несколько сомнительным, поскольку факты показывают, что в Псковской провинции сосредотачивались весьма крупные земельные владения духовных корпораций.

Несмотря на то что Псковская епархия не вошла в состав территорий, где проводилась реформа, крупнейший Псково-Печерский монастырь все же стал ее невольным участником. Об этом нам свидетельствует наличие у монастыря «заопредельной» вотчины. В начале XVIII в. основная земельная собственность духовной корпорации располагалась на территории пяти уездов Псковщины²⁰¹. Объектом реформы стали земельные владения корпорации, находившиеся за пределами Псковской земли. Все указанные в офицерской описи монастырские «заопредельные»

¹⁹⁹ Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977. С. 309.

²⁰⁰ Там же. С. 56.

²⁰¹ ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. 118. Л. 3–6.

вотчины были расположены в 800 верстах от Псково-Печерского монастыря на территории Московского уезда, и находились на момент описания в полном распоряжении Коллегии Экономии.

Ведущий опись Псково-Печерского монастыря поручик Михаил Иевлев указывал следующие «заопредельные» подмосковные вотчины корпорации: деревня Монашино с деревнями Московского уезда, имеющие по последней ревизии 86 душ и 170 четвертин земли, и деревня Мартина Московского уезда — 180 дес. земли и 29 тяглых крестьянских душ²⁰².

Таким образом, сложившая к началу XVIII в. система вотчинного хозяйства духовных собственников Псковской земли, в период наиболее активных преобразований первой четверти XVIII в. оказалась исключенной из объектов реформы и, тем самым, смогла сохранить свою традиционную структуру и размеры вплоть до 1764 г.

К середине XVIII в. в состав монастырских корпораций, кроме самой обители, могли входить десятки приписных монастырей, пустыней и церквей. В их распоряжении помимо крепостных крестьян и тысячи дес. земель находились торговые места в городах, рыбные ловли, сады и прочая приносящая прибыль собственность. Несмотря на преимущественно экстенсивный характер развития хозяйства, доходы, получаемые от эксплуатации монастырского имущества, обеспечивали духовенству стабильное финансовое положение.

Доходы самого крупного духовного собственника Псково-Печерского монастыря достигали накануне секуляризации (на 1763 г.) 3500 рублей²⁰³. Финансовые поступления Снетогорского монастыря за этот же период составили около 1700 рублей²⁰⁴. На чуть более 550 рублей пополнилась казна Елизарова и Крыпецкого монастырей в 1763 г.²⁰⁵ Доходы монастырей складывались главным образом из денежного оклада податного населения и оброчных сборов, что подтверждает утверждение А. И. Комисаренко, о преимущественно экстенсивном характере монастыр-

²⁰² РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 431. Л. 99об.

²⁰³ Там же. Оп. 6. Д. 1110.

²⁰⁴ Там же. Д. 1115.

²⁰⁵ Там же. Д. 1106, 1108.

ского хозяйства в середине XVIII в., которое привело церковное землевладение к кризисному состоянию и в конечном итоге к государственной секуляризации²⁰⁶.

Основу монастырского хозяйства составляло земледелие. Несмотря на попытки государства законодательно ограничить рост церковных земель и проведение секуляризационных мероприятий в первой половине XVIII в., в стране продолжал стабильно сохраняться большой удельный вес земель духовенства. К 50–60 гг. XVIII в. в масштабах страны исследователями прослеживается тенденция к усилению концентрации вотчинных земель в руках крупных духовных собственников. В собственности Синода, архиерейских домов и монастырей в начале 60-х гг. XVIII в. числилось 910866 д. м. п. и 8,5 млн дес. земельных угодий²⁰⁷. К середине XVIII в. по размерам десятинной пашни наиболее выделялись Псковский и Рязанский архиерейские дома, которым принадлежало 63 % пашни, находившейся в хозяйствах всех 17 архиерейских домов²⁰⁸. Накануне секуляризации на территории Псковской провинции сформировалась группа крупных и средних духовных монастырских корпораций. В работе А. Завьялова приведен табель 1762 г., составленный на основе данных рапортов Императору Петру III²⁰⁹. Согласно документу, на территории Псковской епархии накануне секуляризации находилось 26 вотчинных и безвотчинных мужских и женских монастырей, а также 228 церквей. Всего за архиерейскими домами и вотчинными монастырями числилось 7947 и 13264 крестьянских душ.

В XVIII в. на территории Псковской провинции крупнейшим земельным собственником среди прочих духовных корпораций являлся известный с конца XV в. Псково-Печерский монастырь. В его состав, помимо самого Печерского монастыря, входило пять

²⁰⁶ Комиссаренко А. И. Крестьяне и десятинная пашня духовных владений в России в 20–60-х годов XVIII в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2019. № 25. С. 58.

²⁰⁷ Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. М., 2003. С. 59.

²⁰⁸ Комиссаренко А. И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. М., 1990. С. 28.

²⁰⁹ Завьялов А. Вопрос о церковных имениях при Императрице Екатерине II. СПб., 1900. С. 346–347.

приписных монастырей Пскова, Псковского и Изборского уездов, а также приписные церкви. За корпорацией, учитывая земли приписных монастырей, накануне секуляризационной реформы на территории провинции числилось 3656,5 дес. четвертной земли²¹⁰. К середине XVIII в. Псково-Печерский монастырь входил в группу крупнейших монастырей страны по количеству десятинной пашни. Владения монастыря по данному показателю занимали третье место после Троице-Сергиева и Новгородского Юрьева монастырей²¹¹. Земельную собственность корпорации составляли и многочисленные лесные угодья. В состав вотчинных владений Псково-Печерского монастыря накануне секуляризации входило около 3005 пашенных дес. и 1784 дес. непашенных лесов.

Земельная собственность Псково-Печерского монастыря к середине XVIII в. представляла собой следующую структуру. Монастырская вотчина включала в свой состав земли, находившиеся в восьми уездах провинции: Псковском, Гдовском, Изборском, Кобылинском, Выборском, Дубковском, Велейском и Вышегородском. Небольшая часть владений располагалась далеко за пределами Псковской провинции на территории Московского уезда.

Основная часть монастырских владений была сконцентрирована в четырех засадах Псковского уезда. Наибольшее количество десятинной пашни было сосредоточено в самой большой засаде округа — Завелицкой. Завелицкая засада состояла из 13 губ и в ее состав входили земли по левому берегу р. Великой, а также западный берег Псковского и восточный берег Теплового озер²¹². Восточную границу засады образовывала р. Великая, которая отделяла ее от Бельской, Мелетовской и Прудцкой засад²¹³. Северный и южный участки засады на западе образовывали границу с Ливонской землей, где засада, в свою очередь, граничила с Изборским уездом. Граница между Псковской и Ливонской землями

²¹⁰ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 431. Л. 90-91об.

²¹¹ Комиссаренко А. И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII веке. М., 1990. С. 27.

²¹² Харлашов Б. Н. Погосты и губы в Псковской земле XIV–XVI веков: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Псков, 1995. С. 5.

²¹³ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998. С. 121.

проходила по р. Меде (севернее г. Печоры) и была довольно постоянной. Принадлежащие Псково-Печерскому монастырю владения располагались в Новоуситовской, Таиловской, Кулейской, Колпинской и Пецкой губах.

М. С. Черкасовой в вотчинных комплексах Троице-Сергиева монастыря были выделены особые «микротерритории» или центры, которые выполняли управленческую функцию, являлись центрами церковно-приходской жизни²¹⁴. При изучении структуры сельского расселения околмонастырской округи Троице-Сергиевой Лавры в конце XVII в. исследователем была выявлена следующая система расселения: сам монастырь, как место проживания, подмонастырное село и слободы, которые позднее в конце XVIII в. стали фактором формирования города Сергиев Посад. По данным офицерской описи, подобная структура отчасти прослеживается и на примере Псково-Печерского монастыря. При монастыре в Таиловской губе Завелицкой засады находилась подмонастырная слобода. Центр Таиловской губы — погост Таилов находился в 3 километрах к юго-западу от современного города Печор²¹⁵. Таиловский погост был упомянут в летописи под 1519 г. в рассказе об основании Псково-Печерского монастыря. В состав слободы входили три малые слободы, на р. Пачковка и Пивжа. В слободах проживали «монастырские служители и беспашенные бобыли которые тяглою земли...не имеют», выполняющие различные виды работ на корпорацию²¹⁶. Всего население тех слобод с учетом городских бобылей достигало 510 д. м. п. В документе упоминается о монастырском селе Верхоустье, находившемся на р. Верхоустье близ Псковского озера в 19 верстах от Псково-Печерского монастыря и в ней церкви Великомученика Георгия²¹⁷.

Наиболее крупными среди прочих являлись монастырские владения в Таиловской и Кулейской губах. Они располагались в приграничной зоне и в непосредственной близости от монастыря.

²¹⁴ Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII вв. (по Архиву Троице-Сергиевой лавры). М., 2004. С. 315.

²¹⁵ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв. М. 1998. С. 120.

²¹⁶ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 431. Л. 37об-38.

²¹⁷ Там же. Л. 34.

На территории Таиловской губы в состав вотчины Псково-Печерского монастыря помимо слобод входили два крупных комплекса деревень. Первый из них — в 2,5 верстах от Псково-Печерского монастыря с центром в деревне Мыльниково. В собственности корпорации на этой территории находилось 258 д. м. п., 391 дес. пашенной земли и 584 дес. леса²¹⁸. Второй — в 7 верстах от монастыря с центром в деревне Мурашино и 376 дес. обрабатываемой пашни. Общая монастырская собственность на территории Таиловской губы составляла 633 д. м. п. и 1640 дес. земли, 767 из которых являлись пашенными землями.

В комплексе монастырских владений в Кулейской губе с центром в деревне Языково находилось 398 окладных душ, 237 дес. пашенной земли и 575 дес. леса²¹⁹. Всего размер монастырской пашенной земли в Кулейской губе составлял 379,5 дес. Общие земельные владения Псково-Печерского монастыря на территории Завелицкой засады достигали на момент составления описи 2609 дес., половину из которых (1300 дес.) составляли обрабатываемые монастырскими крестьянами пашенные земли.

Крупные земельные владения духовной корпорации были сконцентрированы во второй по количеству губ засаде Псковского уезда — Прудцкой. Её территорию составляли земли правобережья р. Великой, от устья р. Черехи на севере и до ее притока р. Щепец на юге²²⁰. В состав засады входило 10 губ. Примерно в 20 километрах от Пскова находился Русицкий погост, являющийся центром губы Руска²²¹. По данным офицерской описи, на землях этой губы находилось одно из крупнейших на территории Псковского уезда владений монастыря. В 75 верстах от Псково-Печерского монастыря располагался комплекс поселений с центром в деревне Ланева Гора. В распоряжении комплекса монастырских владений находилось 450,5 дес. пашенной земли и 623 дес. лесных угодий. На землях Стремутцкой губы той же

²¹⁸ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 431. Л. 40об.

²¹⁹ Там же. Л. 54–55.

²²⁰ Харлашов Б. Н. Погосты и губы в Псковской земле XIV–XVI веков: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Псков, 1995. С. 5.

²²¹ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 122.

засады удалось локализовать деревню Коровье село. По данным источника, за указанным поселением «с деревнями» числилось 179 крестьянских душ, 117,5 дес. земли и 295 дес. леса²²².

Территория Бельской засады состояла из 4 губ и включала в себя земли между западным побережьем Псковского озера и р. Псковой²²³. В трех из четырех губ Бельской засады находились земли Псково-Печерского монастыря. Наиболее крупными являлись владения в Бельской и Верхолинской губах. В Кривовицкой губе Бельской засады Псково-Печерскому монастырю принадлежал «приписной Верхнестрожской монастырь с окладами», за которым числилось 45 крестьянских душ, 4,5 дес. земли и 26 дес. леса. Общие владения корпорации на территории Бельской губы составляли 250 дес. пашенной земли и 72 дес. пашенных и непашенных лесов.

Центром Верхолинской губы был погост Верхолино, расположенный в 20 километрах к северу от Пскова. Здесь в монастырской собственности (учитывая приписные деревни) находилось 132 д. м. п. и 200,5 дес. пашни. В пределах Бельской засады находилась деревня Трети²²⁴. На территории этого предполагаемого комплекса «с деревнями» в собственности монастыря числилось 124 д. м. п. 41,5 дес. пашенных угодий.

Земли в междуречье р. Псковы и р. Кеби, от р. Великой и р. Черехи до новгородского рубежа входили в состав Заклинской засады, состоящей из четырех губ²²⁵. Земельная собственность корпорации располагалась в Полицкой, Моложанской и Жеглицкой губах. Наиболее крупными из них являлись владения в Моложанской губе, где в распоряжении монастыря находилось 270 дес. пашенных земель и 599 дес. лесных угодий.

Верховья р. Псковы входили в состав земель Жеглицкой губы Заклинской засады. В д. Молоди, принадлежавшей «с деревнями» монастырю, в которых проживало 66 д. м. п. и принад-

²²² РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 431. Л. 66-об.

²²³ Харлашов Б. Н. Погосты и губы в Псковской земле XIV–XVI веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков, 1995. С. 5.

²²⁴ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 431. Л. 67-об.

²²⁵ Харлашов Б. Н. Погосты и губы в Псковской земле XIV–XVI веков: Автореф. дис. ... канд. ст. наук. Псков, 1995. С. 5.

лежало собственнику 99 дес. пашенной земли, а также 140 дес. лесных угодий. Всего в собственности Псково-Печерского монастыря на территории трех губ Заклинской засады находилось 411,5 дес. пашни и 763 дес. лесных владений.

Монастырская собственность находилась также на территории Гдовского уезда. Город Гдов, ныне один из районных центров Псковской области, находится на восточном берегу Чудского озера. В середине XVIII в. уезд делился на 9 губ. В Гдовской губе Гдовского уезда, что занимала земли по р. Гдовке и Селетцкому ручью, корпорации принадлежала деревня Злобино и 13 окладных душ, 82,5 дес. пашни и 142 дес. леса.

Земельные владения Псково-Печерского монастыря располагались в пяти губах Изборского уезда. Наиболее крупные комплексы находились в Никольской и Паниковской губах. По данным источника, комплекс монастырских земель располагался неподалеку от современного города Печоры, на землях Никольской губы с центром в самом Изборске. Это поселение Метковичи «с деревнями» — второй по величине крупный комплекс земель духовной корпорации. На территории этих владений проживало 345 д. м. п., а также в собственности находилось 410 дес. пашенной земли и 685 дес. леса²²⁶.

В 16 км. к западу от Изборска находится деревня Поникивичи — в XVIII в. центр Паниковской губы Изборского уезда. По данным описи, комплекс деревни Мегузница «с деревнями» Псково-Печерского монастыря располагал на территории этой административной единицы 456 окладными душами, 318,5 дес. пашенной земли и 33 дес. леса. Эта информация подтверждается материалами ревизской сказки. Так, монастырю на момент проведения описания в Паниковской губе, принадлежало 38 деревень, одной из которых являлась наиболее крупная деревня Мегузница²²⁷. Всего за этими поселениями, по данным ревизии, числилось 460 д. м. п.

Комплекс монастырских деревень располагался вдоль западной пограничной полосы Псковской губернии. Это были пре-

²²⁶ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 431. Л. 75–89.

²²⁷ Там же. Ф. 350. Л. 367.

имущественно небольшие деревни с численностью окладных душ 15–20 человек. Общее количество мужского населения в поселениях составляло 151 человек.

В 14 километрах к юго-западу от Паниковичей находился погост Щемерицы — центр Щемерицкой губы Изборского уезда. Здесь частью монастырской собственности в 22 четверти была пустошь под названием Сосновы суки. Центр Лаконской губы — погост Лакно располагался в 22 километрах восточнее Щемериц. К западу от Таиловской губы Псковского уезда была расположена Павловская губа Изборского уезда. В Лаконской и Павловской губах Псково-Печерскому монастырю принадлежали пять деревень, 34,5 дес. пашни и 73 дес. леса. Всего в состав вотчинных владений духовной корпорации на территории Изборского уезда входили 66 поселений, 866 д. м. п., а также 1565 дес. земельных владений, 774 из которых составляли пашенные земли.

Небольшая доля монастырских земельных угодий располагалась в четырех ранее указанных Псковских уездах. На территории Котельницкой губы Выборского уезда частью владений корпорации являлась деревня Лопатино. Собственность монастыря здесь составляли: 38 мужских крестьянских душ, 52 четверти пашенной земли и 35 дес. леса. В трех деревнях Спасской губы Дубковского уезда монастырю принадлежало 79 окладных душ, 53,5 дес. пашенной земли и 25 дес. леса. В состав церковных земель входили две деревни в Велейском уезде. Это деревни Воробьево и Глинкино Граинской и Кузмодемьянской губ²²⁸. Собственностью монастыря являлось 27 крестьян, 28 дес. земель, 13 из которых составляли лесные угодья.

В Кобыльском уезде духовному собственнику принадлежало две деревни с 11 крестьянами и общей площадью пашенной земли 61,5 дес. и 47,5 дес. леса. В состав монастырских владений входила деревня Лындына на р. Луже Кокшинской губы Вышегородского уезда²²⁹. Здесь монастырь владел 128 крепостными крестьянами, 71,5 дес. пашни и 362 дес. леса.

²²⁸ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 431. Л. 45об.–89об.

²²⁹ Там же. Л. 90.

Псково-Печерский монастырь, крупнейшая духовная корпорация Псковской провинции, сконцентрировал ко второй половине XVIII в. в своих руках большое количество крепостных крестьян и обширный земельный фонд. Накануне секуляризации собственнику принадлежало около 3313 д. м. п., 8365,5 дес. земли, 3656,5 дес. из которых составляли пашенные земли. Большая часть монастырской вотчины находилась вблизи административного центра на землях наиболее экономически развитого Псковского уезда. Здесь в четырех засадах Псково-Печерский монастырь владел 2572,5 дес. пашенной десятинной земли, что составляет 80% от общего количества пашни, находящейся в собственности монастыря. Принадлежащие корпорации 3293,5 дес. лесных угодий Псковского уезда, составляли 62 % от общего количества леса, находившегося в собственности Псково-Печерского монастыря.

Крыпецкий Иоанно-Богословский монастырь был основан в 1485 г. преподобным Саввой Крыпецким среди непроходимых болот в 22 километрах к северу от города Пскова. Описание вотчины Крыпецкого монастыря нашла свое отражение в ревизской сказке, составленной в феврале 1763 г., что помогает нам представить владения духовного собственника непосредственно накануне секуляризации.

На территории Бельской губы и засады Псковского уезда монастырской собственностью являлись восемь деревень с общим числом мужского населения 117 душ. Деревни, находившиеся в непосредственной близости от собственника, представлены следующими объектами: Скамарохова Гора с 9 д. м. п., а также деревня Голованова — 12 д. м. п.

В двух из трех монастырских деревень Верхолинской губы Бельской засады (д. Замошье и д. Углы), по данным ревизской сказки, числилось 16 крестьянских д. м. п.²³⁰. По две монастырские деревни находились в Оклюдицкой губе Деманицкой засады, Знахлицкой и Рожницкой губе Рожницкой засады.

Комплекс монастырских владений из 7 поселений располагался на территории Добровицкой губы Прудцкой засады. Из че-

²³⁰ РГАДА. Ф. 350 Оп. 2. Д. 2715. Л. 333, 337об.–339.

тырех локализованных деревень наиболее крупной по количеству оброчных душ являлась существующая по настоящее время деревня Мукино, в которой, по данным ревизской сказки, числилось 20 крестьян мужского пола. В остальных поселениях Агафонова, Боево и Заболотье — 35. Восемь деревень, входивших в состав вотчины Крыпецкого монастыря, находились в Новоуситовской губе Завелицкой засады. Таким образом, по данным ревизской сказки, в монастырской собственности на территории Псковского уезда в 30 поселениях находилось 438 д. м. п.²³¹

Спасо-Елизаров монастырь был основан около 1447 г. монахом Снетогорского монастыря Елезаром²³². В экономических примечаниях мы встречаем описание месторасположения Елизаровского монастыря как находившегося у р. Толбы и около большой Столбовой дороге из города Пскова в Гдов²³³. Представление о земельной собственности Елизарова монастыря накануне секуляризации нам сможет дать ревизская сказка. Описание монастырских вотчин проходило в августе 1762 г.²³⁴

Как показывают материалы ревизии, в собственности Елизарова монастыря на территории Псковского уезда находилось 12 деревень в Верхолинской, Бельской, Торошинской губе Бельской засады и Новоуситовской губе Завелицкой засады. Наиболее крупной из 12 поселений являлась деревня Великое Поле, за которой, по данным ревизии, числилось 27 д. м. п. Всего же на территории уезда в указанных деревнях монастырю принадлежало 218 д. м. п.

Помимо деревень в источнике упоминается монастырская «служная» слобода, в которой числилось 37 окладных душ, а также «монастырский ловецкий двор в Талабском острове» с 18 д. м. п. в нем.

Снетогорский монастырь находится в городской черте современного Пскова на Снятной горе. В XVIII в. монастырь располагался в ближайшем пригороде — в Бельской засаде. В ка-

²³¹ РГАДА. Ф. 350 Оп. 2. Д. 2715. Л. 351об.–366об.

²³² Митрополит Евгений (Болховитинов) История княжества Псковского. Псков, 2009. 525 с.

²³³ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2715. Л. 113об.

²³⁴ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 912. Л. 762-779об.

честве приписных за ним накануне секуляризации числились две церкви в Псковском и Выборском уездах. В материалах Генерального межевания мы встречаем следующее краткое описание Снетогорского монастыря: «на правых берегах реки Великой ручья безымянного и при верховье другого безымянного ручья накоем пруд вокруг одного (монастыря — прим.) ограда деревянная внутри одного монастыря церковь во имя рождества пресвятой Богородицы с пределами Иоанна предтеча и Николая чудотворца...»²³⁵. Монастырские владения корпорации в XVIII в. по праву считались одними из крупнейших в Псковской провинции. Земли монастыря находились в Псковском, Выборском, Вревском, Воронежском, Володимерском, Гдовском и Кобылинском уездах. Н. С. Суворов включал Снетогорский монастырь в группу крупнейших монастырей по количеству крестьянских дворов на территории Псковского уезда.

Общее количество четвертной или десятинной земли, находившейся в собственности монастыря, составляло 2256,5 дес. Корпорации принадлежало около 2000 дес. лесных угодий. В отличие от владений Псково-Печерского монастыря земельная собственность Снетогорского монастыря была в большей степени рассредоточена по территории Псковского уезда. Так, собственность корпорации находилась на территории шести засад: Завелицкой, Бельской, Заклинской, Деманицкой, Прудской и Мелетовской.

Состоящая из шести губ Мелетовская засада занимала территорию междуречья р. Кеби и р. Черехи²³⁶. Центром засады был погост Мелетов, расположенный в 35 километрах к востоку от Пскова²³⁷. Монастырские земли концентрировались в двух из шести губ засады — Зряковской, расположенной в 15 километрах к западу, и соседней Полонской, расположенной в 9 километрах к юго-западу от Мелетово. Сюда входили 13 деревень, одна пустошь и погост. На территории этих земель Снетогорский монастырь владел 165 крестьянами, 320,5 дес. пашенной десятинной

²³⁵ РГАДА. Ф. 1355. Д. 1193. Л. 69об-69а.

²³⁶ Харлашов Б. Н. Погосты и губы в Псковской земле XIV–XVI веков: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Псков, 1995. С. 5.

²³⁷ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 119.

земли и 375 дес. леса.

Монастырские земли Мелетовской засады, состоящие из семи поселений, располагались на берегах р. Черехи (кроме деревни Агафонова). Из монастырских деревень наиболее крупными являлись деревни Сторонья и Невадицы²³⁸. Всего в выделенном комплексе концентрировалось около 90 д. м. п., 167 дес. пашни и 199 дес. леса.

Бельская засада Псковского уезда находилась в непосредственной близости как самого собственника, так и административного центра уезда. Засада была второй территориальной единицей по количеству концентрации земли, находившейся в собственности духовной корпорации. Четыре губы Бельской засады занимали земли по восточному берегу Псковского озера и были ограничены на юго-западе нижним течением р. Великой²³⁹. Монастырские поселения находились на территории Торошинской, Кривовицкой и Бельской губ. Центром Кривовицкой губы была расположенная в 9 километрах к северо-западу от Пскова деревня Кривовицы²⁴⁰. Погост Торошинский, находившийся в 11 километрах к северо-востоку от Пскова на р. Торошинке, являлся центром Торошинской губы. Центр Бельской губы в погосте Белом (Вельском) располагался в 12 километрах к северо-востоку от погоста Верхолина.

Всего на территории трех губ в собственности монастыря числилось 15 поселений, 433 д. м. п., 292 дес. пашенной земли и 172,5 дес. лесных угодий.

Шесть из 15 поселений находились в радиусе 4–13 верст от Пскова и занимали выгодное экономическое пространство. Наиболее крупными по численности населения являлись село Овсищи и деревня Хотицы²⁴¹. Так, в Хотицах по ревизии 1744 г., на которую ссылается офицерская опись, числилось 99 д. м. п. Немногим меньше, по данным той же ревизии, тяглого населения проживало в селе Овсищи — 92 д. м. п. Всего в локализованных поселениях, по данным источника, проживало 277 д. м. п. Земель-

²³⁸ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 509. Л. 69об. 70об.

²³⁹ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 118.

²⁴⁰ Там же. С. 187.

²⁴¹ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 509. Л. 56об.

ные владения деревни Хотица и села Овсищи были небольшими (учитывая число тяглых душ). Так, в распоряжении Овсищ находилось всего лишь 9 дес. пашенной земли. Крестьяне деревни Хотица обрабатывали 20,5 дес. пашни. Скорее всего, в этих поселениях земледелие не являлось основным занятием населения. На основе имеющихся данных и современной ситуации можно предположить, что основным занятием жителей данной деревни являлось рыболовство. Всего в локализованном комплексе владений в собственности Снетогорского монастыря находилось 129,5 дес. пашенной земли.

В Моложанской губе Заклинской засады за Снетогорским монастырем числилось шесть деревень с 97 тяглыми крестьянами, общим числом барщинной пашни 145,5 дес. и 286 дес. леса. В Знахлицкой и Деманицкой губах Деманицкой засады монастырю, владевшему шестью деревнями, принадлежало 90 тяглых душ, 89,5 дес. барщинной земли и 131 дес. лесных угодий. Деманицкая засада включала 9 губ²⁴². На севере граничила с Мелетовской, на востоке и на юге — с Рожнитцкой, а на западе — с Прудцкой засадами. В небольшом комплексе, состоящим из четырех деревень: Палкина, Болатова, Порахина и Давыдья Гора²⁴³, собственность монастыря составляли 42 тяглые души и 23 дес. пашенной земли.

На территории одной из самых обширных засад Псковского округа — Завелицкой в собственности монастыря находилось восемь деревень. В состав засады входили земли по берегам Псковского озера, устье залива, образованного впадением в озеро р. Верхоустинской, а также близлежащие острова. Монастырские деревни были рассредоточены по 4 из 13 губ засады: Никольская в Устьях, Корельская, Кулейская, и Стремуткинской. В деревнях числилось 78 окладных крестьян. Всего на территории указанных поселений в собственности Снетогорского монастыря находилось 126 дес. земли, 60,5 из которых составляла пашня.

В двух поселениях на побережье Псковского озера (деревни Листовка и Видовичи) числилось 30 д. м. п., 68, 5 дес. земли, из которых 35,5 дес. составляла пашня.

²⁴² Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998. С. 124.

²⁴³ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 509. Л. 71об.-72об.

Таким образом, на территории Псковского уезда Снеторогскому монастырю принадлежало 48 поселений, общее количество пашенных земель, находившихся в собственности корпорации накануне секуляризации, достигало 987,5 десятин, что составляет 43 % от общего числа находящегося во владении монастыря фонда пашенных земель. Что касается земель занятых лесом, то на территории Псковского округа было сосредоточено чуть менее половины — 48 % всех лесных угодий, принадлежавших Снеторогскому монастырю.

Одними из наиболее обширных являлись владения Снеторогского монастыря в Выборском уезде. Земли уезда располагались на территории современного Новоржевского района Псковской области. Его центром являлся погост Выбор, стоящий на р. Выборке, впадающей в р. Милье. Выборский уезд граничил на западе с — Вревским, на востоке с — Дубковским и на севере с — Володимерецким уездами Псковской провинции. На южном рубеже граница проходила с Новгородскими землями. Территория Выборского уезда в XVIII в. состояла из 5 губ: Котелинской, Богородицкой, Дияцкой, Кузмодемьянской и Крекшинской. Как показывают материалы офицерской описи, накануне секуляризации в 4 губах в собственности Снеторогского монастыря находилось 64 деревни²⁴⁴. В своем исследовании Б. Н. Харлашов указывал на особенность южных регионов Псковской земли — большое число губ, относящихся к городам (в их число входил и Выбор)²⁴⁵. Название их происходило от приходских церквей и расположены они были в непосредственной близости от городов и составляли их ближайшую округу.

Восточнее Выбора располагались земли Богородицкой губы. На ее землях находилось множество небольших озер, таких как Милье, Долосцо, Басинец. Центром Богородицкой губы являлся сам Выбор, а существовавшая здесь церковь Успения Богороди-

²⁴⁴ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 509. Л. 76об, 79–92.

²⁴⁵ Харлашов Б. Н. Посады Пскова и околгородные губы в XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара за 2000 год. Псков, 2001. С. 110.

цы дала название административной единице уезда²⁴⁶. Именно здесь на территории Богородицкой губы Выборского уезда располагалось наиболее крупное владение Снетогорского монастыря. На расстоянии 90–100 верст от монастыря находилось 39 поселений, составлявших основу земельной собственности духовной корпорации в уезде. Также в распоряжении духовного собственника у пригорода города Выбора на р. Выборке находился монастырский приезжий двор, за которым не числилось земельной собственности.

Всего на территории Богородицкой губы Выборского уезда в составе вотчинных владений в собственности находилось 1037 дес. земель, 652 из которых занимала пашня. Из 39 деревень, принадлежащих Снетогорскому монастырю, на территории Богородицкой губы Выборского уезда удалось определить судьбу 20 поселений. Большая их часть располагалась по берегам рек и озер губы. Основная масса монастырских поселений находилась неподалеку, что позволяет выделить, также как и в случае с Псковским уездом, комплексы монастырского хозяйства. Наиболее крупными были следующие поселения. Это деревня Шарыгино, где числилось 26 окладных душ и во владении которой находилось 41,5 дес. пашенной земли, а также 14 дес. леса²⁴⁷. Деревня Ясень с 21 д. м. п., 33,5 дес. пашни и 19 дес. леса. Деревня Кренево у озера Милье — 16 д. м. п., 25,5 дес. пашни и 14 дес. леса²⁴⁸. Всего за комплексом монастырских деревень Богородицкой губы числилось 251 д. м. п., 338 дес. пашни и 219 дес. леса.

Три деревни Снетогорского монастыря — Гилево, Фелабова и Липовицы, по данным офицерской описи, располагались на территории Богородицкой губы²⁴⁹. Все они находились рядом друг с другом, поскольку указанное в источнике расстояние до Снетогорского монастыря составляло 100, 101 и 102 версты. Однако при картографировании три близко расположенные деревни с подобными названиями были обнаружены в соседней Дияцкой

²⁴⁶ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998. С. 129.

²⁴⁷ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 509. Л. 82.

²⁴⁸ Там же. Л. 84.

²⁴⁹ Там же. Л. 84–85, 88.

губе. Собственностью Снетогорского монастыря на территории Богородицкой губы являлись не только земли, но и рыбные ловли у большинства таких водоемов уезда, как озера Милье, Большое и Малое Долосцо, Басинец, р. Выборка и Верхница²⁵⁰.

Севернее Богородицкой губы в уезде находилась Дияцкая губа. По мнению В. Л. Янина, центром губы было сельцо Ивановское, расположенное в 5 километрах к северо-востоку от Выбора²⁵¹. На территории Дияцкой губы Выборского уезда в собственности монастыря находилось в 11 деревнях 190 д. м. п., с общей площадью пашенной земли в 144 дес. и 101,5 дес. леса. Из 11 поселений нами были локализованы 3 деревни. Деревня Филимоново с 25 д. м. п., 26 дес. пашенной земли и 20 дес. леса. Деревня Кролино — 32 д. м. п., 10 дес. пашни и 20 дес. леса. Деревня Песвяково — 6 д. м. п., 6 дес. земли и 20 дес. леса.

В северной части Выборского уезда находились земли Котелинской губы. Ее центром был погост Котелно, расположенный в 11 километрах от Выбора. В Котелинской губе Выборского уезда в собственности Снетогорского монастыря находилось 12 деревень. Наиболее крупными здесь являлись поселения Ключево в 55, и Кукасово у р. Черехи в 66 верстах от города Пскова²⁵². За вышеуказанными деревнями, числилось около 46,5 дес. пашенной земли, а также 113 дес. леса. Всего на территории данной административной единицы в собственности монастыря находилось 121 д. м. п. и 505 дес. земли, 164,5 дес. из которой занимала пашня.

Из 11 монастырских деревень известно о комплексе из 4 поселений — Ширяево, Коношково, Наумово и Поварешкина. За территориями числилось 21 д. м. п., 37 дес. пашни и 85 дес. леса.

К западу от Выбора находилась Кузмодемьянская губа. Относительно расположения центра данной губы существует мнение В. Л. Янина, что ее центр также, как и в случае с Богородицкой губой, находился в самом Выборе, где существовавший Кузмо-

²⁵⁰ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 509. Л. 52.

²⁵¹ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998. С. 129.

²⁵² РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 509. Л. 89.–90об.

демьянский посад дал губе свое название²⁵³. В Козмодемьянской губе монастырю принадлежало две деревни. Всего в собственности духовного владельца находилось 7 крестьян и 32,5 дес. пашни. Одно из 2 поселений, являющихся собственностью духовной корпорации, деревня Тарасково, насчитывало 4 д. м. п., 26,5 дес. пашенных угодий и 10 дес. леса. Всего на территории Выборского уезда монастырь владел 1750 дес. земель, из которых 993 дес. составляла пашенная. В монастырской собственности, по данным III ревизии, числилось 731 д. м. п.

По одной деревне Снеторогскому монастырю принадлежало в Богородицкой губе Вревского и Спасской губе Вороницкого уездов. Небольшие по численности мужского населения, они располагали и небольшими уделами пашни в 25 четвертей и 10 дес. леса. В Голубинской губе Володимерецкого уезда в собственности духовной корпорации находились две деревни на р. Лиственке. Обе деревни имели в распоряжении по 11,5 дес. пашни и 9 дес. леса.

В состав вотчины духовной корпорации входил комплекс из 12 деревень Гдовского уезда, 11 из которых находились на территории Ветвеницкой губы. В 10 километрах южнее от города Гдова на берегу Чудского озера находился погост Ветвеник, центр Ветвеницкой губы, за которым числилось 26 оброчных душ, 74 четверти пашни и 3 дес. леса²⁵⁴. Всего на территории Гдовского уезда монастырь владел 146 д. м. п., 207,5 дес. пашни и 34 дес. лесных угодий.

В Кобылинском уезде монастырь владел собственностью в трех губах: Полянкой, Мыслогостицкой и Гвоздинской. В первых двух случаях речь идет о трех деревнях и 44,5 дес. пашни и 70 дес. леса. Наиболее крупным поселением по размеру обрабатываемой земли здесь являлась деревня Володьево, располагавшаяся в 45 верстах от города Пскова, с 23,5 дес. пашни²⁵⁵. В Гвоздницкой губе Кобылинского уезда собственностью монастыря являлись 14 пустошей с 75,5 дес. обрабатываемой пашни, а также 118 дес. лесных угодий. Что касается крепостных кре-

²⁵³ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998. С. 129.

²⁵⁴ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 509. Л. 90–96об.

²⁵⁵ Там же. Л. 99об.

стьян, то в Кобылинском уезде монастырской собственностью считались 186 окладных крестьянских душ. Помимо земельной собственности монастырь владел амбаром и мельницей на р. Пскове, дворовыми, лавочными и огородными местами в Пскове²⁵⁶. Собственностью монастыря также являлись рыбные ловли в Псковском уезде.

В XVI–XVII вв. Снетогорский монастырь входил в группу крупнейших духовных корпораций Псковской земель земли. В XVIII в. он продолжал сохранять лидирующие позиции среди прочих духовных собственников. В состав монастырской вотчины входило 129 поселений, 51 из которых нами было картографировано. Основная часть корпорации концентрировалась в двух центральных уездах провинции — Псковском и Выборском. Снеторогскому монастырю принадлежал самый крупный из обнаруженных и локализованных нами землевладельческих комплексов церковных земель, располагающийся на территории Богородицкой губы Выборского уезда.

Древнейший на Псковской земле Мирожский монастырь был основан в 1156 г. В конце XVII в., по данным Н. С. Суворова, по количеству крестьянских дворов он входил в группу наиболее крупных духовных собственников Псковщины²⁵⁷. В экономических примечаниях Генерального межевания мы встречаем следующее описание монастыря: «мужской называемой Мирожской состоящей в 3-м классе в нем соборная церковь Спаса Преображения Господня над воротами церковь Архидиакона Стефана каменная келья и вокруг оного монастыря ограда деревянная сад с плодовитыми деревьями»²⁵⁸.

Информацию о земельных владениях корпорации накануне секуляризации нам может дать ревизская сказка Мирожского монастыря, составленная в декабре 1763 г.²⁵⁹ Поскольку для выявления поселений, принадлежащих духовному собственнику, использовались ревизские сказки, в дальнейшем не представляется

²⁵⁶ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 509. Л. 52 об.

²⁵⁷ Суворов Н. С. Псковское церковное землевладение в XVI–XVII веках. Псков. б.г. С. 45.

²⁵⁸ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1196. Л. 3.

²⁵⁹ Там же. Ф. 350. Оп. 3. Д. 2854.

возможным представить данные о размерах земельных владений в монастырской вотчине.

Наибольшим количеством поселений монастырь владел на землях Верхомоской губы Рожнитцкой засады (по источнику Деманицкой) Псковского уезда. Здесь собственностью монастыря являлись 20 поселений с общим числом мужского населения 358 человек²⁶⁰. Рожнитцкая засада граничила с Володимерецким и Вревским уездами на юге, с Островским уездом и Прудцкой засадой на западе, на севере — с Деманитцкой засадой, на востоке — с западной частью Порховского околородья, Ясенским и Жсдрииким погостами Шелонской пятины Новгорода²⁶¹. Центр Деманитцкой губы и засады находился в верхнем течении р. Черехи, в 17 километрах западнее псковско-новгородского рубежа.

Деревня Кондратово, существующая до настоящего времени, около двух с половиной столетий назад являлась в данном комплексе наиболее крупной по численности проживающего мужского населения. Так, в ней, по данным ревизии, числилось 44 д. м. п. Помимо этого довольно крупными по числу проживающего мужского населения были деревни Ершово и Климово. Помимо деревень в состав картографированного комплекса входило село Ракитна с 39 д. м. п. В источнике упоминается о Подмонастырной Семеновской слободе в Пскове, куда была переведена часть жителей (29 д. м. п.) села²⁶². Всего в указанных 14 поселениях проживало на момент составления переписи около 268 д. м. п.

Еще один монастырский землевладельческий комплекс располагался на территории Славковской губы Рожнитцкой засады. В состав губы входили земли в междуречье р. Череха и р. Петь. Погост Славковичи — центр самой северной губы засады — находился на правом (восточном) берегу р. Черехи²⁶³. В монастырской собственности находилось 14 деревень с общим числом оклад-

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 2854. Л. 190об.

²⁶¹ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 124.

²⁶² РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 2854. Л. 151–206об.

²⁶³ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 123.

ного населения 265 д. м. п. Наиболее крупными из них являлись такие деревни, как Скрыпово, Заструха, Давыдова.

Комплекс монастырских земель располагался вблизи места слияния двух р. Череха и р. Петь. Самым большим поселением в комплексе была деревня Скрыпово (современная Скрипово). По данным источника, в ней числилось 65 д. м. п.²⁶⁴ Всего в указанных населенных пунктах по последней переписи было зафиксировано 126 окладных душ.

Три деревни, входившие в состав владений корпорации, располагались в южных пределах Заклинской засады в Полицкой губе. Ее центром являлся погост Полицкий, расположенный на р. Пскове²⁶⁵. По данным ревизии, общая численность мужского населения в обоих населенных пунктах составляла 70 д. м. п. Принадлежали монастырю деревни Гора Завелицкой засады Торошинской губы с 4 д. м. п., Орлецы Каменской губы Завелицкой засады с 18 д. м. п.²⁶⁶

Владения Мирожского монастыря находились также на территории соседнего Изборского уезда. По данным ревизской сказки, в 1763 г. в состав монастырских земель на землях уезда входило 9 поселений. Восемь поселений корпорации находилось в Сеннской губе. Погост Сенно — центр Сеннской губы располагался в восьми километрах к северо-востоку от Изборска и сам являлся частью монастырских владений²⁶⁷. Наиболее крупное поселение в данной губе — деревня Копоница, в которой, по данным ревизской сказки, в 1763 г. числилось 53 д. м. п.²⁶⁸ Одна монастырская деревня находилась в Никольской губе, центром которой являлся сам Изборск²⁶⁹. На момент составления описи ревизская сказка фиксирует в комплексе 225 д. м. п.

²⁶⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 2854. Л. 116об.

²⁶⁵ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998. С. 118.

²⁶⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 2854. Л. 199об. 148.

²⁶⁷ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998. С. 121.

²⁶⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1038. Л. 265.

²⁶⁹ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998. С. 121.

Таким образом, накануне секуляризации в монастырской собственности в двух уездах находилось 52 поселения (35 из них было локализовано), в которых, по данным переписи, числилось 747 крестьян. Поскольку в ревизских сказках других уездов не упоминаются владения Мирожского монастыря, можно сделать вывод о том, что монастырские земельные владения Псковского и Изборского уездов составляли основу земельной собственности корпорации.

Точное время основания Никольского Любятова монастыря неизвестно. Во второй половине XVI в. псковский летописец упоминает его в связи с приездом в Псков Ивана Грозного. В собственности монастыря накануне секуляризации находилось 562 д. м. п., 1059 дес. земли, 424,5 дес. из которых составляла пашня. В экономических примечаниях мы встречаем следующее краткое описание монастырских строений: «По течению р. Псковы на левой стороне церковь каменная во имя Николая Чудотворца»²⁷⁰. Сам монастырь находился на территории Полицкой губы Заклинской засады. Здесь же концентрировалась и основная масса его земельных владений в Псковском уезде. Это 17 деревень и одна пустошь со 170 д. м. п., 95 дес. пашни, а также 209 дес., занятых лесом.

На территории Полицкой губы нам удалось локализовать на карте часть комплекса монастырских владений. Полицкая губа занимала земли по берегам р. Псковы. За семью монастырскими деревнями числилось 86 д. м. п., а также 119 дес. земель, 47 дес. из которых составляла пашня.

Территории Рожнитцкой засады включала в себя земли на юго-востоке Псковского уезда. Здесь в Верхомостской губе находилось семь деревень Никольского монастыря с 88 тяглыми крестьянами, 55,5 дес. пашенной земли и 70 дес. леса. На территории Воронцовской четверти монастырю принадлежала одна пустошь и одна деревня, а также 9 дес. пашни и 4 дес. леса. В Колбежицкой губе Завелицкой засады собственностью духовного владельца являлись пустошь и две деревни, с 19 тяглыми крестьянами и 35,5 дес. обрабатываемой земли и 1 дес. леса.

²⁷⁰ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1193. Л. 75.

Одна небольшая пустошь, принадлежащая монастырю, находилась в Корельской губе Завелицкой засады. Аналогичной по размерам пустошью монастырь владел и на территории Верхонинской губы Бельской засады. Общий размер этих владений составлял 10, 5 дес. пашенной земли и 33 дес. лесных угодий. В Мелетовской губе Мелетовской засады в распоряжении монастыря находилась одна деревня с 17 д. м. п., 12 дес. земли и 3 дес. леса.

Таким образом, на территории Псковского уезда была сосредоточена большая часть земель, находившихся в собственности монастыря, а именно 54 % (237 дес.) пашенных земель и 47 % (277 дес.) лесных угодий. Помимо Псковского уезда монастырь имел земли на территории Изборского, Островского, Вышегородского, Вревского, Велейского и Выборского уездов. Вторым по имеющемуся размеру земельных владений, принадлежащих Никольскому монастырю, являлся Велейский уезд.

На территории Велейского уезда во владении монастыря в трех губах находилось пять деревень и одна пустошь. Наиболее крупной по размеру земли являлась деревня Спицина у р. Синяя в 60 верстах от города Острова²⁷¹. За этим поселением числилось 20 дес. пашенной земли и 49 дес. леса. Всего же на территории административной единицы монастырь владел 33 тяглыми крестьянами 47 дес. пашенной земли и 160 дес. леса.

На расстоянии 55–56 верст от города Пскова и 60 верст от Никольского монастыря на территории Елинской и Верховецкой губ Вышегородского уезда собственностью духовной корпорации являлись шесть деревень. Общее количество пашенных земель и лесных угодий, принадлежащих монастырю в Вышегородском уезде, составляло 54 дес. и 171 дес. В уезде в собственности духовного владельца числилось 76 д. м. п.

В Островском уезде, между устьями р. Кухва и р. Утроя, впадающих в Великую, находился Михаловский погост — центр губы с одноименным названием. В Михайловской губе Островского уезда собственнику принадлежало три деревни и одна пустошь. Две деревни у р. Великой — Тишино и Нашово, а также деревня Судаково, располагавшаяся в 50 верстах от города Пско-

²⁷¹ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 344. Л. 76об.

ва, по архивным данным, имели каждая около 30 четвертей пашни²⁷². Общее количество собственности, принадлежащей монастырю на территории Островского уезда, составляло 57 д. м. п., 52,5 дес. пашни и 25 дес. леса.

Небольшая часть владений духовного собственника располагалась на территории Изборского и Выборского уездов Псковской провинции. В первом случае собственностью Никольского монастыря являлись две небольшие деревни в Сенской губе, а также две пустоши на землях Выбутцкой Локонской губ Изборского уезда. В Козмодемьянской губе Выборского уезда во владении находилась одна пустошь. Всего же в собственности духовного владельца на территории двух уездов числилось 16 окладных душ, 25 дес. пашни и 1,5 дес. леса.

Всего на территории провинции накануне секуляризации находилось 44 поселения, принадлежащих духовному собственнику. Как и в случае Псково-Печерского монастыря, значительная часть земельных владений (28 поселений) Никольского Любятова монастыря была сконцентрирована на территории центрального Псковского уезда.

Общее количество собственности Успенского девичьего монастыря с Полонища Псковской провинции составляло накануне секуляризации 261 окладную душу, 457,5 дес. земли, 250,5 дес. из которых составляли пашенные земли²⁷³.

На территории Псковского уезда земельная собственность монастыря располагалась в пяти засадах: Завелицкой, Бельской, Деманицкой, Прудцкой и Мелетовской.

В Колбежицкой губе Завелицкой засады монастырю принадлежали четыре деревни с 40 крестьянами, 40 дес. земли, а также 21 дес. лесных угодий. В губах Прудцкой засады в монастырской собственности находилось такое же количество деревень и 31 оброчный крестьянин, 23 дес. земли, 76 дес. леса. По одной деревне собственнику принадлежало в Деманицкой и Мелетовской засадах, что составляло собственности в общем 31 тяглую душу 48,5 дес. барщинной пашни и 13 дес. леса. В монастырской деревне Смолино на р. Полоник Полонской губы Мелетовской за-

²⁷² РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 344. Л. 61–62.

²⁷³ Там же. Л. 17.–45.

сады числилось 22 тяглых крестьянина, 20,5 дес. пашни и 11 дес. земли²⁷⁴.

На территории Бельской засады в собственности монастыря находились три деревни. В д. Лизово числилось 16 крестьянских д. м. п., 30,5 дес. пашни и 7,5 дес. леса, в д. Шушаново — 17 крестьян, 12,5 дес. пашни и 4 дес. леса, в д. Гадзова на р. Верхолинке и 15 тяглых крестьян, 20 дес. земли, 2 дес. леса²⁷⁵.

Земли, находившиеся в собственности Успенского монастыря, на территории Псковского уезда составляли 53 % как от общего числа десятинных земель, так и от общего числа пашенных и десятинных лесов. Помимо Псковского уезда, Успенский монастырь имел свои владения на территории Изборского, Островского, Вышегородского, Володимерского и Опочецкого уездов Псковской земли.

В Михайловской губе Островского уезда три деревни составляли монастырскую собственность. Все они находились примерно в 10 верстах от города Острова. В д. Латышево было 17 д. м. п., 9,5 дес. пашни и 5 дес. леса²⁷⁶. По данным Л. М. Марасиновой, в XVI в. в Михайловской губе Островского уезда среди прочих в собственности Успенского монастыря находился починок Мочалов²⁷⁷. Во второй половине XVIII в. это уже деревня Мочалово с 4 крестьянами, 5 дес. пашни и 5 дес. леса.

В Изборском, Вышегородском и Володимерском уездах собственности принадлежало по одной деревне. В Никольской губе Изборского уезда это деревня Мутовилово, в 40 верстах от Пскова, с 18 тяглыми крестьянами и 39 дес. земли, 21 из которых составляла пашня²⁷⁸. Монастырские деревни Богданово и Петрово Вышегородского и Володимерского уездов располагали 20 оброчными душами, 18,5 дес. пашенных земель и 28 дес. лесных годий²⁷⁹.

²⁷⁴ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 715.Л.6об.

²⁷⁵ Там же. Л. 4-5об.

²⁷⁶ Там же. Л. 14об.

²⁷⁷ Марасинова Л. М. Новые Псковские грамоты XIV–XV вв. М., 1966. С. 119.

²⁷⁸ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 715. Л. 12об.

²⁷⁹ Там же. Л. 15об.

В Опочецком уезде частью вотчины монастыря являлись две деревни и пустошь. Находившиеся на территории Спасской губы 28 оброчных монастырских крестьян деревень Церковное и Со-рокино имели в распоряжении 5 дес. пашенных земель²⁸⁰. Также на территории Опочецкого уезда Успенский монастырь владел 14,5 дес. лесных угодий. Всего собственности Успенского монастыря накануне секуляризации находилось 19 деревень.

Собственность духовных корпораций к середине XVIII в. в стране преимущественно концентрировалась в уездах административных центров. Не являлась исключением и Псковская провинция. Наибольшее количество земельной собственности духовных владельцев концентрировалось в Псковском уезде. Псковский уезд входил в состав третьей категории уездов, поскольку в нем находилось, по данным А. И. Комиссаренко, около 11,4 тыс. крестьян духовенства. Организовать управление земельным хозяйством корпорации, находящимся поблизости, было легче и эффективнее, вместе с тем, земля вблизи административного центра, скорее всего, представляла большую экономическую привлекательность для собственника.

Данные офицерских описей позволяют нам представить общую структуру монастырского землевладения четырех изучаемых корпораций в уездах Псковской провинции середины XVIII в. Подавляющая масса земельной собственности духовных собственников провинции была сосредоточена в группе центральных уездов. На землях трех административных единиц провинции Псковского, Изборского и Выборского уездов общий размер земельной собственности двух крупных духовных корпораций Псково-Печерского и Снетогорского монастырей достигал 89,6 % и 82,6%. Вместе с тем, обе корпорации большую часть земельной собственности имели на территории, близкой к административному центру. Псково-Печерский монастырь концентрировал на территории Псковского уезда до 80 % пашенной земли и большую часть лесных угодий. Значительный фонд земель, принадлежащих Снетогорскому монастырю, также находился на территории Псковского уезда. Другие собственники, такие как Успенский (80 %), Никольский Любятво (58,5 %), монастыри ос-

²⁸⁰ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 715. Л. 45об.

новную часть своих владений имели на территории Псковского, Изборского и Островского уездов.

Для проведения дифференциации духовных собственников в качестве основного нами использовался такой показатель, как размер десятинной пашни, т.е. земли, обрабатываемой барщинным трудом монастырских крестьян. Как отмечал А. И. Комиссаренко, подобный показатель не соответствует в полной мере размерам всех земельных угодий, находящихся в собственности духовенства, однако он все же может дать определенное представление о концентрации земель в духовном вотчинном хозяйстве²⁸¹. Использование данных офицерских описей позволило включить в понятие «монастырских земель» не только десятинную пашню, а также лесные угодья и пустующие земли. Это дает возможность представить более точные сведения о размерах вотчинных владений духовных корпораций накануне секуляризационной реформы 1764 г.

Приведенные данные по Псковской провинции подтверждают утверждение А. И. Комиссаренко о резко усилившейся дифференциации монастырских собственников по величине десятинной пашни ко второй половине XVIII в. Так, в собственности двух крупнейших монастырей — Псково-Печерского и Снетогорского — находилось накануне реформы 3656,5 дес. и 2256,5 дес. пашенной земли, что составляет непреодолимый отрыв от 250,5 дес. и 424,5 дес. менее крупных корпораций Успенского и Никольского Любятова монастырей.

На основании сведений о крепостных крестьянах Крыпецкого, Елизарова и Мирожского монастырей можно сделать вывод, что их земельная собственность концентрировалась в двух центральных уездах: Псковском и Изборском. В собственности 7 монастырей — Псково-Печерского, Снетогорского, Мирожского, Крыпецкого, Никольского, Успенского и Елизарова — на территории Псковского уезда накануне секуляризации находилось 4654 тяглых крестьянских д.м.п., что составляет около 36 % от общего числа крестьян данной категории в уезде.

²⁸¹ Комиссаренко А. И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII веке. М., 1990. С. 24.

В распоряжении таких крупных монастырей провинции, как Псково-Печерского и Снетогорского монастырей в собственности имелось 2896 д. м. п., т. е. 25 % от общего числа церковных крестьян в уезде. Остальные 64 % (7178) крепостных находились в распоряжении других, менее крупных духовных владельцев провинции. Таким образом, приведенные факты свидетельствуют о том, что на территории уезда и, по всей видимости, провинции в целом, доминировали средние и мелкие духовные собственники.

Информация о количестве крестьянских душ в монастырских вотчинах позволяет нам представить размеры земельных владений ряда духовных корпораций. Можно рассчитать средний размер пашенной земли и лесных угодий в расчете на одну д. м. п. в монастырской вотчине. При сопоставлении данных 4 монастырских корпораций данные показатели составляют около 1 дес. пашенной земли и 2,1 дес. пашенной земли и лесных угодий. Используя эти показатели, можно рассчитать средние возможно допустимые размеры земельной собственности Мирожского, Крыпецкого и Елизарова монастырей:

Мирожский монастырь — 745 дес. пашни, 1564,5 дес. пашни и лесных угодий;

Крыпецкий монастырь — 435 дес. пашни, 913,5 дес. пашни и лесных угодий;

Елизаровский монастырь — 273 дес. пашни, 673,3 дес. пашни и лесных угодий.

Рост монастырской вотчины XVI в., по мнению большинства исследователей, активно продолжался на протяжении XVII — XVIII вв. Основным и наиболее распространенным средством пополнения фонда земельных владений духовенства вплоть до 1764 г. являлись частные вклады. В период вечевой республики на Псковской земле рост вотчинного хозяйства духовных феодалов происходил преимущественно за счет пожалований местных властей, после 1510 г. этот процесс происходил под покровительством великих князей. Иные способы пополнения фонда церковного землевладения на Псковской земле XVI–XVII вв. были рассмотрены Н. Серебрянским. Таковыми являлись кабальные записи, покупка и иные финансовые сделки. Однако самым

«удобным» и, скорее всего, более действенным способом увеличить свои земельные территории для псковских монастырей, по данным автора, являлись челобитные великому государю о пожаловании угодий²⁸². Этой возможностью пользовались как довольно богатые, так и менее зажиточные монастырские обитатели. Сами челобитные носили унифицированный характер. В таком обращении к монарху монастырские власти либо ссылались на скудность и недостаток средств, либо на частные обстоятельства, разрешение которых также требовало дополнительного финансирования.

Сведения о церковных владениях в Псковской провинции конца XVI в. представлены в работе Н. С. Суворова²⁸³. Здесь содержатся данные о количестве монастырских деревень и пустошей в губах и засадах уездов того или иного духовного собственника. Таким образом, у нас появляется возможность, используя данные Н. С. Суворова, материалы офицерских описей и ревизских сказок второй половины XVIII в., проследить динамику роста монастырской вотчины, а также основные изменения в структуре церковного землевладения. Д. А. Черненко при изучении эволюции структуры феодальной собственности на протяжении XVII–XVIII вв. на примере Алексинского и Суздальского уездов, указывал на «феноменальную» устойчивость комплексов духовных вотчин, которые, по мнению исследователя, «вовсе не распались»²⁸⁴. Так, на протяжении полутора веков в собственности монастырей и Суздальского архиепископа продолжал сохраняться комплекс из 43 сел, 30 деревень и 8 пустошей. В другом случае приведен пример, когда вотчина Спасо-Ефимьева монастыря полностью перешла Симонову монастырю, т. е. не была подвергнута дроблению.

²⁸² Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 427.

²⁸³ Суворов Н. С. Псковское церковное землевладение в XVI и XVII веках. СПб.: Сенаторская типография, 1905. 324 с.

²⁸⁴ Черненко Д. А. Сельское расселение и землевладение центральных уездов России в XVII–XVIII вв. (по материалам писцовых книг и Экономических примечаний к Генеральному межеванию): Автореф. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2004. 30 с.

В нашем случае, поскольку мы не имеем точных данных ни о количестве душ в монастырских поселениях XVI–XVII вв., ни о размерах земельных владений в них, нельзя будет сделать однозначный вывод об уменьшении или увеличении монастырских владений в административных единицах Псковской провинции, за исключением случаев появления монастырской собственности на новых территориях.

На протяжении многих веков крупнейшей духовной корпорацией Псковской провинции оставался Псково-Печерский монастырь. После 1510 г. он становится особо почитаемым со стороны государства. В своей работе Н. Н. Масленникова свидетельствует о земельных пожалованиях монастырю со стороны Ивана Грозного и его сына Федора Ивановича. Приводится пример грамоты 1580 г., согласно которой Псково-Печерскому монастырю были переданы разоренные земли Никольского монастыря на р. Зарезнице, а также довольно большое количество частных земель. В будущем монастырь должен был способствовать экономическому возрождению пустующих земель. На основе изученных грамот Н. Н. Масленникова описывает место расположения земельных владений Псково-Печерского монастыря как находящихся «у самого рубежа», с другой стороны — монастырские земли были окружены дворцовыми землями великого князя и владениями псковских помещиков²⁸⁵.

По данным Н. С. Суворова²⁸⁶, монастырь в конце XVI в. пределах Псковской земли владел 1078 крестьянскими дворами, 176 деревнями и 174 пустошами. Ко второй половине XVIII в. в вотчинной собственности монастыря происходят количественные и качественные изменения. В 7 из 8 губ Псковского уезда собственник сохранил свои владения. В Никольской губе Изборского уезда произошло уменьшение количества монастырских поселений с 45 до 21. В Пониковской губе Изборского уезда за указанный период произошло увеличение с 29 до 38 количества монастырских поселений.

²⁸⁵ Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 11–17.

²⁸⁶ Суворов Н. С. Псковское церковное землевладение в XVI и XVII в. СПб.: Сенатская типография, 1905.

В конце XVI в. владения корпорации не выходили за пределы Псковского и Изборского уездов. В XVII в. территория вотчины Псково-Печерского монастыря в Псковском и Изборском уездах была разбита на 12 приказов: Подгорний, Горний, Кулицкий, Мокралужский, Изборский, Новосельский, Зарезницкий, Березский, Пачковицкий, Константиновский, Медковицкий²⁸⁷.

В середине XVIII в. сложившаяся система управления продолжает сохраняться, однако происходят изменения в названиях и территории, входившей в состав приказов. Так, владения корпорации в Никольской губе Изборского уезда в Колбежицкой, Новоситовской губах Завелицкой засады Псковского уезда входят в состав Горнего и Подгорнего приказов²⁸⁸. К Новосельскому приказу были отнесены территории Пониковской и Щемерицкой губ Изборского уезда. В Мокралужском приказе располагались владения монастыря на землях Таиловской губы Завелицкой засады. В офицерской описи есть упоминание Лисенского и Тростянского приказов, в состав которых входили территории Кулейской и Колпинской губ Завелицкой засады, а также владения в Кобыльском уезде. Следующий приказ — Зарезницкий и Окологородней. К нему были отнесены владения корпорации в Пруцкой засаде, Пецкой губе Завелицкой засады, Полицкой губы Заклинской засады, Кривовицкой и Торошинской губ Бельской засады. В состав Бельского приказа вошли земли Верхолинской губы Бельской засады, Моложанской, Жеглицкой, Полицкой губ Заклинской засады, а также владения корпорации в Кобыльском и Гдовском уездах провинции. Приказ Конюшинский и Дубковский включал земли корпорации на территории Выборского, Дубковского, Велейского, Вышегородского уездов. Изменения, происходившие в структуре управления вотчины корпорации, свидетельствуют о происходивших изменениях в монастырском землевладении в целом.

Появление земельной собственности Псково-Печерского монастыря на территории Выборского, Гдовского, Кобыльского, Дубковского, Велейского, Вышегородского уездов является сви-

²⁸⁷ Петров Г. В., Таратушко А. Т. Изборск. Печоры. Л., 1977. С. 40.

²⁸⁸ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 431.

детельством роста монастырской вотчины на протяжении XVII–XVIII вв. Духовная корпорация активно увеличивала размеры владений и на территории Псковского уезда. Земельные владения появляются в «новых» 8 губах тех засад Псковского уезда, в границах которых уже имелись монастырские поселения в XVI–XVII вв.

Владения собственника на новых территориях составляли 741,5 дес. пашенной десятинной земли. Если повести вычисления по вычитанию из количества десятинной пашни по данным офицерской описи и так называемых «новых» владений, то можно получить приблизительную величину, отражающую возможное максимальное количество земельных владений монастыря в конце XVI в. Эта цифра составляет не более 1974 дес. пашенной земли. При подобном расчете не учитывается динамика изменений в губах, располагающих церковной собственностью в XVI в. Всего на новых территориях Псковской провинции собственность духовной корпорации увеличилась на 1036 дес. пашни, то есть основной прирост проходил за счет включения в состав вотчинных владений земель Псковского уезда.

Особенно обращает на себя внимание тот факт, что в XVI вв. значительное количество собственности духовных владельцев составляли пустоши. Так Псково-Печерскому монастырю принадлежало 174 пустоши. Обилие пустых поселений и пустошей на Псковской земле даже в конце XVII в. объясняется исследователями длительным процессом изживания кризиса XVI в. По данным А. Я. Дегтярева, к 80 гг. XVI в. в Псковской земле уцелело лишь 13,6 %, существовавших в середине XVI в. поселений²⁸⁹. В это время регион является местом активных боевых действий в ходе Ливонской войны. Хозяйственный кризис, охвативший страну в конце XVI — начале XVII вв., коренным образом изменил ее облик. А. Я. Дегтярев приводит данные о десятках тыс. (от 50 % до 90 % в разных районах) деревень, превратившихся в пустоши. Стабильное экономическое положение в XVIII в. позволило заселить ранее пустующие земли Псковской провинции.

²⁸⁹ Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 170.

В офицерской описи Псково-Печерского монастыря встречается лишь одно упоминание о принадлежащих корпорации пустошах. Так, в состав вотчинных владений входила пустошь «Сосновы суки с пустошами» (22 четверти) в Новосельском приказе²⁹⁰. Д. А. Черненко обращает внимание на значительную разницу в принципах фиксации пустошей в разновременных источниках. Так, за топонимом одной пустоши XVII в., в XVIII в. с добавлением приписки «с пустошами» мог скрываться большой комплекс земель²⁹¹.

На территории Псковского уезда Снеогогорский монастырь сохранил собственность практически во всех губах, в которых имел владения в конце XVI в. В Торошинской губе Бельской засады произошло уменьшение с 19 до 5 количества монастырских поселений. В Моложанской губе Заклинской засады уменьшение произошло с 9 до 6 поселений. В остальных засадах за указанный период произошли незначительные изменения, имеющие как положительную, так и отрицательную динамику. Новой корпорацией стала деревня Листвица у Псковского озера с 3 тяглыми крестьянами Никольской в устьях губы Завелицкой засады. На землях Гдовского уезда в Ветвеницкой губе количество поселений увеличивается с 8 до 11. Увеличение земельного фонда происходит за счет появления новых владений в Кобыльском, Вревском, Воронцовском уездах, на территории которых появляется пять монастырских деревень.

В XVI в. на землях Богородицкой губы собственник владел довольно обширными угодьями. Так, Снеогогорскому монастырю принадлежало 15 деревень и 57 пустошей. Во второй половине XVIII в. в состав монастырской вотчины входило 39 поселений и не упоминаются о принадлежащих духовной корпорации пустошах. В данном случае нельзя сделать однозначный вывод об увеличении монастырских владений на территории данной административной единицы, поскольку, скорее всего, именно на пустующих землях

²⁹⁰ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 431. Л. 45.

²⁹¹ Черненко Д. А. Сельское расселение и землевладение центральных уездов России в XVII–XVIII вв. (по материалам писцовых книг и Экономических примечаний к Генеральному межеванию): Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 95.

конца XVI в. в XVII–XVIII вв. появляются новые поселения. Сохраняются монастырские владения в Котелинской, Дьяцкой губах Выборского уезда и Голубиницкой губе Володимерецкого уезда. Три деревни появляются на новых территориях в Мыслогостицкой и Полянской губах Кобыльского уезда, а также по одной деревне в Богородицкой губе Вревского и Спасской губе Воронежского уездов. Как и в случае с Псково-Печерским монастырем, из 179 пустошей, указанных Н. С. Суворовым, в XVIII в. упоминается лишь 14.

Следует отметить небольшое количество «новых» монастырских владений. Если принять во внимание утверждение исследователей, подтверждающееся в нашем случае с Псково-Печерским монастырем, о продолжавшемся росте монастырских владений на протяжении XVII–XVIII вв., то, скорее всего, увеличение земельного фонда духовной корпорации происходило преимущественно за счет роста монастырской вотчины XVI в.

Земельные владения Мирожского монастыря в конце XVI в. располагались в Псковском, Островском и Изборском уездах. В Псковском уезде в 5 из 7 губ земельная собственность к середине XVIII в. была сохранена. В Верхомостской губе Рожницкой засады произошли качественные изменения от 3 деревень и 75 пустошей к 20 деревням, свидетельствующие о хозяйственном освоении монастырских земель.

В Славковской губе той же засады количество деревень увеличилось с 4 до 14. В Никольской губе Изборского уезда количество деревень уменьшилось на одну, а в Сеннской увеличилось на 5 деревень. Не имеется данных о наличии в середине XVIII в. земельной собственности монастыря в Островском уезде. Ни одна из 145 пустошей Мирожского монастыря во второй половине XVIII в. отдельно не упоминается.

Полное отсутствие преемственности структуры вотчинного землевладения на первый взгляд демонстрирует пример Крыпецкого монастыря. В XVI в. основная земельная собственность корпорации концентрировалась в Торошинской губе Бельской засады Псковского уезда — 15 деревень и 10 пустошей. Ко второй половине XVIII в. монастырские поселения сохраняются в Бельской и Верхолинской губах Бельской засады. В Торошинской

губе, по данным ревизской сказки, собственности Крыпецкого монастыря не имелось. В то же время в Бельской губе происходит увеличение церковных поселений с 2 до 8. Объяснить данную ситуацию можно с точки зрения локализации места положения того или иного поселения. Как в офицерских описях, так и в ревизских сказках при фиксации данных о месте нахождения поселения в ряде случаев встречается весьма неточное определение места нахождения поселений на территории засад и губ Псковского уезда. Деревни Бельской губы Крыпецкого монастыря располагались преимущественно в пограничной территории с Торошинской губой, следствием чего и могла стать неточная локализация месторасположения церковных поселений.

На протяжении XVII–XVIII вв. монастырская вотчина увеличивается за счет появления владений на новых территориях. Это земли Деманицкой, Рожницкой, Прудцкой и Завелицкой засад Псковского уезда, на которых появляется 22 новые церковные деревни, за которыми числилось 252 д. м. п., что составляет 57 % от общего числа монастырских оброчных душ, находившихся в собственности духовной корпорации накануне секуляризации.

Успенский монастырь владел в XVI в. сравнительно небольшим объемом земельных владений, что и отразилось на непостоянстве структуры его земельной собственности. По данным Н. С. Суворова, основным видом монастырских владений Успенского монастыря являлись пустоши. Так, в собственности корпорации находилась и 1 деревня и 54 пустоши, которые были рассредоточены в 16 губах провинции. В Колбежицкой губе Завелицкой засады монастырю принадлежала 1 деревня и 10 пустошей — это было наиболее крупное церковное владение. Во второй половине XVIII в. на этой же территории монастырской собственностью являлись уже 3 деревни. Всего в состав церковной вотчины накануне секуляризации входило 19 деревень в 12 губах Псковской провинции, 3 из которых появились на «новых» территориях.

К концу XVI в. вотчинные владения Никольского монастыря главным образом не выходили за пределы Псковского уезда. В свою очередь, накануне секуляризации монастырские владения находились уже на территории Изборского, Островского, Выше-

городского Велейского, Вревского и Выборского уездов Псковской провинции. Земельная собственность сохранилась на территории Бельской и Деманицкой засад Псковского уезда. Наиболее значительное качественное изменение с 5 пустошей до 17 поселений произошло на территории Полицкой губы Заклинской засады Псковского уезда. Таким образом, земельные владения духовной корпорации на новых территориях составили 132 дес. пашенной земли и 198 дес. леса — 31 % от общего количества всей земельной собственности монастыря середины XVIII в. По данным Н. С. Суворова, духовный собственник занимал 21 место по количеству крестьянских дворов среди духовных корпораций Псковского уезда (13 крестьянских дворов). Тогда как Успенский монастырь был отнесен с 24 дворами на 15 место. К середине XVIII в. он, значительно увеличив свои владения, в 2 раза превзошел размеры вотчинных владений Успенского монастыря.

Собственность Елизарова монастыря в конце XVI в. концентрировалась в Завелицкой, Бельской, Деманицкой засадах Псковского уезда. Помимо этого, монастырские владения находились на территории Кобыльского уезда. К середине XVIII в. в Псковском уезде наблюдается сокращение общего количества монастырских деревень с 30 до 12.

На протяжении XVII–XVIII вв. продолжается активный рост монастырских вотчин. Наиболее крупные духовные корпорации, такие как Псково-Печерский, Снетогорский, Мирожский монастыри сохраняют преемственность структуры земельного хозяйства. Менее постоянна эта структура у Крыпецкого, Успенского, Елизарова монастырей. Корпорации активно включают в свой состав земли, на которых к XVI в. уже сложились комплексы церковного хозяйства. Псково-Печерский монастырь, осваивая земли соседних уездов, преимущественно расширяет свои владения в пределах тех же засад Псковского уезда. Необходимо также отметить большое количество «новых» монастырских владений на территории Псковской губернии. В случае со Снетогорским монастырем основные изменения вотчинного хозяйства происходят на территории Богородицкой губы Выборского уезда, где конце XVI в. располагалось 57 пустошей духовной корпораций,

на территории которых, скорее всего и появляются новые монастырские поселения.

В середине XVIII в. продолжает сохраняться выявленная в XV–XVII вв. дробность и разбросанность монастырских владений. В свою очередь это способствовало компактному расположению поселений духовных корпораций. За более чем вековой период увеличивается населенность поселений духовных собственников. Монастырские вотчины уже не представляют собой, как правило, «ряд более или менее населенных деревень»²⁹², а являются полноценными хозяйственными комплексами, которые могли включать в себя десятки поселений.

Планомерное проведение в жизнь всех положений секуляризационной реформы привело к серьезным изменениям в составе земельных собственников страны. До 1764 г. по объему земельных владений духовные корпорации занимали третье место в стране после частновладельческих и государственных земель. Наиболее существенные изменения должны были произойти на тех территориях, где процент концентрации земель духовенства был выше средних показателей. В Псковской земле все произошедшие процессы в составе земельных собственников после 1764 г. должны были наиболее наглядно проявиться на примере Псковского уезда как крупнейшего центра сосредоточения земель духовенства Псковской провинции середины XVIII в.

Губернская реформа 1775 г. внесла изменения в административно-территориальное деление страны. В 1777 г. Псков становится центром Псковского наместничества, переименованного в 1796 г. в губернию. Все произошедшие изменения были зафиксированы и нашли свое отражение в документах Генерального межевания второй половины XVIII в. У нас появляется возможность, используя материалы межевания (планы, экономические примечания), рассмотреть на примере Псковского уезда Псковской губернии масштаб перераспределения фонда земельной собственности после секуляризации, а также выявить и локализовать на имеющемся картографическом материале районы концентрации бывших вотчинных владений духовных собственников.

²⁹² Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 427.

До 1764 г. Псково-Печерский монастырь относился к крупнейшим духовным корпорациям не только Псковской провинции, но и страны в целом. Его владения из всех псковских монастырей некогда являлись самыми обширными в Псковском уезде. Секуляризация кардинальным образом изменила положение прежде крупной духовной корпорации. По духовным штатам 1764 г. Псково-Печерский монастырь был отнесен ко 2-ому классу. На момент проведения Генерального межевания в распоряжении прежде крупного землевладельца, находился небольшой земельный участок. Это 21 дес. и 1096 саженой «выгонной земли» у села Логозовичи. Поскольку согласно межевой инструкции земельные владения монастырям и церквям следовало выделять в непосредственной близости от самого владельца, то основным местом расположения после секуляризации земель Псково-Печерского монастыря должен был стать Печерский уезд. На территории Печерского уезда монастырскими владениями являлись отхожая пашня, скотный двор и рыбная ловля — всего 56 дес. земли.

После 1764 г. по духовным штатам Снетогорский монастырь был определен в 3 класс. Что касается владений бывшего крупного земельного собственника в пореформенный период, то ситуация в 80–90-х г. XVIII в. обстояла следующим образом. В собственности «архимандрита с братию» числилось 96 дес. и 455 саженой земельных владений. В экономических примечаниях также можно найти краткое описание самих монастырских владений «сад с плодовитыми деревьями при оном монастыре роща дубовая земля иловатая хлеб и покосы средственны лес дровяной»²⁹³. Указанная территория составляла основу монастырской земельной собственности на момент проведения межевых работ.

В межевом плане Псковского уезда числится обширный комплекс земель экономических крестьян, раскинувшийся на территории Торошинской и Кривовитцкой губ Бельской засады²⁹⁴. Общий размер владений составлял 2026 дес. и 946 саженой. На территории данного комплекса располагались такие поселения, как Овсищи, Хотицы, Великое село, Ваулино, Лухново. Все они в до-

²⁹³ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1193. Л. 69а.

²⁹⁴ Там же. Л. 69а.-об.

реформенный период являлись неотъемлемой частью собственности Снетогорского монастыря. Всего на территории этих административных единиц до секуляризации располагалось 216,5 дес. пашенной земли и 185 дес. монастырских лесных угодий.

Преимущественно в юго-восточной части межевой дачи находились деревни, не упоминающиеся в офицерских описях Снетогорского монастыря. Скорее всего, эти поселения до реформы принадлежали другому духовному собственнику, а на момент проведения межевания были включены в состав обширной межевой дачи земель экономических крестьян. Однако, на наш взгляд, считается возможным предположить, что большая часть данного землевладельческого комплекса в его указанных границах до секуляризации все же являлась частью владений Снетогорского монастыря. Наряду с этим, внутри межевой дачи располагались небольшие частные владения, а также земельная собственность церковью Пскова. Так, здесь находилась церковная земля «бывшего Сироткина монастыря, что ныне приходская церковь Петра и Павла»²⁹⁵. Что касается характера земель, то согласно картографическим данным, основу межевой дачи составляли преимущественно пашенные земли.

Крыпецкий монастырь не был включен в штатное расписание. Однако наличие в обители этого монастыря чудотворных мощей Преподобного Саввы Крыпецкого позволило ему по решению местных епархиальных властей остаться на «собственном содержании». Последующая история монастыря показывает, что он смог выжить в непростых условиях, в которые был поставлен после 1764 г. В свою очередь, Ю. Н. Кожевникова в своем исследовании приводит пример Олонецкой епархии, когда два заштатных монастыря — Клименецкий и Муромский не смогли просуществовать на подобном положении, обнищали и, как следствие, были закрыты в 1769 и 1786 гг.²⁹⁶

Земельная собственность Крыпецкого монастыря к 80–90 гг. XVIII в. по сравнению с остальными монастырями Псковской гу-

²⁹⁵ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1193. Л. 69а.-об.

²⁹⁶ Кожевникова Ю. Н. Православные монастыри и монашество в Олонецкой епархии во 2 половине XVIII — начале XX вв.: Автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 67.

бернии представляла собой внушительные размеры. В распоряжении Крыпецкого монастыря по данным Генерального межевания, сохранилось 3502 дес. земли. Наиболее значительная часть владений — это территория, находящаяся непосредственно в монастырской округе, составлявшая 3357 дес. и 2237 сажений. Главным образом, это была болотистая местность, непригодная для сельскохозяйственных работ с небольшими сенными покосами. Если обратиться к картографическому материалу, то большую часть этих земель можно охарактеризовать как «чистое болото». В экономических примечаниях мы встречаем такое описание земель: «земля иловатая хлеб и покосы средственны лес строевой».

По духовным штатам 1764 г. Мирожский монастырь был причислен к 3 классу. Будучи ранее значительными, земельные владения после секуляризации составляли 45,5 дес. в пригороде Пскова.

По духовным штатам 1764 г. Никольский монастырь был упразднен и обращен в приходскую церковь Николая Чудотворца. Земли церкви Николая Чудотворца находились на правой стороне р. Любятовки и в устье этой же реки, впадающей в р. Пскову. Экономические примечания дают характеристику церковным землям как серопещаным, со «средственными» покосами и хлебом, дровяным лесом. Бывшая подмонастырная Любятовская слобода осталась в собственности экономических крестьян. Всего же после секуляризации церкви принадлежало 46,5 дес. земли вблизи городской черты.

На генеральном плане Псковского уезда обозначен «Елизарьев монастырь Спасовеликпустынского с деревней Коровье село оного монастыря игумена с братию»²⁹⁷. В экономических примечаниях мы находим краткое описание монастырских владений, в которых идет речь о основной роще вокруг монастыря, деревне на правом берегу безымянного ручья и безымянном озере. Несмотря на состоявшийся во второй половине 60-х гг. XVIII в. «перевод» в обитель Спасовеликпустынского монастыря, за ним сохраняется прежнее название и в источниках чаще всего мы встречаем прежнее название — Елизаровский монастырь. Всего в собственности монастыря находилось 236 дес. и 2117 сажений земли в близлежащей округе. Помимо этого, на территории уезда за владельцем

²⁹⁷ РГАДА. Ф. 1355. Д. 1193. Л. 75–133об.

числилось две пустоши с 27, 5 дес. земли.

Поскольку Генеральное межевание Псковской губернии проходило в 80–90 гг. XVIII в., использование межевых материалов, а также сопоставление их с офицерскими описями и ревизскими сказками может продемонстрировать ситуацию, сложившуюся в сфере землевладения по прошествии более 16 лет после проведения секуляризационных мероприятий в стране. Таким образом, появляется возможность наглядно представить масштабы проведенной реформы и ее перспективный результат.

Используя в качестве источника комплекс межевых документов, нельзя сделать однозначные выводы о количестве земельных владений того или иного духовного владельца. Весьма часто в качестве собственников земли мы встречаем указание на «священно и церковнослужителей», т. е. представителей приходского духовенства — причта, без более точного упоминания приходской церкви.

В пореформенный период на момент проведения Генерального межевания в Псковском уезде духовным собственникам принадлежало около 7735 дес. земельных угодий, из которых, 855 дес. составляли владения ранее крупных монастырей. Из земель приходских церквей при подсчете были учтены только так называемые писцовые церковные земли, на которые при проведении межевания составлялись отдельные планы и выделялись межевые дачи. Приведенная цифра примерно близка тому количеству указанной земли, которое находилось в собственности до 1764 г. наиболее крупной духовной корпорации провинции — Псково-Печерского монастыря. Основу земельных владений составляли пустоши, сенные покосы, огородные места, и другие земли, на территории которых не находилось крестьянских поселений, т. е. так называемые ненаселенные земли. По данным источников, в Псковском уезде упоминается лишь о трех деревнях, принадлежащих духовенству, которые чаще всего оказывались ненаселенными и упоминались в материалах Генерального межевания как пустоши.

Значительное количество небольших по своему размеру земельных участков концентрировалось вдоль городской черты

и ближайшего пригорода Пскова. Подавляющая часть составляющих межевые дачи земель являлись пустошами, вошедшими в алфавитный указатель под названием «церковная земля». 30 дес. церковных земель пригорода составляли «огородные места». На этих землях церковные служители чаще всего высаживали вишневые и яблочные сады. При изучении источников доходов духовенства второй половины XVIII в. В. Б. Лебедев указывал, что возделывание огородных мест приносило стабильный и достаточно большой доход духовенству²⁹⁸. Так, исследователем приводится пример, когда такой доход мог достигать до 50 рублей в год.

По данным Генерального межевания, вблизи городской черты концентрировались главным образом земельные владения приходских церквей. Общий размер 82 земельных участков составлял около 300 дес.

В редких исключениях бывшим владельцам оставлялась в распоряжение небольшая часть прежних крупных земельных комплексов. Об этом могут свидетельствовать земли, принадлежащие духовному собственнику, и «окруженные» землями экономических крестьян. Таков пример Крыпецкого монастыря, когда частью его владений уже после секуляризации являлась деревня Буяны, «окруженная» со всех сторон бывшими монастырскими землями.

Как уже отмечалось ранее, провести точный сравнительный анализ земельных владений до и после секуляризации по каждому из упомянутых духовному собственнику не представляется возможным, поскольку довольно часто в материалах межевания в качестве собственника тех или иных земель указывались «священно и церковнослужители», без упоминания конкретной церкви или монастыря. Однако общее представление о масштабах секуляризованного земельного имущества и земельных владениях духовных собственников дореформенного периода в уезде нам может дать информация о размерах межевых дач, которые принадлежали экономическим крестьянам.

В конце XVIII в. экономические крестьяне владели 4 % всех земель Европейской России. Наибольшее количество земель эконо-

²⁹⁸ Лебедев В. Б. Псковское духовенство во второй половине XVIII века.: Дисс. ... канд. ист. наук. Псков, 2003. С. 136.

номическим крестьянам принадлежало в Центрально-Промышленном — 18 % и Северо-западном — 19 % районах страны²⁹⁹. На момент проведения Генерального межевания в Псковском уезде количество принадлежащих земель данной категории крестьян достигало 146382 дес. Всего за период проведения Генерального межевания в уезде, по нашим данным, было обмежевано около 642 межевых дач экономических крестьян, где средний размер земель составлял 227,5 дес. Все эти владения составляли ранее обширный фонд церковных и монастырских земель уезда.

В нашем распоряжении имеются данные о количестве десятинной пашни и лесных угодьях, принадлежащих духовным корпорациям. Так, накануне реформы таким крупным духовным собственникам, как Псков-Печерский, Снетогорский, Успенский и Никольский монастыри в Псковском уезде принадлежало около 14179,5 дес. земель. Сравним этот показатель с данными о количестве земель, принадлежащих экономическим крестьянам. Показательно, что эта цифра составляет лишь 9,7 % от общего количества земель экономических крестьян уезда в послесекуляризационный период. Это еще раз подтверждает утверждение исследователей о том, что основную массу духовных вотчинников накануне секуляризации в Псковской провинции составляли преимущественно средние и мелкие землевладельцы. Вместе с тем, этот факт наглядным образом свидетельствует о том, что на территории Псковского уезда преимущественно были распространены, как и утверждал В. И. Семевский, небольшие по своим размерам вотчины церквей.

Земли духовенства концентрировались в центральном, северо-западном, юго-восточных районах уезда. Наиболее выделялись по количеству земель экономических крестьян Бельская, Рожницкая, Прудцкая и Деманицкая засады. Часть бывших церковных земель располагалась вдоль побережья и на Талабских островах Псковского озера. Таким примером для нас является территория Кривовитцкой губы Бельской засады. Здесь мы можем наблюдать межевые дачи, принадлежащие экономическим крестьянам на

²⁹⁹ История крестьянства России с древнейших времен до 1971 г. М., 1993. Т. 3. С. 508.

указанных территориях. В конце XIX в. К. Е. Евлентьев в своей работе, посвященной истории Талабских островов, указывал, что на острове Талабске и соседнем Верхнем острове располагались две церкви: во имя Николая Чудотворца и церковь во имя Апостола Петра и Павла³⁰⁰. Причем, на месте последней церкви ранее находился мужской монастырь — Петропавловский Верхне-Островский, основанный, по данным автора, в 1470 г. С 1616 г. обитель была приписана в разные периоды и архиерейскому дому к Псково-Печерскому монастырю. Накануне секуляризации в офицерской описи Псково-Печерского монастыря мы встречаем следующую запись: «К оному Псковопечерскому монастырю приписной в Бельской засаде Кривовицкой губы на Псковском Большом озере на острове Петропавловской Верхнеостровской монастырь расстоянием от города Пскова в 30 верстах»³⁰¹. Впоследствии монастырь после издания церковных штатов 1764 г. был упразднен и на момент описания К. Е. Евлентьевым от него, по словам автора, «не осталось почти никаких следов»³⁰².

Помимо Псково-Печерского монастыря на Талабских островах до 1764 г. находилась земельная собственность Елизарова монастыря и Псковского Архиерейского дома³⁰³. По всей видимости, вся основная часть территории островов принадлежала до секуляризации преимущественно духовным собственникам, поскольку при проведении Генерального межевания островные земли входили в состав одной межевой дачи. Более подробно последующая история островов была прослежена в кратком очерке Псковского (Талабского) озера И. И. Василевым³⁰⁴. В 1797 г. императором Павлом I 136 душ крестьян острова Талабск и село Талабское со всеми принадлежащими к этому селу землями, угодьями и рыбными ловлями были пожалованы действительному статскому советнику Харитону Зуеву.

³⁰⁰ Святыни и древности Псковского уезда по дореволюционным источникам. Псков, 2006. С. 292.

³⁰¹ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 431. Л. 23-об.

³⁰² Святыни и древности Псковского уезда по дореволюционным источникам. Псков, 2006. С. 362.

³⁰³ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 912. Л. 766об.

³⁰⁴ Святыни и древности Псковского уезда. Псков, 2006. С. 392.

В работе В. И. Семевского был проведен анализ количества земельной собственности в пореформенный период бывших крестьян духовных феодалов³⁰⁵. Ища ответы на вопросы — была ли выгодна крестьянам секуляризация и не уменьшились ли после реформы крестьянские наделы, автор обращается к одному из важнейших источников по истории социально-экономического развития второй половины XVIII в. — экономическим примечаниям к Генеральному межеванию Российской империи. Для выявления земель экономических крестьян была использована следующая методика. По каждой из российских губерний выписывалось количество пашенной, сенокосной земли, леса экономических крестьян и делилось на общее количество крестьянских д. м. п. В результате автором была проведена следующая классификация: 16 губерний Великороссии были разделены на три категории, в которых общее количество земли составляло менее 10 дес. на душу, от 10 до 20 дес. и более 20 дес. земли.

Псковская губерния с 10,7 дес. была отнесена исследователем ко второй группе. При этом указывается на то, что характерной чертой Псковской земли являлось наличие большого количества бывших церковных крестьян, вотчины которых по обыкновению были не велики. Всего же в Псковской губернии, по данным В. И. Семевского, на одну душу экономического крестьянина приходилось 3,9 дес. пахотных земель, 0,7 сенокоса и 5,5 дес. лесных угодий. Подобный вывод был сделан на основании 39373 крестьянских душ экономических крестьян Псковской губернии. Автор указывает на то, что количество пахотных земель у экономических крестьян губернии было значительно выше среднего показателя по стране. Так, менее 3 дес. приходилось на одного крестьянина мужского пола в Московской и Петербургской губернии, а к группе территорий по количеству пашни более 4 дес. относилось всего лишь 3 губернии.

Исходя из числа душ экономических крестьян и количества земли, приходившейся на одну подобную единицу, по данным В. И. Семевского, можно рассчитать общее количество земель

³⁰⁵ Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 2. 504 с.

крестьян бывших духовных собственников в Псковской губернии. Эта цифра составляет 421291 дес. Далее простым математическим способом у нас появляется возможность рассчитать процентное соотношение бывших духовных земель в Псковском уезде и губернии. В результате мы получаем, что 146382 дес. земли экономических крестьян уезда составляли 35 % от общего количества земель экономических крестьян Псковской губернии. Позднее при проведении Специального межевания с участием духовных собственников в Псковском уезде было размежевано всего 7 дач с общим количеством земли 332 дес.³⁰⁶ Земли экономических крестьян Псковского уезда не принимали участия в специальном межевании.

Среди причин проведения секуляризации в России во второй половине XVIII в. зачастую указывается необходимость пополнения государственного фонда земель для будущей его раздачи дворянскому сословию. Пополнив за счет изъятия духовных вотчин фонд казенных земель, государство тем самым значительно расширило свои возможности для частных пожалований. Несмотря на это, в период правления Екатерины II не последовало массовой раздачи бывших церковных земель в частные руки. В. И. Семевским были проанализированы отдельные указы о пожаловании «населенных имений» после 1764 г. В результате было обнаружено лишь несколько случаев передачи экономических крестьян в частные руки³⁰⁷. Речь шла о передаче экономических вотчин братьям Орловым, но, по данным автора, каждый подобный случай сопровождался переводом крестьян другого ведомства в ведение Коллегии экономии. Однако уже при ближайших преемниках императрицы подобная практика становится все более частой. Тенденция к раздаче земель экономического ведомства не прослеживается нами и на примере Псковского уезда. Так, все выявленные нами в первой части исследования поселения уезда, принадлежащие духовным корпорациям до 1764 г., на момент проведения межевания оставались по-прежнему в распоряжении экономических крестьян.

³⁰⁶ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 398. Д. 1092.

³⁰⁷ Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб. 1903. Т. 2. С. 285.

После секуляризационной реформы 1764 г. земельная собственность духовенства продолжает сохраняться в Псковских слободах. Об этом свидетельствуют данные экономических примечаний Псковского уезда, в которых идет речь в общей сложности об 11 слободах. К XVIII в. понятие «слобода» (слобода — свобода, то есть свободное поселение) постепенно уже утратила свой смысл как поселение, жители которого освобождались от налогов и повинностей, и представляла собой село или поселение городского типа. Изучая топографию псковских посадов Пскова конца XVI в., Б. Н. Харлашов пришел к выводу, что уже в то время Псков занимал территорию, обозначенную на планах XIX — начала XX вв., которая помимо городского центра включала в себя и будущие слободы³⁰⁸.

Места локализации вблизи городской черты церковных земель после секуляризации: первая слобода — Варлаамская располагалась, по данным источника, «на правом берегу реки Великой...и при градской каменной стене...»³⁰⁹. В работе В. В. Василева мы встречаем описание слободы, как находившейся на севере от Варлаамских ворот, в том месте, где находилась Лазаревская церковь³¹⁰. Далее идет речь (как и в большинстве остальных случаев) о церковной земле, на которой «поселились из оброку» различные категории населения. Здесь мы встречаем экономических крестьян, мещан, солдат и купцов. Приведем один из примеров Варлаамской слободы: двор и огород солдата Ивана Агапова «поселившегося на церковной земле церкви Варлаамия Преподобного», составляющий в общем 337 саженей³¹¹.

На территории слободы упоминается огород в 178 саженей священо и церковнослужителей церкви Варлаамия Преподобного с Запсковья³¹². И 5 дес. той самой церковной земли, на которой были «поселены» другие категории населения. Здесь также

³⁰⁸ Харлашов Б. Н. Посады Пскова и околгородские губы в XVI в. // Археология и история Пскова и псковской земли. Материалы научного семинара 1996–1999 годов. Псков, 2000. С. 59.

³⁰⁹ РГАДА. Оп. 1. Ф. 1355. Д. 1196. Л. 5-6об.

³¹⁰ Василев И. И. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. СПб., 1898. С. 73.

³¹¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1196. Л. 6об-7.

³¹² Там же. Л. 9об-10.

мы встречаем церковную землю церкви Вознесения Христова со Стадища «на коей из оброку поселившееся разного звания люда». Всего церковной земли чуть более 11 дес. было отдано в оброк 7 людям.

Помимо огородной земли церкви Варлаамия Преподобного в слободе располагались земли церкви Ильи Пророка, церкви Козьмы и Домиана с Запсковья, церкви Великомученика Георгия с Болота и «огород бывшего Гремячего монастыря, что ныне приходская церковь Козьмы и Домиана»³¹³. Всего огородные церковные земли занимали примерную площадь в 4 дес. Что касается описания характера основной массы слободских земель, то в экономических примечаниях указывалось на высокую плодородность местных почв «земля в огородах черноземная иловатая».

Из 5 дес. и 422 сажений небольшой по размерам слободы Хлебная гора, а «оная слобода по обе стороны речки Милевки и ручья Колокольничья и при градской каменной стене» находилась двор и огород экономического крестьянина «поселившегося» на церковной земле церкви Козьмы и Домиана с 578 саженьями, и двор и огород кананера Николая Иванова «поселившегося» на церковной земле той же церкви с 315 саженьями.

Основную часть слободы Мишарина гора, что «на правом берегу реки Псковы и по обе стороны оной к реке Милевки и при градской каменной стене» составляли земли церкви Иоанна Богослова³¹⁴. Также можно встретить описание этой слободы как находившейся напротив Никольских ворот Окольной стены³¹⁵. На 27 дес. и 469 саженьях (всего за слободой числилось 29 дес. 1610 сажений земли) располагалась сама церковь, а также на положении оброка проживали «разного звания люди» в количестве 11 человек. Помимо этого на церковной земле общим размером в 2 дес. земли находились дворы и огороды экономических крестьян, мещан и различных военных чинов.

На правом берегу р. Псковы в Бачаровой слободе, по данным источника, находилось 1733 сажени отдаваемой в оброк

³¹³ РГАДА. Ф. 1355. Оп.1. Д. 1196. Л. 11об-12.

³¹⁴ Там же. Л. 14-15.

³¹⁵ Василев И. И. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. СПб., 1898. С. 21.

земли церкви Зачатия Святой Анны. Общая территория, которую занимала слобода, составляла около 9 дес., 1,3 дес. из которых составляли дворы и огороды мещан, купцов и экономических крестьян. Остальную часть слободы занимали огородные земли таких церквей, как Архангела Михаила, Петра и Павла и Богоявления Господня. В целом источник характеризует характер слободской земли как сероглинистой.

В пятой по счету из Псковских слобод — Цареконстантиновской находился двор, огород и церковная земля церкви Царя Константина и матери его Елены, всего 3 дес. земли³¹⁶. Заселенные церковные земли того же собственника занимали территорию в 1577 саженой слободской земли. Помимо земельной собственности Константиновской церкви на территории слободы располагались владения церкви Варлаама Преподобного с 622 саженьями земли, на которой находились огороды и дворы солдатки и экономического крестьянина. Всего общая территория слободы составляла 4 дес. 1619 саженой земли. Что касается характера земли в слободе, то источник указывает на черноземную и сероглинистую почву.

Довольно крупной по своим размерам (более 100 дес.) была территория Петровской слободы. В источнике дается ее краткое описание: «оная слобода на левом берегу р. Псковы и по обе стороны большой Столбовой дороги лежащей из города Пскова в Новгород. В слободе две церкви первая деревянная во имя Великомученицы Варвары вторая Дмитрия Солунского каменная и при ней кладбища...»³¹⁷. Церковные владения, на которых находилась сама церковь Великомученицы Варвары и отдаваемые в оброк огороды, составляли чуть более 1 дес. земли. Помимо этого на территории слободы находилось еще 740 саженой земельной собственности церкви.

Церковная земля, на которой находилась церковь Дмитрия Солунского, а также, по данным источника, имелось поселение экономических крестьян, составляла 2 дес. и 696 саженой³¹⁸. Так-

³¹⁶ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1196. Л. 18–21.

³¹⁷ Там же. Л. 21–24.

³¹⁸ Там же. Л. 26об–27.

же на территории Петровской слободы находилось около 4 дес. церковных огородных земель, отданных в оброк.

Кроме собственности церквей, находящихся на территории слободы, в ней имелись земельные владения следующих духовных собственников: церкви Иоанна Милостивого — 3,6 дес.; церкви Сергея Чудотворца — 1,5 дес.; церкви Николая чудотворца — 3 дес.; церкви Покрова Богородицы с Торгу — 2 дес.; церкви Великомученицы Настасьи — 3,3 дес.; церкви Великомученика Никиты с поля — 4 дес.; церкви Великомученика Николы — 9 дес. 849 сажений; церкви Иоанна Златоуста — 3,7 дес.; Никольской церкви (бывшего Никольского Любятова монастыря) — 4,5 дес.; церкви Вознесения Господня — 2 дес., 134 сажени; Нововознесенской церкви — 1 дес., 1811 сажений; церкви Спаса Нерукотворного образа «что был Надолбин монастырь» — 1650 сажений; церкви Похвалы Пресвятой Богородицы — 1082 сажений. Всего из более 100 дес. слободской земли духовным собственникам на момент проведения Генерального межевания принадлежало 40 дес. земли. Основную массу из них составляли церковные земли, отдаваемые в оброк различным категориям населения.

В Пометкиной Псковской слободе находились земли двух церквей: Великомученицы Варвары и Иоанна Златоуста. Источник характеризует место расположения слободы как «... на суходоле при копанных колодезях». Всего из 4 дес. 416 сажений слободской земли за духовными владельцами числилось 3,5 дес. черноземной земли.

«Оная слобода на суходоле по обе стороны большой столбовой дороге, лежащей из Пскова в город Остров, в ней церковь во имя Алексея Человека Божьего с приделом Великомученицы Настасьи каменная»³¹⁹. На земле Алексеевской слободы находился двор и огород Псковского Архиерея с 6 дес. земли. Церковь Алексея человека Божьего располагалась на земле в 885 сажений. При этом общая земельная собственность, отдаваемая в оброк, составляла 4,2 дес. Огородные места церкви Успения Богородицы занимали 1040 сажений земли, Воскресения Христова с Полошища 891 сажений, церкви Великомученика Никиты с поля 3 дес., церкви Вели-

³¹⁹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1196. Л. 32–34-об.

комученицы Настасьи 1500 сажений. Всего из 19 дес. земли Алексеевской слободы 17 дес. принадлежало духовным собственникам.

В девятой по счету Выползовой слободе, что на правом берегу р. Великой, находились земли церкви Великомученика Георгия. Более точная характеристика места расположения Выползовой слободы была дана И. И. Василевым, как находящейся на юго-востоке от Покровской башни за крепостной стеной на берегу реки³²⁰. Огородные места и церковная земля самой церкви составляли 2 дес. и 1323 сажен. Нужно отметить, что часть данной территории упоминалась как пустующая. На остальных отданных в оброк 8 дес. земель жительствоваали различные категории населения. Около 5 дес. земли в Выползовой слободе принадлежало бывшему Любятову монастырю. Всего же из 20 дес. слободской земли церквям принадлежало около 18 дес.

В Никицкой слободе на правом берегу р. Великой, где находилась церковь во имя Великомученика Никиты с Поля, вся слободская земля (а это чуть более 7 дес. земли) находилась в собственности духовных владельцев. На территории слободы располагались огороды бывшего Любятова монастыря, церкви Великомученика Никиты с поля, а также отданные в оброк церковные земли указанных владельцев.

В последней по счету одиннадцатой Бутырской слободе, что «на левом берегу р. Мирожки на ручье безымянного в слободе церковь каменная во имя Успения Пресвятой Богородицы...» находилась церковная земля той же слободской церкви — 3 дес. и 300 сажений³²¹. По данным И. И. Василева, на территории слободы с давних пор проживали стрельцы и именно поэтому утвердилось и второе ее название — Стрелецкая слобода³²².

В 80–90 гг. XVIII в. на территории Псковских слобод сохраняется церковное землевладение. В ряде случаев это были земли бывших монастырей, переведенных после 1764 г. в разряд приходских церквей. Церковные земли могли занимать большую часть

³²⁰ Василев И. И. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. СПб., 1898. С. 70.

³²¹ РГАДА. Оп. 1. Ф. 1355. Д. 1196. Л. 48об-49.

³²² Василев И. И. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. СПб., 1898. С. 75.

той или иной слободы. Это были небольшие по размерам земельные участки, преимущественно отдаваемые в оброк различным категориям населения. После секуляризации сдача земли в аренду стала одним из возможных и наиболее доступных способов улучшения материального положения духовных собственников. Так, О. Н. Яшина отмечает, что после секуляризации «основной частью дохода становится сдача в аренду недвижимости (земли, домов, угодий)³²³. По данным В. Б. Лебедева, причты штатных церквей, главным образом, городских, предпочитали практически полностью сдавать свои земли в аренду³²⁴. Это объяснялось тем, что штатное жалование и хорошее вознаграждение за выполнение треб лишали духовенства необходимости заниматься физическим трудом. Вместе с тем, сохранившиеся за церквями писцовые земли, зачастую располагались на довольно большом расстоянии от собственника, т. к. до церковной реформы их обработкой занимались церковные крестьяне. В собственном распоряжении церкви оставались лишь небольшие огородные места, которые могли использоваться как для личных нужд, так и стать весомой доходной статьей, как отмечалось нами ранее.

Лишившись основ своей финансовой независимости, после 1764 г. денежные доходы духовенства резко сокращаются. Главным образом это касалось крупных духовных корпораций, чье положение после введения в действие духовных штатов 1764 г. кардинальным образом меняется. Наличие в собственности ненаселенных земель и отсутствие в распоряжении крепостных крестьян для ее обработки открывало перед духовными собственниками такой единственный способ получения доходов от ее эксплуатации как сдача земель в аренду. Однако все же это не могло вернуть крупным духовным корпорациям прежней финансовой независимости.

Согласно данным прихода денежных средств 1771 г., в монастырскую казну Псково-Печерского монастыря поступило

³²³ Яшина О. Н. Земельная собственность Русской православной церкви в России в XVIII — первой половине XIX веков.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 164.

³²⁴ Лебедев В. Б. Псковское духовенство во второй половине XVIII века.: Дисс. ... канд. ист. наук. Псков. 2003. С. 132.

349 руб. 40 копеек, 45 руб. и 90 копеек из которых составляли подушные и оброчные деньги³²⁵. Все остальные средства поступали в монастырь из фондов Коллегии экономии. Таким образом, денежные доходы ранее самой крупной духовной корпорации в Псковской провинции сократились по сравнению с дореформенным периодом более чем в 9 раз. Доход Снетогорского монастыря составлял 264 руб. 30 копеек, из которых 24 руб. 30 копеек составляли подушные и оброчные деньги. На лицо сокращение прихода финансовых поступлений более чем в 6 раз. Всего же доход таких крупных монастырей Псковской губернии как Псково-Печерского, Святоторского, Снетогорского и Спасомирожского монастырей в 1771 г. составил 1137 руб. 80 копеек³²⁶. Новая предложенная государством система содержания духовенства заставила последних отказаться от традиционных форм хозяйствования, свойственных крупным вотчинникам. Эта новая система вынуждала церковь и ее институты выстраивать свою финансовую деятельность на принципиально новых основах. В. Б. Лебедевым были проанализированы основные источники доходов монастырей Псковской епархии во второй половине XVIII в. В результате, автором был сделан вывод, что уже к 70 гг. XVIII в. монастыри хорошо приспосабливаются к новым экономическим условиям, которые диктовало государство и весьма эффективно распоряжаются имеющимися у них финансовыми материальными ресурсами³²⁷.

Проведение Генерального межевания способствовало окончательному установлению пореформенных границ земельных участков духовенства и экономических крестьян. В то же время межевание расширило возможно допустимые границы приходского церковного землевладения, которые по законодательству 1764 г. были сведены до минимума. Определение точных границ земельных владений экономических крестьян позволило государству получить более точные сведения о количестве и качестве земель, пополнивших государственную казну. В свою очередь, для

³²⁵ РГАДА. Ф. 280. Оп. 6. Д. 4308. Л. 9-об.

³²⁶ Там же. Л. 12об.-13.

³²⁷ Лебедев В. Б. Псковское духовенства во второй половине XVIII века: Дисс. ... канд. ист. наук. Псков, 2003. С. 149.

лиц духовного сословия это была возможность более предметно представить новую реальность, которая требовала от них переосмысления основных принципов ведения хозяйства. Не располагающее возможностями для организации обработки сохранившихся земель духовенство будет стремиться к раздаче этих территорий в аренду. В последующем основные доходные статьи бюджета духовенства будут связаны с арендой и платой за требы. В XIX в. не редки будут случаи операций с ценными бумагами и другие формы экономической деятельности, носившей ярко выраженный капиталистический характер.

После реформы одним из мест сосредоточения земель духовенства остается городская округа. Это были небольшие по своим размерам земельные участки, принадлежащие преимущественно приходским церквям, состав которых пополнился в 1764 г. за счет упраздненных монастырей. Также церковное землевладение продолжает сохраняться в 80–90 гг. XVIII в. и на территории Псковских слобод.

Из всех Псковских монастырей, продолжавших свою деятельность в пореформенный период, интересным является случай Крыпецкого монастыря. Эта обитель является единственной на Псковской земле, сохранившей после секуляризации довольно крупный участок земельных владений. Нужно отметить, что возможностей хозяйственного использования основной массы подобных болотистых земель на тот момент не имелось. И даже в XXI в. эта часть территории Псковского района может быть отнесена нами к категории малонаселенных земель.

Проведя сравнительный анализ владений крупных духовных корпораций середины XVIII в. и количества земель, принадлежащих экономическим крестьянам в 80–90 гг. XVIII в. на территории Псковского уезда, мы пришли к выводу о том, что на территории уезда накануне проведения секуляризации с внушительным преимуществом доминировали средние и мелкие духовные собственники. Основная масса земель духовенства в пореформенный период была сосредоточена в руках приходских церквей, средний размер которых составлял 37 дес. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в дореформенный и пореформенный периоды

для Псковской земли было характерно доминирование церковного землевладения над монастырским. Еще некогда разбросанная по нескольким уездам земельная собственность монастырских корпораций теперь компактно располагалась вблизи самого собственника, но уже не в прежних размерах. В целом, после секуляризации в Псковском уезде сохраняется обширный фонд земель духовенства, основную массу среди которых составляли мелкие и мельчайшие владения приходских церквей.

Еще одной характерной чертой в XVIII в. как духовного, так и светского землевладения продолжала сохраняться прочно сформировавшаяся в течение предшествующих веков мелкоземность. После секуляризации земли духовенства переходят в состав государственных. И на момент проведения Генерального межевания можно констатировать факт формирования на территории Псковской земли обширного фонда государственных земель.

4. ДВОРЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ XVIII ВЕКА

В современных исследованиях, посвященных помещичьим усадебным владениям, принято выделять типобразующие факторы, к которым относят характеристики социального положения владельцев (мелкопоместные, среднепоместные, крупнопоместные)³²⁸. Сообразно этому в основе анализа дворянского сословия лежит стратификация, которая традиционно основывается на уровне благосостояния дворянских хозяйств³²⁹, зависевшего, прежде всего, от размера земельных угодий и числа крепостных крестьян. Специфика налогообложения XVIII в. определила характер учета показателей для дворянских владений этого периода, которые, в основном представлены числом душ мужского пола.

Придерживаясь общепринятой системы стратификации³³⁰, а также учитывая современный подход к типобразующим факторам, характеризующим дворянские имения, крупными мы будем считать владения от 101 и более д. м. п., средними — от 21 до 100 д. м. п., мелкими — менее 21 д. м. п. Однако мы считаем целесообразным вслед за В. И. Семевским³³¹ дополнительно выделить категорию мельчайших владений (до 10 д. м. п.), поскольку доля таковых на Псковщине была заметной, а положение таких хозяйств могло весьма серьезно отличаться от того, в котором находились владения численностью от 10 до 20 д. м. п. Через уточненную ти-

³²⁸ Летин В. А., Летина Н. Н. Типологические, структурно-функциональные, семантико-символические основания изучения русской усадьбы XVII — начала XX в. // Ярославский педагогический вестник, 2011. Т. I. № 4. (Гуманитарные науки) С. 279–284.

³²⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. С. 82–122.

³³⁰ Шепукова Н. М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 402–419.

³³¹ Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. В 2 т. Т. 2. С. 20.

пологию помещичьих имений становится возможным более пристально проследить стратификацию дворянского сословия.

Стратификация дворянства на 1737 г. в Псковском и Пусторжевском уездах³³² представлена следующим образом: большинство помещиков (68 %), чьи владения не превышали 20 д. м. п., были мелкопоместными, к среднепоместным, за которыми числилось от 21 до 100 д. м. п., можно отнести 29 % дворян, им принадлежало 46 % крестьян. Крупнопоместные собственники составляли всего около 4 %, но за ними числилось 32 % крепостных³³³. Таким образом, около трети владельцам, которых можно обозначить как «средних» в рамках общепринятой системы стратификации, принадлежало около половины всех помещичьих крестьян. Общее число помещиков этих уездов, по сравнению с началом столетия, возросло более чем в 3 раза. Соглашаясь с мнением Я. Е. Водарского, можно говорить о том, что причиной данного явления был естественный прирост населения³³⁴.

Аналогично Псковскому и Пусторжевскому уездам распределились разные категории владельцев и в Великолуцком уезде на 1737 г., где значительная часть учтенных дворян были мелкопоместными. Им принадлежало всего 8 % крепостных. 32 % дворян имели в собственности от 21 до 100 д. м. п. (29 % крестьян). 12 % составляли владельцы, у которых было от 101 до 500 д. м. п. (47 % крепостных) и 1 % помещиков в собственности находилось более 500 д. м. п. (16 % крестьян)³³⁵. Следует отметить, что в Великолуцком уезде большинство помещичьих крестьян было в собственности у крупных владельцев, а соотношение страт разных категорий собственников было немного иным, чем в Пусторжевском и Псковском уездах. Так, доля мелких владельцев относительно средних и крупных помещиков не была столь весома и составляла чуть более половины (54 %).

³³² Дворянство России и его крепостные крестьяне, XVII – первая половина XVIII в. / АН СССР, Ин-т истории СССР; [Сост. Я. Е. Водарский, О. А. Шватченко] М., 1989. С. 96–97.

³³³ Там же. С. 112–113.

³³⁴ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М.: Наука, 1977. С. 66.

³³⁵ Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII — первая половина XVIII в. М., 1989. С. 112–113.

Согласно «Списку помещиков Псковской провинции» за 1749 г.³³⁶ в Псковском уезде в середине XVIII в. был зафиксирован 181 помещик. Упомянутым в списке владельцам принадлежало 451 селение. Чуть более половины учтенных помещиков — 93 человека (51 %) имели лишь одну деревню, что составляло 21 % от общего количества селений. Мелкопоместные владения, в целом, явно преобладали над остальными их типами. На владения в 1–3 деревни приходилось 52 % от всего числа селений (234 деревни). Владельцев «средней руки», имевших от 4 до 8 деревень, было 20 человек (11 % помещиков уезда). Им принадлежало 100 деревень (22 % от общего числа селений). Крупных по масштабам Псковской земли владельцев было 9 человек (5 % помещиков). Им принадлежало от 11 до 77 деревень, всего 117 селений, или 26 %.

Отметим, что владения дворян находились в губах, большинство которых располагались либо на берегах относительно крупных рек (прежде всего, Великой и Псковы с их притоками), либо в непосредственной близости к этим водным объектам. Ряд селений концентрировался по берегу Псковского озера. В жизни крестьян этих мест значительную роль играли промыслы, главным из которых было рыболовство³³⁷.

И. И. Василёв опубликовал «Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г.»³³⁸. Согласно этим данным, стратификацию дворянства в данный период времени можно представить следующим образом: у четверти помещиков (181 человек) насчитывалось не более 10 д. м. п., а доля всех мелкопоместных дворян, т. е. владельцев не более 20 д. м. п. составила 44 % (303 человека). К среднепоместным можно отнести 34 % псковских дворян (235 человек), а к крупнопоместным — 22 % (155 человек). Но именно крупные помещики владели 80 % всех

³³⁶ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 504. Л. 1–63.

³³⁷ Алексеева О. А. Торговля и промыслы на Псковской земле в XVIII в. (1725–1800). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 11.

³³⁸ Василёв И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. // Сборник трудов ПАО за 1896 г. Псков, 1897. С. 18–23.

крепостных, 16 % приходилось на долю среднепоместных и лишь 4 % крестьян было у мелкопоместных собственников.

Таким образом, стратификация псковского дворянства середины XVIII в. отражает тенденцию, наметившуюся в первой половине столетия и выразившуюся в уменьшении доли мелкопоместных дворян и, соответственно, увеличении доли средних и крупнопоместных собственников. В отличие от начала XVIII в., где доля мелкопоместных превышала половину от всех дворян, в середине столетия мелкопоместная часть составила уже 44 %, что может свидетельствовать о повышении уровня благосостояния помещиков. Пропорционально увеличились доли средне- и крупнопоместных дворян.

В последней четверти XVIII в. (по сведениям на 1777 г.) в Псковской провинции насчитывалось 1249 помещиков. Их них 46 человек владели от 500 до 1000 д. м. п. и 14 человек имели в собственности 1000 и более крепостных³³⁹. Ревизские описания последней четверти XVIII в., отложившиеся в фондах ГАПО, позволяют детализировать процессы, происходившие в среде дворянства и их владениях в Псковской губернии на примере Новоржевского и Опочецкого уездов. С 1782 по 1795 гг. в Новоржевском уезде число помещиков увеличилось на 4 человека: появились 5 новых и выбыл 1 прежний владелец. Число помещичьих крестьян возросло на 1147 д. м. п. В среднем на одного владельца в 1782 г. приходилось 73 д. м. п., в 1795 г. — 88 д. м. п. Из дворян Новоржевского уезда в конце XVIII в. только 6 % имели менее 10 д. м. п. (менее 1 % всех крепостных). От 10 до 100 д. м. п. было у 79 % владельцев (30 % д. м. п.), у 15 % помещиков зафиксировано более 100 д.м.п. Им принадлежало почти 70 % д. м. п.³⁴⁰ Следует отметить, что с 1782 по 1795 гг. эти показатели в процентном соотношении практически не изменились.

В период между IV и V ревизиями (1782–1795 гг.) число помещиков в Опочецком уезде увеличилось на 13 человек (прибыло 20 новых и выбыло 7 прежних владельцев). Число помещичьих

³³⁹ Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: (Историко-экономический очерк). М.: Госполитиздат, 1957. С. 14.

³⁴⁰ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 494. Л. 1–391.

крестьян возросло на 108 д. м. п. Средний показатель крестьян на владельца в этом уезде составил в 1782 г. — 45 д. м. п., в 1795 г. — 40 д. м. п. (–5 д. м. п.). В конце XVIII в. 43 % владельцев Опочецкого уезда имели менее 10 д. м. п., а на их долю приходилось 5 % крестьян. От 10 до 100 д. м. п. принадлежало 48 % владельцев (34 % д. м. п.), и 9 % помещиков владели более 100 д. м. п. (61 % д. м. п.). По сравнению с IV ревизией к 1795 г. эти показатели в процентном соотношении практически не изменились.

В двух уездах в последней четверти XVIII в. число помещичьих крестьян увеличилось на 1255 д. м. п. Прирост в Новоржевском уезде в 10 раз превысил показатели по Опочецкому уезду, но средняя обеспеченность на одного владельца по двум уездам на момент V ревизии (1795 г.) составила 128 д. м. п., что не на много отличается от данных IV ревизии³⁴¹. Наряду с увеличением численности крепостных в Новоржевском и Опочецком уездах возрастает и число помещиков — прирост составил 17 человек. При этом данный показатель для Опочецкого уезда в три раза выше, чем по Новоржевскому уезду. Как отмечают Д. А. Черненко и А. Л. Грязнов, прирост числа владельцев характерен для разных регионов империи³⁴², но уровень его различен. Количество владельцев, имевших менее 10 д. м. п. по Опочецкому и Новоржевскому уездам по V ревизии составило 29 % (им принадлежало всего 3 % крестьян). Прирост этой категории собственников с момента предыдущей ревизии (1782 г., IV ревизия) составил 2 %. На долю средних владельцев (от 10 до 100 д. м. п.) приходилось 60 % дворян (в собственности таких помещиков был 31 % крестьян). 11 % помещиков к 1795 г. относились к крупным владельцам (100 и более д. м. п.), им принадлежало 66 % крепостных³⁴³. Примечательно, что у помещиков мужского пола в целом было больше крестьян, чем у помещиц. В Опочецком и Новоржевском

³⁴¹ Выскочков Л. В. Изменения в демографической и внутрисословной структуре деревни // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 186–196.

³⁴² Черненко Д. А., Грязнов А. Л. Семейная и пространственная структура дворянского землевладения в Суздальском уезде в XVII–XVIII вв. // Особенности российского исторического процесса. М., 2009. С. 204–219.

³⁴³ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 504. Л. 1–598; Д. 494. Л. 1–391.

уездах по IV ревизии (1782 г.) только 31 % д. м. п. находились во владении помещиц, а по V ревизии (1795 г.) этот показатель уменьшился на 7 %.

На протяжении XVIII в. численность крестьян, находившихся в собственности псковских помещиков, увеличивается, но прирост д. м. п. к концу столетия замедляется. Растет число самих владельцев, значительная доля которых относилась к мелкопоместным (до 20 д. м. п.). Отметим, что владение всего в 20 душ считалось границей, отделявшей неимущих землевладельцев от хоть сколько-нибудь соответствующих тогдашнему дворянскому «прожиточному минимуму»³⁴⁴.

Выводы, полученные на основании анализа стратификации псковских помещиков, несколько корректируют общероссийские данные, которые приводит И. В. Фаизова. Исследовательница основывается на подсчетах, сделанных еще ее предшественниками, согласно которым на протяжении всего XVIII в. доля лиц, владевших менее чем 20 душами крепостных, составляла более половины от численности всех помещиков в стране (59 %). Мелкопоместная часть собственников среди псковских дворян была заметна, но не столь весома, как по России в целом.

Проблему локализации владений псковских помещиков и фиксации их на карте позволило разрешить обращение к материалам Генерального межевания. Этот вопрос оставался наиболее актуальным потому, что до настоящего времени не существовало картографического материала, где были бы представлены дворянские владения на территории Псковского края. При сопоставлении сведений Экономических примечаний³⁴⁵ с данными геометрических карт Псковской губернии³⁴⁶ и Псковского уезда³⁴⁷ нам удалось выявить помещичьи владения. Таким образом, комплексный анализ материалов Генерального межевания позволил впервые картографировать дворянские села Псковской губернии (всего 98 объектов) в последней четверти XVIII в. Значительная

³⁴⁴ Фаизова И. В. Манифест о вольности и службе дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. С. 45–51.

³⁴⁵ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1166, 1169, 1174, 1179, 1188, 1193, 1197, 1201.

³⁴⁶ Там же. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 4654.

³⁴⁷ Там же. Д. 4711.

их часть располагалась на территории Новоржевского (22 %), Порховского (20 %) и Холмского (19 %) уездов. Примечательно, что в процентном соотношении они распределились практически поровну. Положение сел Порховского и Новоржевского уездов относительно центра губернии — Пскова — можно характеризовать как средней степени удаленности. В близлежащих к Пскову землях Псковского и Островского уездов число дворянских сел наименьшее (по 3 %).

Для территории Псковского уезда удалось картографировать не только села, но и прочие объекты сельской инфраструктуры, такие как сельцо и деревня. На территории уезда в последней четверти XVIII в. было локализовано 2 села, 31 сельцо и 128 деревень, которые достаточно равномерно распределились относительно центра и границ уезда. Необходимо отметить, что в отличие от крупных объектов сельской инфраструктуры, к которым можно отнести село и сельцо, деревни не всегда указывались при описании дач помещиков полным составом, и, соответственно, попадали в итоговые материалы Генерального межевания.

Число деревень, выявленных на карте Псковского уезда, соответствует дачам, по названиям которых они обозначались. Это связано с тем, что в Экономических примечаниях к Генеральному межеванию, указывали какой-то один объект (село, сельцо или деревня), а остальные территориально тяготеющие к нему поселения, составлявшие одну дачу, не отмечались на карте.

На картах проявляется отмеченное выше тяготение значительной части селений к водным объектам, которые, в основном представлены реками. Сопоставление материалов Экономических примечаний с описаниями начала XVIII в. показало, что почти 1/3 отмеченных на карте Псковской губернии сел прослеживается на протяжении всего столетия. Это позволяет сделать вывод о наличии на территории Псковских земель владельческих комплексов (владений, которые, сохраняясь территориально, наследовались в рамках одного рода). В качестве такой пространственной ячейки Д. А. Черненко называет территории, состоящие только из соседних поселений и пустошей. Владельческие комплексы могли носить не только территориальный характер (принадлежать раз-

ным владельцам, сохраняясь территориально), но и передаваться во владении представителями одного рода³⁴⁸. Именно последний тип владельческих комплексов представляет для нас наибольший интерес, т. к. позволяет выявить исторически сложившиеся поместья отдельных дворянских родов в Псковской губернии. Это явление иллюстрирует пример владений дворянского рода Симанских. Ревизские сказки 1719 г. фиксируют с. Загорье Псковского уезда, принадлежавшее И. В. Симанскому³⁴⁹. По ревизии 1762 г. это сельцо с близлежащими деревнями записано уже за Лукой Исааковичем (сыном Исаака Васильевича). Всего в Псковском уезде за Л. И. Симанским числятся: с. Загорье с 18 д. м. п., с. Березино, где записано 5 д. м. п., дер. Клесково с 10 д. м. п., вновь поселенные дер. Загрязь с 3 д. м. п. и Волково с 8 д. м. п. В результате на момент проведения III ревизии помещику принадлежали 44 д. м. п. Во вновь поселенные деревни крестьяне были переведены из с. Загорье, где располагалась усадьба³⁵⁰. К усадьбе Загорье тяготела основная часть прочих владений помещика в Псковском уезде, которые были описаны при проведении Генерального межевания в 80-х годах XVIII в.³⁵¹ Именно это сельцо в качестве постоянного места жительства называет Лука Исаакович в своем обращении 4 октября 1782 г. в совестный суд Псковского наместничества, заседателем которого и являлся³⁵². Таким образом, с. Загорье с округой на протяжении всего XVIII в. не только сохраняется в руках рода Симанских, но и продолжает оставаться родовым гнездом фамилии и местом пребывания его владельцев.

Хозяйственная деятельность дворянства была сосредоточена в их владениях. Под владением мы понимаем земельный участок и располагающиеся на его территории угодья, а также поселения с крестьянами и усадебные комплексы при их наличии.

³⁴⁸ Черненко Д. А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. Вологда: Древности Севера, 2008. С. 207.

³⁴⁹ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 15. Л. 139.

³⁵⁰ Там же. Д. 863. Л. 864–870.

³⁵¹ Там же. Ф. 38. Оп. 1. 6630. Л. 1–7.

³⁵² Там же. Ф. 105. Оп. 2. Д. 142. Л. 153–155.

Уже на начало XVIII в. имеются сведения о числе владельцев. По данным Я. Е. Водарского, в 1700 г. в Псковском и Пусторжевском уездах таковых числилось 490 человек³⁵³. Сведения о владельческих крестьянах Псковского уезда в первой половине XVIII в. сохранились в материалах ревизских описаний. I ревизия (1719 г.) зафиксировала 6017 д. м. п. помещичьих крестьян. Для сравнения следует отметить, что эта же ревизия в уезде учла 5792 д. м. п. — монастырских, 2764 д. м. п. — церковных, 2696 д. м. п. — архиерейских и 2421 д. м. п. — дворцовых крестьян. Таким образом, в первой четверти XVIII в. дворяне владели почти третью от всех крепостных крестьян уезда³⁵⁴.

По данным В.М. Кабузана, в 1719–1721 гг. в Псковской провинции, которая включала часть территории будущей Псковской губернии, было учтено 42,5 тыс. д. м. п. помещичьих крестьян³⁵⁵, а на территории всей будущей Псковской губернии насчитывалось 86,4 тыс. д. м. п.³⁵⁶

В 1737 г. в Псковском и Пусторжевском уездах было зафиксировано 1524 владельца и 40947 д. м. п. принадлежавших им крестьян³⁵⁷. В Великолуцком уезде в это же время насчитывался 881 помещик и 44831 д. м. п. принадлежащих им крепостных³⁵⁸.

По II ревизии (1744 г.) на территории Псковского края было учтено 128,1 тыс. д. м. п. помещичьих крестьян³⁵⁹ (по В. М. Кабузану, 128070 душ³⁶⁰). Для Псковской провинции этот показатель

³⁵³ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века: численность, сословно-классовый состав, размещение. М.: Наука, 1977. С. 64–223.

³⁵⁴ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 387. Л. 1549.

³⁵⁵ Кабузан В. М. Крепостное население России в XVIII — 50-х гг. XIX в.: численность, размещение, этнический состав. М.: Наука, 1992. С. 19.

³⁵⁶ Анисимов Е. В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 158–177.

³⁵⁷ Дворянство России и его крепостные крестьяне, XVII – первая половина XVIII в. / АН СССР, Ин-т истории СССР; [Сост. Я. Е. Водарский, О. А. Шватченко]. М., 1989. С. 96–97.

³⁵⁸ Там же. С. 112–113.

³⁵⁹ Анисимов Е. В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 158–177.

³⁶⁰ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в.: (По материалам ревизий) / АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1971. С. 73–74.

составил 73,7 тыс. д. м. п.³⁶¹ В Псковском уезде насчитывалось 8850 д. м. п. помещичьих крестьян. Монастырских крестьян в это время было 7614 д. м. п., церковных — 4138 д. м. п., архиерейских — 3768 д. м. п. и 3695 д. м. п. — двorcовых³⁶².

Общая структура крепостных крестьян уезда и их процентное соотношение за первую половину столетия практически не изменились. Чуть больше стал разрыв между монастырскими и помещичьими. Последние составили почти 32 %. Динамика численности помещичьих крестьян в Псковском уезде, в сравнении с данными для территории будущей Псковской губернии была следующая: прирост в уезде составил 47 %, что практически совпадает с данными для территории будущей губернии (48 %).

По данным И. И. Василёва, в 1756 г. на территории Псковской провинции, в состав которой входили 7 уездов, было зафиксировано 693 владельца, которым принадлежало 72745 д. м. п. Среди наиболее значимых по экономическому благосостоянию владельцев были такие помещики как А. Д. Татищев, которому на территории Псковской провинции принадлежало 1767 д. м. п., М. И. Дубровский (1751 д. м. п.), С. Л. Дубровский (1393 д. м. п.), Б. А. Лихарев (920 д. м. п.), Д. С. Еремеева (952 д. м. п.). Самым крупным светским феодалом провинции в середине XVIII в. был С. П. Ягужинский. По данным И. И. Василёва, на 1756 г. в Псковском крае за ним числилось 5096 д. м. п.³⁶³ Затем число его крестьян увеличивается, и на 1761 г. управитель Велейской вотчины графа в Опочецком уезде Л. А. Травин фиксирует в этом владении уже 6140 д. м. п.³⁶⁴

Частично сохранившиеся материалы ревизских описаний (III ревизия — 1762 г.) позволяют определить размеры отдельных владений дворян Новоржевского уезда второй половины XVIII в. Среди крупных помещиков значатся Е. А. Щербинин с

³⁶¹ Кабузан В.М. Крепостное население России в XVIII — 50-х гг. XIX в.: численность, размещение, этнический состав. М.: Наука, 1992. С. 19.

³⁶² ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 387. Л. 735.

³⁶³ Василёв И.И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. С. 18–23.

³⁶⁴ Летопись земли Псковской: годы и события [авт.-сост.: И. О. Колосова и др.]. Псков: Псковский гос. пед. ун-т им. С. М. Кирова, 2007. С. 227.

1032 д. м. п., А. И. Чихачев — 946 д. м. п. Фиксируются и случаи длительных семейных совладений. Так, Николай Семенович и Михаил Семенович Чихачевы имели в общей собственности 607 д. м. п. Их совладение продолжает сохраняться до конца XVIII в., что можно проследить по материалам IV и V ревизий. Сведения III ревизии сохранили информацию о 31 дворянской фамилии уезда. В последующих описаниях удастся проследить только 14 из них. Это дворяне Бибиковы, Бороздины, Бухвостовы, Дубровины, Елагины, Карамышевы, Княжнины, Кокошкины, Ладыженские, Нелединские, Окуневы, Трофимовы, Чихачевы, Яхонтовы³⁶⁵. Таким образом, на территории Псковского края происходят процессы, отражающие упадок и исчезновение отдельных дворянских родов, а также появления новых фамилий. Аналогичные явления отмечает Д. А. Черненко для центральной части территории империи³⁶⁶.

III ревизия (1762 г.) зафиксировала на территории будущей Псковской губернии 183,9 тыс. д. м. п. помещичьих крестьян³⁶⁷ (183893 д. м. п. по В. М. Кабузану), что составило 75 % ко всему населению и 77 % ко всем крестьянам³⁶⁸. За период между II и III ревизиями число помещичьих крестьян на Псковщине увеличилось на 44 % (55,8 тыс. д. м. п.), что на 4 % меньше по сравнению с периодом между I и II ревизиями.

Согласно «Ведомостям подушного сбора с лиц мужского пола по Псковской провинции» за 1764 г., на территории провинции насчитывалось 88164 д. м. п. помещичьих крестьян, из них в Псковском уезде было 10824 д. м. п., в Островском — 16516 д. м. п., в Пусторжевском — 16523 д. м. п., и 19411 д. м. п. — в Опочецком³⁶⁹.

³⁶⁵ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 91. Л. 1527; Д. 92. Л. 1151.

³⁶⁶ Черненко Д. А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. Вологда: Древности Севера, 2008. С. 207.

³⁶⁷ Анисимов Е. В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 158–177.

³⁶⁸ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в.: (По материалам ревизий) / АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1971. С. 84–85.

³⁶⁹ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 955. Л. 42.

По мнению Е. В. Анисимова, большой и быстрый, т. е. явно механический, прирост владельческого крестьянства региона был следствием земельной политики феодалов, стремившихся использовать наиболее благоприятные земледельческие условия территории Псковской губернии для получения более высокой ренты, в связи с чем и производился перевод крестьян из других районов³⁷⁰. Прирост помещичьих крестьян в первой половине — середине XVIII в. дает возможность говорить о устойчиво благоприятном экономическом положении псковского дворянства. Во второй половине XVIII в. помещичье землевладение продолжает расширяться, в том числе и за счет новых пожалований. Так, в 1762 г. шлиссельбургскому коменданту М. Д. Вындомскому было передано имение Тригорское с 3 тыс. душ крепостных³⁷¹.

Сохранились сведения об организации хозяйства в псковских вотчинах М. Апраксина. Для торговых операций в Петербургском порту помещик потребовал в начале 1770-х гг. в порядке дополнительного обложения у каждого из 22 зажиточных крестьян своей порховской вотчины по 100–150 пудов льна, а у одного из них — до 600 пудов (на 900 руб.)³⁷². В 1775 г. он перевел крестьян с денежного оброка на натуральную и отработочную ренту. Помимо льна, крепостные графа должны были предоставить людей в Петербург (для обработки сданного ими продукта). С крестьян он также взимал пеньку. При этом сами крестьяне вынуждены были покупать лен из третьих рук, на местном рынке, из-за отсутствия его в достаточном количестве в личном хозяйстве. На рынке им приходилось также приобретать рогожи для упаковки льна. Примечательно, что в хозяйстве помещика предусматривалась замена рабочей силы за соответствующую денежную плату, исчисляемую по ценам найма «работного человека» в Петербурге. Крестьяне считали, что в переводе на деньги их повинности доходили до 31 р. 46 коп. с души. По мнению Л. С. Рубинштейна, это была скрытая форма денежной ренты³⁷³.

³⁷⁰ Анисимов Е. В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 158–177.

³⁷¹ Новиков Н. С. «...Русский барин — и винокур, и хлебосол» // Михайловская пушкиниана, 2007. Вып. 44. С. 83–90.

³⁷² Рубинштейн Л. С. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: Историко-экономический очерк. Москва: Госполитиздат, 1957. С. 276.

³⁷³ Там же. С. 91–99.

В 1777 г. у помещиков Псковской губернии насчитывалось 199052 д. м. п.,³⁷⁴ т. е. за 15 лет количество крестьян выросло на 8 % (15,6 тыс. д. м. п.).

По IV ревизии (1782 г.) на территории губернии уже было 201672 д.м.п. помещичьих крестьян, при этом крупным владельцам (13 %) принадлежало 67 % д. м. п.³⁷⁵ В. М. Кабузан приводит чуть большие цифры, чем Д. Лазарев — 208008 душ помещичьих крестьян. Согласно данным В. М. Кабузана, на тот момент времени помещичьи крестьяне составляли 71 % ко всему населению и 75 % ко всем крестьянам Псковщины³⁷⁶. По подсчетам Ю. В. Готье, в Псковской губернии по IV ревизии доля крепостных по отношению ко всему крестьянскому населению составляла 72 %, в то время как в Новгородской — 55 %, а Тверской — 64 %³⁷⁷. Таким образом, несмотря на разницу в цифрах, сведения о числе помещичьих крестьян в их процентном соотношении с другими категориями населения у разных исследователей в целом коррелируют друг с другом.

Крупных владельцев (более 1000 крепостных) в Псковской губернии в последней четверти XVIII в. было меньше, чем в Петербургской. Среди них — К. Разумовский, имения которого позже перешли к А. Д. Ланскому (более 10 тыс. душ), граф С. П. Ягужинский с 6 тыс. душ, несколько тысяч крестьян принадлежало Матвею и Михаилу Апраксиным, около 1,5 тыс. — порховскому помещику А. О. Кожину. Наследники А. П. Ганнибала получили более 800 душ³⁷⁸. Крупные феодалы были представителями фамилий общероссийского масштаба и по своему статусу значительно отличались от основной массы провинциальных дворян, владевших 10–100 д. м. п.

³⁷⁴ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

³⁷⁵ Псковское наместничество. С. 2.

³⁷⁶ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в.: (По материалам ревизий) / АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1971. С. 96–97.

³⁷⁷ Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад: тип. И.И. Иванова, 1915. С. 139.

³⁷⁸ Высочков Л. В. Изменения в демографической и внутрисословной структуре деревни // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 186–196.

Семейные владения фиксируются во всех уездах. По данным V ревизии, в Новоржевском уезде у двух представителей семьи Чихачевых во владении было 875 д. м. п.; двум помещикам семьи Бороздиных принадлежали 299 д. м. п.; у четырех представителей рода Яхонтовых зафиксировано 97 д. м. п.; у трех помещиков семьи Бибиковых — 65 д. м. п., за четырьмя помещиками семьи Дубровиных записано 32 д. м. п. Кроме того, у Дубровиных было 60 д. м. п. в Опочецком уезде³⁷⁹. По данным той же ревизии, в Опочецком уезде три представителя рода Голенищевых-Кутузовых имели 370 д. м. п.; четверем дворянам Елагиным принадлежали 122 д. м. п.; у девяти помещиков Затеплинских было 112 д. м. п.; пять помещиков рода Зубатовых владели 69 д. м. п.

Необходимо отметить дворян, не относящихся к вышеназванным фамилиям, но имевшим значительное число крепостных. Так, в Новоржевском уезде в 1795 г. А. И. Мартвянову принадлежало 255 д. м. п.³⁸⁰, М. И. Кокошкину — 286 д. м. п.³⁸¹ В Опочецком уезде в этот период за А. Г. Корсаковой числилось 807 д. м. п., Р. А. Кошелев владел 419 д. м. п., что на 39 д. м. п. больше, чем у него же в 1782 г. За П. П. Карауловым было записано 179 д. м. п., что на 30 д. м. п. превысило показатели VI ревизии³⁸².

Дворяне старались по возможности концентрировать своих крепостных в одном имении, что могло приводить к полному выводу крестьян из мелких владений. В имении М. С. Бороздина, расположенном в Новоржевском уезде и состоявшем из одной деревни, на момент IV ревизии проживало 15 д. м. п. и 14 д. ж. п. После смерти 4 д. м. п. и 3 д. ж. п. остальные крестьяне были переведены в его же владение в Опочецком уезде³⁸³. Так проявлялась хозяйственная стратегия помещика. Пополнение крепостных происходило в основном за счет естественного прироста (в ревизские сказки дети записывались с полугода)³⁸⁴, однако следует отметить и высокую смертность крестьянских детей³⁸⁵.

³⁷⁹ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 504. Л. 1–598.

³⁸⁰ Там же. Д. 494. Л. 301.

³⁸¹ Там же. Л. 519.

³⁸² Там же. Д. 504. Л. 234–536.

³⁸³ Там же. Д. 494. Л. 484–519.

³⁸⁴ Там же. Д. 504. Л. 497.

³⁸⁵ Там же. Д. 494. Л. 485.

Для 80-х гг. XVIII в. сохранились сведения о числе помещичьих крестьян Порховского уезда. В 1784 г. в нем насчитывалось 33094 д. м. п. и 34118 д. ж. п.³⁸⁶

По данным V ревизии (1795 г.), на территории Псковской губернии было зафиксировано 211 516 д. м. п. помещичьих крестьян. За период между III и V ревизиями (1762 и 1795 гг.) число крепостных увеличилось на 16 %, или, в абсолютных значениях, на 28 516 д. м. п. Следовательно, во второй половине XVIII в. происходит снижение темпов роста владельческих крестьян. По мнению Л. В. Выскочкова, в Псковской губернии к концу столетия был достигнут максимально возможный уровень сельскохозяйственного освоения территории — 44 поселения на 100 кв. км. По плотности населения губерния почти в три раза превышала показатели Новгородской³⁸⁷.

Дворянские семьи старались по возможности расширять свои владения, в том числе и за счет покупки. Так, за М. И. Голенищевым-Кутузовым в 1741 г. числились дворовые люди в с. Федоровском, крестьяне в с. Петровском, деревнях Игнатово, Кнышева, Суботкина, Малофеева, Труфаново, Пещевицы, Мысково, Лутово, Дарня, Горки, Павлово Пусторжевского уезда. По наследству эти владения были переданы сыну — И. М. Голенищеву-Кутузову. В 1769 г. у него уже были земли не только в Пусторжевском, но и в Великолуцком уезде. В 1779 г. за этим помещиком в Опочецком уезде значатся с. Ступино и деревни Бабеево, Подъельна, Скарехново, Федорково, Васкова и Варыгина с 275 крепостными крестьянами³⁸⁸.

Одной из причин роста числа частновладельческих крестьян стала раздача дворцовых владений, что было характерно не только для Псковского края. Так, к моменту проведения II ревизии в Олонецкой губернии из 19,4 тыс. дворцовых крестьян не осталось ни одного человека³⁸⁹. Таким образом, на территории

³⁸⁶ Некоторые сведения о Порховском крае. «Псковский городской листок». 1887 г. № 33 // Порхов и его уезд: Сборник дореволюционных публикаций. Псков, 2005. С. 418–421.

³⁸⁷ Выскочков Л. В. Изменения в демографической и внутрисословной структуре деревни. С. 186–196.

³⁸⁸ Макеенко Л. Н. Род Голенищевых-Кутузовых // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...». М., 2006. С. 108–111.

³⁸⁹ Анисимов Е. В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запа-

Псковщины так же, как и в других регионах, отразился процесс перераспределения собственности путем пожалований и конфискаций. Согласно Е. И. Индовой, основная масса земель была роздана в три этапа: в 1700–1715, 1728–1732 и 1742–1744 гг.³⁹⁰ Одним из владельцев бывших дворцовых земель в Луцком (Великолукском) уезде стал А. Д. Меншиков. Дворцовая Вязовская волость была передана А. Д. Меншикову в 1714 г. взамен конфискованных у него земель в Ингерманландии³⁹¹. Несмотря на то что Вязовская волость оказалась затронута эпидемией, к 1719 г. в ней А. Д. Меншикову принадлежал 341 крестьянский двор (966 д. м. п.), которые платили денежный оброк (свыше 1 тыс. рублей) и 155 четвертей ржи и ячменя. На этих полях крестьяне отрабатывали барщину. В октябре 1727 г. Вязовская волость была конфискована и вновь стала дворцовой³⁹².

В 1742 г. Елизавета Петровна подарила воспитаннику и сподвижнику Петра I А. П. Ганнибалу имение на северном берегу озера Кучане³⁹³. В состав ганнибаловых владений вошла 41 деревня с 569 д. м. п. В 1781 г. после смерти А. П. Ганнибала эти обширные земли были разделены между тремя его сыновьями. Сельцо Михайловское составило наследство О. А. Ганнибала³⁹⁴.

Проследить судьбу пожалованных владений на протяжении всего XVIII в. можно на примере Велейской вотчины Опочецкого уезда. В 1711 г. она была передана И. П. Ягужинскому, от которо-

да России. СПб., 1994. С. 158–177.

³⁹⁰ Индова Е. И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 272–292; она же. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. Москва: Наука, 1964. С. 65.

³⁹¹ Кроме Вязовской, в Великолукском уезде А. Д. Меншикову были отданы владения в Спасской и Никольской волостях (см.: Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. С. 58–63).

³⁹² Аракчеев В. А. Хозяйственное положение вотчин Меншикова в первой четверти XVIII в. // Петр Великий и его время. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 290-летию Полтавской победы. СПб., 1999. С. 13–18.

³⁹³ Выскочков Л. В. Изменения в демографической и внутрисословной структуре деревни // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 186–196.

³⁹⁴ Низовский А. Ю. Самые знаменитые усадьбы России. М.: Вече, 2003. С. 220.

го перешла к его жене, бывшей вторым браком за Бестужевым. В 1743 г. Велейская вотчина А. Бестужевой в составе 268 деревень с 1049 дворами и 8074 крестьянами конфискована. После конфискации владение вновь стало дворцовым. Но уже в 1744 г. Елизавета Петровна жалует имение сыну И. П. Ягужинского. Далее имение принадлежало князю А. Д. Ланскому, Г. А. Потемкину, снова А. Д. Ланскому, затем князю Куракину и в конце столетия, при Павле I, было взято в удельное ведомство³⁹⁵.

Для учета земель, отошедших к государю в результате конфискаций, было организовано специальное учреждение Канцелярия Конфискаций³⁹⁶. Материалы конфискаций позволяют изучить хозяйственные особенности владений. Среди изъятых владений сохранилось описание земель И. Б. Зеленого. К 1719 г. в его владениях в Холмском уезде в с. Ратное находились барские хоромы и хозяйственные постройки: два хлева, лошадиный двор, сеница, «двор роговой и мелкой скотины» и т. д. В этом сельце числилось 12 крепостных (5 д. м. п. и 7 д. ж. п.). По свидетельству дворового человека Ивана Васильева, с этого поместья «денежных и хлебных доходов никаких не было». В деревнях Ивановщина, Плотки, Затегальникова и Подсадьа у помещика было еще 5 дворов с 36 душами крепостных (18 д. м. п. и 18 д. ж. п.). Также за И. Б. Зеленым числились пустошь Кирилиха и д. Июдина, которая «пуста и хоромное строение погнило»³⁹⁷.

Я. И. Лопухину до конфискации, произошедшей в 1719 г., принадлежали земли в Великолукском уезде. В с. Анненском располагался двор помещика с хозяйственными постройками. Там же зафиксировано 13 крепостных (5 д. м. п. и 8 д. ж. п.), один дворовый находился в бегах. В деревнях Шубина и Малое Шубина было еще 10 д. м. п. и 10 д. ж. п. Помещику принадлежа-

³⁹⁵ Сивков К. В. Из истории крестьянских восстаний в XVIII в. (Восстание 1744 г. в Псковской провинции) // Известия Тверского педагогического университета. 1926. Вып. 2. С. 76–94; Колотилова С. И. Псковский край в XVIII в. // Псковский край в истории СССР. Л., 1970. С. 56–62.

³⁹⁶ Индова Е. И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 272–292.

³⁹⁷ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. С. 344–346.

ли и пустоши (бывшие деревни Семяги, Крестова и Рогатка). В с. Высокое располагалась господская усадьба с хозяйственными постройками. Здесь же жили двое дворовых и 42 крестьянина (19 д. м. п. и 23 д. ж. п.). За Я. И. Лопухиным были и деревни Лошадеи, Батова и Калмыкова³⁹⁸. Представители родов Лопухиных и Зеленых появились в Псковском крае задолго до XVIII в.³⁹⁹ Лопухины не относились к самым знатым родам России, но этот род был близок к Петру I, поскольку состоял с ним в родстве после брака между Петром I и Евдокией Лопухиной, вследствие чего и входил в число двух десятков крупнейших душевладельцев. В 1719 г., в период отписки вотчины, за Я. И. Лопухиным, кроме владений, записанных в отписных книгах, были земли «во Псковском уезде, в Завелицкой засаде, в д. Токареве 57 чети»⁴⁰⁰.

В Холмском уезде (деревни Сергеева и Докучаева) находились владения В. У. Огарева. По данным за 1719 г., селения здесь были «пусты и хором нет», а пашни имелось «6 четвертей в поле»⁴⁰¹. Сведения о состоянии хозяйства известны и для владения Я. С. Лаврова. Помещику принадлежало с. Олохово Великолуцкого уезда. По данным за 1763 г., «в усадьбе стояли помещицкие хоромы», баня, 2 конюшни и 3 амбара. В сарае хранились «обитые кожей коляска и кибитка зимняя». К усадьбе примыкали три сада. В имении было 9 крестьянских дворов с 24 д. м. п.⁴⁰²

В первой половине XVIII в. шло активное хозяйственное освоение территорий, которыми владели дворяне, что отражалось

³⁹⁸ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. С. 170–171.

³⁹⁹ Псковский биографический словарь / М-во образования Рос. Федерации. Псков. гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова; [Редсовет: Пред.: В. Н. Лешиков и др.]. Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 2002. С. 195; Котов В. В. Холм на Ловати и его земля. Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 2000. С. 284.

⁴⁰⁰ Я. И. Лопухин являлся внучатым племянником царицы Евдокии Федоровны, комиссаром Ревеля. Его вотчины были конфискованы за ложные подряды (см.: Индова Е. И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 272–292).

⁴⁰¹ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. С. 344.

⁴⁰² Тихонов Ю. А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII–XVIII вв.: сосуществование и противостояние. М.: Летний сад, 2005. С. 318.

в появлении на месте бывших пустошей как деревень, так и сел; значительное число деревень числятся как «вновь поселенные», а также превращаются в села. Встречаются указания на помещиков, которые непосредственно проживали в своих сельских владениях.

Среди крупных владельцев Псковской земли был такой известный государственный деятель, как А. Г. Разумовский, у которого в Псковском уезде было 77 деревень. Всего же по данным 1756 г. на территории Псковского края ему принадлежало 7704 д. м. п.⁴⁰³ К категории крупных владельцев можно отнести ряд семей псковских дворян, которые имели поместья в Псковском уезде на протяжении длительного времени. Так, у П. М. Сумороцкова было 14 деревень⁴⁰⁴. Всего же в 1756 г. за ним числились 755 д. м. п.⁴⁰⁵ К. К. Коновницына владела 12 деревнями. Семья Коновницыных принадлежала к древнему аристократическому роду⁴⁰⁶.

Владения помещиц второй половины XVIII в. можно проиллюстрировать на примере великолукского имения вдовы П. Н. Тыртова, которое в августе 1763 г. описали за неплатеж в размере 370 руб. Оброк в этом владении взимался в размере 5 руб. с двора. В дер. Боровково зафиксировано 1500 снопов ржи, в половине дер. Семерново — 90 снопов. В описании отмечены сведения о дворовых постройках, а также поголовье скота и птицы. Также за долги было описано торопецкое имение вдовы лейб-кампании гренадера С. В. Титова. Помимо усадьбы и дворовых построек, упоминаются продовольственные запасы, а также скот и птица. Отмечено, что на месячине было 20 дворовых людей. Всего в че-

⁴⁰³ Василёв И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. С. 18–23.

⁴⁰⁴ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

⁴⁰⁵ Василёв И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. С. 18–23.

⁴⁰⁶ Владения Коновницыных во второй половине XVIII в. были не только в Псковской, но и в Харьковской и Петербургской губерниях, а также в Крыму. Основным же местом их пребывания стали святогорские Поляны и гдовское Ярово, которое стало родовым гнездом Коновницыных. Наиболее известным представителем рода был Петр Петрович Коновницын — генерал-поручик, видный сановник, близкий к императрице, столичный губернатор, генерал-губернатор Архангельский и Олонекский (см.: Иванов Е. П. Генерал Петр Петрович Коновницын. Псков, 2002. С. 48).

тырех деревнях насчитывалось 5 крестьянских дворов (32 д. м. п. и 29 д. ж. п.). Имение было оценено в 895 руб. 90 коп.⁴⁰⁷

В своих усадьбах помещики могли организовать настоящие предприятия. Так, в 1784 г. в Порховском уезде были две фабрики (чулочная и парусинная) и два завода (винный и стеклянный), принадлежавшие помещице Бороздиной. Парусинная фабрика и винный завод принадлежали полковнику Кожину, прочие винные заводы — Щербинину, Корсакову и Мещерскому⁴⁰⁸. С конца XVIII в. с. Хряпьево стало имением Н. И. Дерюгина, где он организовал винокуренный завод, сыроваренное и кирпичное производство. В конце XVIII в. владельцем села Хилова был М. А. Лодыженский. При нем в 1799 г. в селе имелся конный завод на 24 лошади и винокуренный завод на 90 ведер в год⁴⁰⁹. По мнению Н. Л. Рубинштейна, отставание в области сельского хозяйства помещик стремился компенсировать развитием разного рода промышленного предпринимательства, опирающегося на даровой крепостной труд. Он также считал, что определенную роль для помещичьего хозяйства Псковской губернии играли и торговые связи губернии с Петербургским и балтийскими портами, а также судоходство по р. Великой. В псковском вывозе участвовали в первую очередь продукты сельского хозяйства — пенька и лен; крупнейшим предметом сбыта были строевой лес и дрова⁴¹⁰.

О роли торговли льном свидетельствует тот факт, что опочецкий помещик, надворный советник И. Елагин был оптовым торговцем этим продуктом. Лен он скупал и перепродавал английским купцам. Об этом в марте 1764 г. стало известно по доносу опочецкого купца С. Барышникова, который сообщил в Опочецкую ратушу, что крестьянин вотчины Святогорского монастыря деревни Комкино А. Федоров занимается недозволенной торговлей льном и пенькой. На следствии А. Федоров объяснил, что скупленный лен

⁴⁰⁷ Тихонов Ю. А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII–XVIII вв.: сосуществование и противостояние. М.: Летний сад, 2005. С. 319–326.

⁴⁰⁸ Некоторые сведения о Порховском крае. «Псковский городской листок». 1887 г. № 33 // Порхов и его уезд: Сборник дореволюционных публикаций. Псков, 2005. С. 418–421.

⁴⁰⁹ Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. Великие Луки: Изд-во Сергея Маркелова, 2011. С. 272.

⁴¹⁰ Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: Историко-экономический очерк. Москва: Госполитиздат, 1957. С. 116–201.

он продавал надворному советнику И. Елагину. Помещик, по свидетельству крестьянина, поручил закупить льна на сумму 100 руб.⁴¹¹

Описания дач помещиков Псковской губернии, проведенные в 80-е гг. XVIII в. в рамках Генерального межевания, позволяют охарактеризовать владения дворян. Следует отметить, что такие материалы Генерального межевания, как межевые книги и планы дач, частично сохранились в местных архивах, что дало возможность сопоставить данные этих документов, отложившихся в ГАПО, с полными данными для Псковского уезда по Генеральному межеванию из РГАДА. Проведенный анализ свидетельствует о репрезентативности материалов, хранящихся в ГАПО. Всего в Псковском уезде было описано 1038 дач, принадлежавших 275 помещикам⁴¹². Из них чуть более половины владельцев — 156 человек (57 %) — мужчины и 119 человек (43 %) — женщины, значительная часть последних — вдовы. Более трети дворян (37 %) имели в уезде только одну дачу. Это могло компенсироваться наличием владений в других уездах Псковской губернии. Так, у А. Л. Симанского помимо деревни Семенковой (Семенковой или Горки) с пустошью Юдино Псковского уезда⁴¹³ было еще две дачи в Островском уезде (пустошь Сидоркова, а также деревни Федоровская и Решотова с пустошью Кабылкиной) в совладении с А. Л. Шишковой⁴¹⁴. Самые большие владения по числу дач в уезде принадлежали С. Г. Карамышеву — 37 дач и Е. А. Щербинину — 31 дача⁴¹⁵. Почти четверть владений Псковского уезда находилась в совместной собственности, 1/5 из них — в семейном совладении⁴¹⁶. У некоторых дворянских родов было сразу несколько дач в уезде. Так, дворянам Валуевым принадлежало 18 дач, из которых 13 дач было записано за Степаном Миронови-

⁴¹¹ Клокман Ю. Р. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 85–86.

⁴¹² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1193. Л. 1–317.

⁴¹³ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 436. Л. 1–8.

⁴¹⁴ Там же. Д. 291, 304; Оп. 3. Д. 39; Оп. 4. Д. 21.

⁴¹⁵ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1193. Л. 1–317.

⁴¹⁶ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 26, 27, 48, 49, 51, 52, 59, 64, 65, 67, 69, 71, 77, 86, 88, 89, 317, 368, 370, 373, 381а, 390а, 391, 401, 402, 405, 407, 412, 413, 4266, 428, 432, 441, 452, 455; Оп. 3. Д. 43–45, 47, 48.

чем, 4 дачи находились в совладении у Алексея и Петра Степановичей, за которыми, кроме того, была записана еще одна дача⁴¹⁷. В большинстве же совместных владений собственниками выступали дворяне, не являвшиеся родственниками.

Описанные дачи значительно отличались по составу поселений. В их описании упоминается: село, сельцо (с деревнями или пустошами), деревни, деревни с пустошами и пустоши. Около половины всех изученных дач Псковского уезда фиксируют только деревни, 33 % — только пустоши и 14 % — сельцо⁴¹⁸. Особо следует выделить дачи, в которых упомянуто сельцо, поскольку именно сельцом называли место жительства дворянина — его усадьбу. Если при описании дачи упоминалась только деревня, то можно говорить об отсутствии господского дома и соответственно барской запашки в данном владении. Это позволило нам определить, сколько десятин пашни приходилось на одного крестьянина мужского пола в таком владении. В деревне Снопово, принадлежавшей надворному советнику П. А. Кармолину, из 217 дес. и 1200 саж. на удобные земли приходилось 99 %: лес дровяной — 63 %, пашня — 29 %, сенной покос — 7 %, территория под поселением и огородами — 0,1 %. В этой деревне по IV ревизии (1782 г.) было записано 7 д. м. п. и 11 д. ж. п. К 1786 г. число крепостных составляло 9 д. м. п. и 10 д. ж. п.⁴¹⁹ На одного крестьянина мужского пола приходилось почти 7 дес. пашни (средняя запашка по Нечерноземному району в 3,5 дес. на д. м. п.)⁴²⁰. Таким образом, обеспеченность крестьян землей здесь была достаточно высокой. В дер. Кикишево (владелец — помещик В. С. Плещеев)⁴²¹ из 124 дес. 1 009 саж. удобной земли было

⁴¹⁷ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1193. Л. 1–317.

⁴¹⁸ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 26, 27, 48, 49, 51, 52, 59, 64, 65, 67, 69, 71, 77, 86, 88, 89, 317, 368, 370, 373, 381а, 390а, 391, 401, 402, 405, 407, 412, 413, 4266, 428, 432, 441, 452, 455; Оп. 3. Д. 43–45, 47, 48.

⁴¹⁹ Там же. Д. 317. Л. 1–11.

⁴²⁰ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 386.

⁴²¹ В словаре И. И. Василёва — д. Кикишево (Славковская волость) в 52 верстах от Пскова. В конце XIX в. здесь насчитывалось шесть дворов (Василёв И. И. Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии. С. 297).

97 %, почти половину которой (49 %) занимал лес; пашня составляла 35 %, сеной покос — 12 %, и 1 % находился под поселением и огородами. В этой деревне по IV ревизии (1782 г.) было зафиксировано 12 д. м. п. и 14 д. ж. п.; эти цифры не изменились и к 1784 г.⁴²². На одного крестьянина мужского пола приходилось почти 3,6 дес. пашни, что соответствует средним показателям по Северо-Западу России. К. И. Оперману принадлежали деревни Манцово, Малышево, Загорицы, Котелявицы с 144 дворами общей площадью (с прилегающими угодьями) 1926 дес. 2223 саж. Из них удобной земли у помещика было 97 %: лес дровяной — 30 %, пашня — 57 %, сеной покос — 2 % и под поселением и огородами — 8 %. По III ревизии в данном владении числилось 383 д. м. п. и 366 д. ж. п., и к 1781 г. число крепостных составило 403 д. м. п. и 379 д. ж. п.⁴²³ На одного крестьянина мужского пола приходилось 2,7 дес. пашни, что было значительно ниже средних показателей обеспеченности. Площадь хозяйственных угодий в дер. Мецля (М. А. Волкова) составляла 38 дес. 1778 саж. Из них удобная земля занимала 99 %: 54 % — пашня, 37 % — сеной покос, 8 % — под поселением и огородами. За помещицей по IV ревизии (1782 г.) записаны 38 д.м.п., столько же было и в 1786 г.⁴²⁴ На 1 д. м. п. в ее владении приходилось всего 0,5 дес. пашни, которых безусловно не хватало для ведения хозяйства. По мнению И. Е. Индовой, надел даже в 2 дес. на 1 д. м. п. не мог прокормить крестьянина⁴²⁵.

Около половины дач Порховского уезда — это деревни; столько же записаны как сельцо и 17 % — пустоши. Почти половина владений находились в совместной собственности, 1/4 из которых — у родственников⁴²⁶. Так, дер. Большое Заречье с пустошами находилась во владении И. И. Крекшина и М. М. Савинковой⁴²⁷. Е. Л. Васильчиковой принадлежала дер. Быстерская, где по

⁴²² ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 391. Л. 1–12.

⁴²³ Там же. Д. 405. Л. 1–20.

⁴²⁴ Там же. Д. 407. Л. 1–7.

⁴²⁵ Индова Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX в. Москва: Изд-во Акад. Наук СССР, 1955. С. 123.

⁴²⁶ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 321, 324, 326, 327, 329, 331, 332, 335, 339, 342, 343а, 344, 344а, 346, 348–350, 352, 354, 355а, 356, 357; Оп. 3. Д. 41, 42.

⁴²⁷ Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 41. Л. 1.

V ревизии (1795 г.) числилось 7 крестьянских дворов с 24 д. м. п. Из 132,9 дес. земли удобной было 96 %. Из них пашня составляла 50 %, лес — 45 % и 1 % был отведен под жилые и хозяйственные постройки и огороды. На одного крестьянина мужского пола в этом владении было 2,8 дес. пашни⁴²⁸.

Половина дач Опочецкого уезда включают только деревни, 17 % — только пустоши и 33 % — только сельцо⁴²⁹. Сразу несколько деревень находилось в совладении у К. Н. Расихина и А. Ф. Клокачева. Общая площадь этих земель составила 7 240,8 дес., из которых на удобные земли приходилось 95 %: лес — 85 %, пашня — 9 %, сеной покос — 0,9 % и 0,1 % — под поселением и огородами⁴³⁰. У. Е. Ганнибал, О. И. и И. З. Яхонтовым принадлежала дер. Бахирева с прочими, общей площадью 1 230,9 дес., где удобные земли составляли 81 %, в том числе: пашня — 5 %, лес — 74 %, сеной покос — 1 % и на поселение приходился 1 %. По V ревизии в этой деревне был 41 крепостной крестьянин. На 1 д. м. п. приходилось 2,2 дес. пашни⁴³¹.

В Великолукском уезде 33 % учтенных дач записаны как деревни, почти половина — пустоши, 14 % — сельцо⁴³². Две дачи находились во владении П. С. Лаврова. Это были пустошь Олухова общей площадью 26,6 дес.⁴³³ и дер. Гушино площадью 196 дес., где по V ревизии было записано 15 крестьянских дворов с 52 д. м. п. Удобные земли здесь составляли 90 %: пашня — 88 %, сеной покос — 1,5 % и 0,5 % дес. — под поселением, огородами, гуменниками и конопляниками. На одного крестьянина мужского пола здесь приходилось 3,4 дес. пашни⁴³⁴.

Чуть менее половины дач Островского уезда представлены деревнями и столько же — пустошами.⁴³⁵ В с. Рублево-Царево

⁴²⁸ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 327. Л. 1–8.

⁴²⁹ Там же. Д. 179, 184, 190; Оп. 3. Д. 19, 20; Оп. 4. Д. 14.

⁴³⁰ Там же. Д. 190. Л. 1–34.

⁴³¹ Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20. Л. 1.

⁴³² Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4, 8, 9, 17, 25, 36, 37, 45, 46; Оп. 4. Д. 3–5.

⁴³³ Там же. Д. 25. Л. 1–8.

⁴³⁴ Там же. Д. 45. Л. 1–20.

⁴³⁵ Там же. Д. 200, 207, 212, 212а, 213, 227, 230, 248, 252, 263–266, 268, 269, 279, 284, 286, 289, 296–298, 301, 312; Оп. 3. Д. 24, 26, 27, 33, 34, 36, 38–40; Оп. 4. Д. 17, 20, 22, 24.

А. Д. Дубровского располагался господский дом и 20 крестьянских дворов. Из 1 036,7 дес. удобные земли составляли 95 %: пашня — 70 %, лес — 15 %, сенной покос — 9 % и 1 % — под поселением, огородами, гуменниками и конопляниками. По V ревизии в этом владении были записаны дворовые люди 62 человека и 300 крепостных обоого пола⁴³⁶.

В Холмском уезде И. А. Крыжовой принадлежало с. Кузелкино общей площадью 636,9 дес. где было 94 % удобной земли: лес — 72 %, пашня — 16 %, сенной покос — 6% и 0,2 % дес. под поселением⁴³⁷. Во владении Е. И. Манкошевой общая площадь земли составила 2 632 дес., из них на удобные земли приходилось 85 %, 78 % которой занимал лес, пашня — 6 %, сенной покос — 0,5 % и 0,5 % под поселением. По V ревизии здесь числились 8 дворов с 49 крепостными обоого пола⁴³⁸.

Сельцо Воробьево с деревнями Торопецкого уезда общей площадью 1 568,9 дес. — собственность А. С. Хмелева. В этой даче на удобные земли приходилось 99 %, из которых половина составляла пашня — 54%, лес — 40 %, сенной покос — 4% и 1 % под поселением⁴³⁹. В с. Покровское с деревнями П. П. Караулова из 1 214 дес. было 79 % удобной земли, где 17% занимала пашня, 60 % — лес, 1 % сенной покос и 1 % под поселением и огородами⁴⁴⁰.

Более половины учтенных владений Новоржевского уезда записаны как деревни, четверть — пустоши и 10 % — сельцо⁴⁴¹. В совладениях значатся 1/4 дач⁴⁴². В дер. Никитина помещица К. Злобина по V ревизии числилось 6 крестьянских дворов с 36 крепостными. Из 188,1 дес. удобные земли занимали 99 %. Пашня составляла 36 %, лес — 61 %, сенной покос — 1 % и 1 % под поселением и огородами⁴⁴³. В этом владении на 1 д. м. п. приходилось 3,1 дес. пашни. Н. В. Пиотух отмечает, что в деревнях

⁴³⁶ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 284. Л. 1–46.

⁴³⁷ Там же. Оп. 3. Д. 59. Л. 1.

⁴³⁸ Там же. Д. 58. Л. 1.

⁴³⁹ Там же. Д. 54. Л. 1.

⁴⁴⁰ Там же. Д. 57. Л. 1.

⁴⁴¹ Там же. Оп. 1. Д. 62, 76, 97–99, 105, 110, 117, 125, 130, 137, 139, 140, 144, 145, 146, 148, 149, 151; Оп. 2. Д. 1а, 7а; Оп. 3. Д. 3, 6, 7, 9, 10, 14, 15; Оп. 4. Д. 9.

⁴⁴² Там же. Д. 76. Л. 1–100.

⁴⁴³ Там же. Д. 62. Л. 1–14.

Новоржевского уезда пашенные и лесные угодья составляли почти одинаковую долю, в сельцах имелось превышение пашенных угодий над лесными. В пустошах лес преобладал. Во всех типах поселений сенокосные угодья составляли небольшую долю. Сходство структуры землепользования в деревнях и пустошных дачах могло отражать специфику этих типов селений и угодий. Долевое соотношение пашни и леса в деревнях было примерно одинаковым. Небольшое превышение пашни над лесом говорит скорее об идентичности хозяйственного значения этого типа сельских поселений и этого типа угодий как основного крестьянского поселения для определенной части территории страны⁴⁴⁴.

Изучение материалов межевания Псковской губернии показывает, что основную часть земли владений псковских помещиков в последней четверти XVIII в. занимали лес и пашня. Значительные лесные массивы составляли богатство помещичьих владений⁴⁴⁵. Дачи значительно отличались по размерам. Средний надел пахотной земли в разных владениях значительно различался и мог составлять от 0,5 до 7,6 дес. По данным Г. М. Дейча, в конце XVIII в. средний надел пахотной земли у барщинных крестьян в Псковской губернии составлял 3,5 дес., и 4,8 дес. — у оброчных⁴⁴⁶. Л. В. Милов отмечает, что фактический посев был намного ниже и вместе с паром составлял примерно половину, а остальная пашня просто не использовалась⁴⁴⁷. Если сравнивать долю пашни и размер остальных угодий в поместье в XVII в., то, по данным Н. Н. Масленниковой, в 20-е гг. XVII в. пашня занимала всего 4,4 %⁴⁴⁸. Однако 20-е гг. XVII в. — это еще годы кризиса.

⁴⁴⁴ Пиотух Н. В. Новоржевский (Пусторжевский) уезд в первой половине XVII — второй половине XVIII в. Пространственно-демографические изменения. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 19.

⁴⁴⁵ Индова Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX в. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М., 1955. С. 119.

⁴⁴⁶ Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и в первой половине XIX веков. / Псковская обл. краевед. музей. Псков: Газ. «Псковская правда», 1957. С. 51.

⁴⁴⁷ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Росспэн, 1998. С. 386.

⁴⁴⁸ Масленникова Н. Н. Землепользование на Псковской земле // Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л., 1989. С. 154–160.

Ко второй половине XVIII в. доля пашни у псковских помещиков достигла почти половины всех угодий. То же наблюдается и в Тульской губернии, где посев составлял 47 %⁴⁴⁹. Это было минимальное соотношение лугов и пашни при трехполье⁴⁵⁰.

По итогам Генерального межевания на территории всей Псковской губернии во владении помещиков находилось 24 тыс. дес. усадебной земли, 1037 дес. пашни, 148 тыс. дес. сенного покоса и 1853 тыс. дес. леса. Из 3262 тыс. дес. земли неудобной было 200 тыс. дес. Распаханность губернии составляла 32 %, а более половины угодий (56 %) занимал лес. Ни в одном уезде пашня не охватывала половины территории. Так, в Островском уезде ее доля составляла 45 %, в Новоржевском — 42 %, а в Холмском — только 18 %⁴⁵¹. Согласно основанным на данных Генерального межевания и данным III ревизии подсчетам В. М. Кабузана, в Псковской губернии на каждую ревизскую душу приходилось 5,23 дес. пашенной земли и 6,2 дес. всей освоенной земли (с покосами и усадебными участками). В остальных губерниях размеры среднего надела были ниже: в Новгородской — 4,8 дес. и 5,87 дес., в Олонецкой — 3,50 дес. и 4,64 дес., в Санкт-Петербургской — 2,90 дес. и 3,91 дес.⁴⁵²

Исследователи расходятся во мнении по вопросу об уровне эксплуатации крестьянства в России со стороны помещиков. Так, Б. Н. Миронов пишет, что европеизация побуждала дворянство увеличивать свои доходы, необходимые для ведения роскошной жизни через усиление эксплуатации крепостных⁴⁵³. По мнению Ю. А. Тихонова, в первой четверти XVIII в. казна изымала большую часть прибавочного продукта помещичьих крестьян. А вы-

⁴⁴⁹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Росспэн, 1998. С. 375–381.

⁴⁵⁰ Гудков А. Г. Дефицит продовольственного бюджета крестьянского хозяйства Русского Севера и источники его компенсации в конце XVIII — первой половине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 187–265.

⁴⁵¹ Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX в. М.: Наука, 1988. С. 132.

⁴⁵² Кабузан В. М. Изменение в размещении населения в России в XVIII — первой половине XIX в. М.: Наука, 1971. С. 20.

⁴⁵³ Миронов Б. Н. Время величия // Родина, 2001. № 9. С. 35–38.

сота государственного обложения не позволяла помещикам резко увеличивать владельческие повинности⁴⁵⁴.

Взаимоотношения помещиков и крепостных характеризуют инструкции и указы дворян своим управляющим. Повышение доходности вотчинного хозяйства путем изыскания новых источников прибыли было одной из главных задач середины XVIII в. В последней четверти XVIII в. в инструкциях также уделяется внимание увеличению доходности хозяйства, но на первый план выходит упорядочение хозяйства, посредством распространения товарных культур, агрономических мероприятий⁴⁵⁵.

На личную жизнь крестьян помещик смотрел, прежде всего, с точки зрения хозяйственной выгоды. При желании создать семью крепостному разрешалось брать в жены девушку как из казенных деревень, так и из своих. Однако запрещалось выдавать своих крестьянок за претендентов, не являвшихся крепостными этого же дворянина. Для увеличения народонаселения владений господина принуждали своих крепостных к ранним бракам. Дворяне стремились извлечь экономическую выгоду из всех аспектов жизни и деятельности крестьян. Некоторые помещики в инструкциях своим управляющим отмечали, что в рекруты крестьян следует отдавать по очереди: «Того, кому следует идти». Однако предусматривалась и возможность другого варианта: если крестьянин имел необходимую сумму, он мог выставить вместо себя другого рекрута⁴⁵⁶.

Следующим после приказчика звеном в управлении имением являлся староста. В отличие от управляющего, который назначался хозяином имения, староста избирался самими крестьянами. В случае спора крепостные должны были обращаться именно к старосте, который решал дело в присутствии других членов мира.

Эксплуататорское рвение помещика не всегда успевало за ростом денежных доходов в крестьянском хозяйстве. Зачастую для увеличения дохода помещики искали дополнительные возможности изъять деньги у своих крепостных. Так, помещик И. Х. Дероп

⁴⁵⁴ Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. М.: Наука, 1974. С. 305.

⁴⁵⁵ Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: Историко-экономический очерк. М.: Госполитиздат, 1957. С. 132–137.

⁴⁵⁶ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

брал оброк с умерших и взятых в рекруты⁴⁵⁷. Естественно, что такие поборы ложились дополнительным бременем на крестьян и приводили к возмущениям. Увеличение предельно-допустимых норм эксплуатации делало невозможным простое воспроизводство, что проявлялось в неповиновении крестьян помещику. По мнению Д. И. Раскина, возникновение нового экономического уклада, развитие торговли и промысловых занятий среди крестьян — все это придавало новое содержание целям социального противостояния: требование свободы передвижения, права занятия торговлей и промыслами. Изменение общественного сознания крепостных сыграло значительную роль в их взаимоотношениях с помещиком. Крестьянский протест приобретает массовый и оборонительный характер. Отмечены побеги в Прибалтику, Речь Посполитую, на Юг и в Поволжье. Происходили побеги и в вотчины крупных феодалов, предоставлявших беглым льготы⁴⁵⁸.

В документах первой трети XVIII в., использованных Н. В. Козловой, упоминаются два случая бегства помещичьих крестьян, зарегистрированных в Псковском и Торопецком уездах, за пределы империи⁴⁵⁹. Подобные примеры приводит и Д. И. Раскин⁴⁶⁰. Ревизские описания XVIII в. фиксируют неоднократные факты бегства крепостных. Так, из ревизских сказок 1762 г. вотчины премьер-майора Л. И. Симанского (Псковского уезда) известно о трех случаях бегства его крестьян⁴⁶¹. А Л. А. Травин в своих записках вспоминает, что, попав в тяжелое положение в связи с крестьянским волнением 1765 г. в Велейской вотчине графа С. П. Ягужинского, «пришед в отчаяние, полагал намерение спасаться бегством в Польшу». К счастью, обстоятельства разрешились для него благополучно⁴⁶².

⁴⁵⁷ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.

⁴⁵⁸ Раскин Д. И. Классовая борьба и общественное сознание, быт // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 212–221.

⁴⁵⁹ Козлова Н. В. Побеги крестьян в России в первой трети XVIII в.: из истории социально-экономической жизни страны. М.: Издательство: Издательство Московского университета, 1974. С. 41–71.

⁴⁶⁰ Раскин Д. И. Классовая борьба и общественное сознание, быт. М.: Наука, 1984. С. 213–221.

⁴⁶¹ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 863. Л. 864–870.

⁴⁶² Софийский Л.И. Записки Л.А. Травина // Труды Псковского археологического общества, 1914. № 10. С. 38–131.

Данные источников позволяют вскрыть противоречия и между самими дворянами по вопросу о беглых крепостных. Помещик Р. О. Пушкин скрыл бежавших крестьян опочецкого воеводы И. Бочкина. Пострадавший воевода подал челобитную в канцелярию Псковской провинции. На допросе Р. О. Пушкин все отрицал, аргументируя тем, что не имел мотива для данного деяния⁴⁶³. Д. Ланской обвинял помещика Е. Григорьева в укрывательстве принадлежащего ему крестьянина⁴⁶⁴. В укрывательстве обвиняли и старост дворцовых сел⁴⁶⁵. Н. В. Козлова отмечает, что причинами бегства в это время были сокращение крестьянского землепользования, рост владельческих повинностей, резкое усиление налогового гнета, исключительно тяжелые трудовые мобилизации и рекрутские наборы⁴⁶⁶.

Контроль за предотвращением побегов крестьян возлагался на командный состав полков в пределах их расквартирования, а также на священников в приходах⁴⁶⁷. Проблема бегства крепостных тревожила в первую очередь самих помещиков, в связи с чем владельцы обращались за помощью к властям. В 1741 г. помещица М. Шатилова подала челобитную о возвращении ей беглой крестьянки Е. Савельевой с детьми⁴⁶⁸. Помимо дворян, которые были основной заинтересованной стороной в вопросе предотвращения побегов крепостных и возвращения беглых, меры для урегулирования ситуации также предпринимало и правительство. В указе Анны Иоанновны от 1734 г. крестьянам, бежавшим за границу, было обещано свободное возвращение и прощение. А переменившим веру, предписывалось принести церковное покаяние. Кроме того, и помещики обязывались выдавать возвратившимся ссуды хлебом и лошадьми. Приграничной страже надлежало принимать всех беглых⁴⁶⁹.

⁴⁶³ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 118. Л. 2–9.

⁴⁶⁴ РГАДА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 266. Л. 1–11.

⁴⁶⁵ Там же. Д. 223. Л. 1–9.

⁴⁶⁶ Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII в.: из истории социально-экономической жизни страны.: Издательство Московского университета, 1983. С. 57.

⁴⁶⁷ Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. С. 33.

⁴⁶⁸ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 208.

⁴⁶⁹ Там же. Д. 163. Л. 2–3.

Исследователи выделяют две формы неповиновения: пассивное и активное⁴⁷⁰. Пассивное неповиновение (мирная форма) представлено протестом (ослушание барина, его управляющего, отказ от работ, уплаты денежных взносов, непризнание себя собственностью помещика) и жалобой. 18 июля 1797 г. крестьяне д. Тарасово отказались признать себя во владении помещицы фон Дицевой. Они объявили, что останутся дворцовыми, и отказались впустить приехавшего управляющего, пригрозив ему расправой⁴⁷¹. Подобное явление на Псковщине не было единичным. Еще 1744 г. крестьяне Велейской вотчины также отказались признавать нового владельца⁴⁷². Если помещик (или его управляющий) не мог справиться собственными силами, он обращался за помощью к местным властям, к которым могли воззвать и крестьяне, послав выбранных односельчан (например, для уточнения своей принадлежности владельцу).

Как правило, причины недовольства со стороны крепостных были достаточно объективны, поскольку помещик мог довести крестьян до крайней нужды, в результате чего они, например, отказывались ходить на барщину. Подобная ситуация произошла с крестьянами помещицы Чагиной 15 августа 1797 г. Дворяне стремились прекратить конфликт как можно скорее и любыми средствами (вплоть до подавления сопротивления воинскими командами)⁴⁷³.

Противостояние помещику выражалось и в жалобах крепостных на своего господина, что имело широкое распространение, несмотря на официальный запрет и угрозу наказанием плетью за подобный проступок с 1763 г. Как отмечает П. К. Алефиренко, крестьянские челобитные редко писались самими челобитчиками, которые для такого ответственного дела выбирались на общем сходе. Содержание челобитной определялось самими

⁴⁷⁰ Рындзюнский П. Г. Крестьянское антикрепостническое движение в промысловых селах I четверти XIX века // Из истории крестьянства XVI–XIX в. М., 1955. С. 75–89.

⁴⁷¹ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 22. Л. 5–7.

⁴⁷² Софийский Л. И. Записки Л. А. Травина. Сельцо Михайловское (Псков): Робин, 1998. С. 38–131.

⁴⁷³ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 22. Л. 5–7.

крестьянами, а писать мог дьячок под диктовку⁴⁷⁴. Имена ходоков, как правило, в документах не указывали. Число ходоков могло быть различным, в зависимости от дальности расстояния и статуса лица к которому они направлялись. Так, крестьяне д. Тарасово в июле 1797 г. направили в Псков трех человек,⁴⁷⁵ а крестьяне д. Клин выбрали из своей среды восьмерых представителей для подачи жалобы императрице⁴⁷⁶.

В челобитных для обоснованности действий в том или ином вопросе, а также для подтверждения правомерности поступка нередко ссылались на законодательство, которое доходило до крепостных как в письменном виде, так и в форме устной традиции. Механизм подачи жалобы был следующий: при наличии определенной проблемы ее обсуждение выносили на общий сход, который часто собирался по случаю произошедшего конфликта. На нем решались конкретные вопросы: выбор ходоков, сбор денег для них. Затем принималось решение, куда будет направлена жалоба и шло составление челобитной. В случае подачи жалобы следовало разбирательство. Крестьяне помещицы фон Дицевой в июле 1797 г. собрали вкладчину со всех 300 человек по 3 копейки и послали трех крестьян в г. Псков для выяснения собственного статуса. В Пскове им подтвердили, что крестьяне действительно были пожалованы в мае 1797 г. «по указу Псковского губернско-го правления» (Ее Императорским Величеством в вечное потомственное пользование)⁴⁷⁷.

Юридически запрещалось подавать жалобу на имя государя, однако возможность обращения к местным властям была, и по подобным заявлениям проходили разбирательства. Однако факт того, что сами помещики, на которых жаловались крестьяне, если не являлись представителями местной власти, то были связаны с таковыми прочными узами экономического, родственного и прочего характера, предполагал определенную предвзятость со стороны властей в решении вопроса. Учитывая, что все документы

⁴⁷⁴ Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50 гг. XVIII в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 115.

⁴⁷⁵ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–17.

⁴⁷⁶ Там же. Д. 51. Л. 5.

⁴⁷⁷ Там же. Д. 22. Л. 4–5.

носили гриф секретности, можно сделать вывод, что дворянство, да и вся система в целом, опасалось широкой огласки подобных прецедентов. Примечательно, что несмотря на запреты, поток ходочков не иссякал. Так, в жалобе крестьянина Никиты Кузьмина об изнурении крепостных тяжелой работой торопецким помещиком Шетневым в декабре 1797 г. указывалось, что барин заставляет крестьян работать по пять дней в неделю. Результатом стало «препоручение по высочайшему Его Императорского Величества повелению» от господина действительного тайного советника генерал-прокурора и кавалера князя А. Б. Куракина разведать о справедливости просьбы крестьянина, что было произведено торопецким предводителем дворянства И. А. Полибиным и двумя дворянами, избранными специально для этого дела. Результат расследования показал, что в итоге происходило в подобных ситуациях на местах. В ходе проведенного «добросовестными» дворянами разбирательства выяснилось, что все крестьяне помещика Шетнева (семейные пары) в течение недели ходят на господскую работу только три дня в неделю. А холостые крестьяне и вдовы к господским работам вообще не были привлечены. Пять же дней никто и никогда не отработывал. Заключение комиссии было следующим: жалоба крестьянина — ложная. К тому же «добросовестные» дворяне установили, что сам Кузьмин, «будучи холостым, на господские работы за свое лицо не хаживал»⁴⁷⁸. Помещики не могли и не хотели обличать самих себя. Дворяне и местная администрация всячески старались вообще не допускать подобных жалоб. Так, в мае 1798 г. крестьяне помещицы Бахаревой отправили восемь ходочков сообщить, что их изнуряют тяжелыми поборами. Дальновидный порховский земский исправник Н. Ронов подал рапорт псковскому гражданскому губернатору Л. С. Алексееву об этом. Кроме того, Н. Ронов сумел догнать направившихся к царю крестьян. Прочитав царский указ, он успокоил их тем, что дело будет рассмотрено на местном уровне. При разбирательстве выяснилось, что сын помещицы А. Бахарев первоначально собрал по 5 руб. с души, через двадцать дней — еще по 5 руб. за подводы, затем — еще по 80 коп. с души. К тому же

⁴⁷⁸ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 25. Л. 3–6.

затребовал «десять мальчиков и пять девочек в дом госпожи для разного обучения». Именно его поступок при попустительстве хозяйки имения явился основанием для жалобы⁴⁷⁹.

Таким образом, причинами недовольства крестьян являлись: отсутствие стабильного обложения; слишком короткие сроки исполнения тех или иных повинностей без учета реальных возможностей хозяйства (например, формулировка могла быть следующей: «прислать деньги тогда, когда будет нужно, без всяких отговорок»); перевод натуральных форм повинностей в денежные с постоянным увеличением последних; назначение управляющего, не пользующегося у крестьян расположением и доверием; необходимость отправки крестьянских детей в учение (особо остро это воспринималось потому, что из семьи забирали рабочие руки). Все это в итоге выливалось в острое нежелание «быть помещичьими».

Требования, которые выдвигали крестьяне, были вполне умеренными и не выходили за рамки существующих феодально-крепостнических отношений. Как правило, они состояли в установлении четкой фиксированной ренты с учетом хозяйственных особенностей. Так, например, крестьяне помещика И. Х. Деропа в феврале 1798 г. просили у царя назначить с них «годовой оброк, который не отягощал бы»⁴⁸⁰, а также «порядочного» управляющего⁴⁸¹, поскольку последний мог разорять крепостных при полном неведении барина.

Будучи первоначально пассивным, в дальнейшем, при отсутствии ответной реакции на требования крестьян, неповиновение могло приобрести активные формы. Так, 25 июня 1797 г. островские крестьяне помещика Сумароцкого отказались выполнять полевые работы, а при попытке помещика привести их к порядку угрожали барину косами. Нормализовать ситуацию в данном случае удалось прочтением земским исправником царского указа (т. е., по существу, убеждением (хотя и на грани запугивания) крестьян).

⁴⁷⁹ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–5.

⁴⁸⁰ Там же. Д. 50. Л. 8–17.

⁴⁸¹ Там же. Д. 22. Л. 2.

Активное неповиновение имело следующие формы: неповиновение и противодействие властям (в случае если неповиновение помещику не прекращалось после приезда представителей местной власти, взбунтовавшиеся крестьяне могли угрожать косами и кольями приехавшим представителям власти); угрозы расправой и убийством. При этом некоторые варианты неповиновения могли сочетать в себе элементы сразу несколько форм. О том, что подобные явления были делом губернского уровня, свидетельствуют постоянные рапорты о состоянии дел на местах с подробным отчетом о произошедшем, соблюдая секретность для предотвращения огласки событий. Активное неповиновение отличалось особой остротой, в связи с чем для усмирения крепостных иногда требовалось и применение силы.

Наибольшим упорством крестьянские волнения отличались там, где был повод считать незаконным принадлежность крестьян данному владельцу. Выступления крестьян, в основном, характеризовались довольно высокой степенью организованности, что являлось следствием использования привычных форм мирского самоуправления. Зачастую упорство крестьян поддерживалось уверенностью в правомерности своих действий. Крестьяне в ходе своих выступлений использовали подручные средства (косы и колья), которые могли нанести серьезный материальный и физический ущерб. При подавлении бунта помещики иногда могли обойтись и собственными силами. Так, исправник островской округи Елагин летом 1797 г. собрал 40 человек из тех крестьян, кто оставался верным барину, и благополучно усмирил недовольных⁴⁸².

В случае недостаточности собственных сил для разрешения конфликта помещику приходилось обращаться к губернатору с просьбой о присылке военного отряда. Так, крестьяне помещицы фон Дицевой заняли такую твердую позицию, что их недовольство вылилось в открытое неповиновение властям. Для их усмирения псковский гражданский губернатор Л. С. Алексеев выделил конный отряд (9 человек) и определил выдать по 12 патронов каждому⁴⁸³. Но даже подобные меры не всегда приводили к бы-

⁴⁸² ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

⁴⁸³ Там же. Д. 23. Л. 4–15.

строму результату. Летом 1783 г. в Тригорской вотчине помещика Вындомского произошло выступление крестьян, вызванное созданием в вотчине полотняной мануфактуры⁴⁸⁴ и переводом на нее в 1781–1782 гг. 50 крестьян ткачами, что лишало их возможности обрабатывать свою землю. К тому же все остальные крестьяне от 16 до 55 лет отработывали на мануфактуре два дня в неделю. Одновременно помещик увеличил в полтора раза денежный оброк и дополнительно ввел натуральный оброк, который состоял из поставки льна, пряжи, зерна, крупы и мяса. На крестьянском сходе 24 марта 1783 г. было решено послать ходоков с жалобой в Опочку и Петербург. Крестьяне прекратили все работы на помещика и отказались ему повиноваться. О масштабности события свидетельствует приезд губернатора, который пытался умиротворить крепостных, но лишь убедился в твердости их позиции. В апреле число взбунтовавшихся крестьян возросло до 700, что заставило отступить первую из посланных сюда воинских команд. Второму, более многочисленному отряду удалось усмирить крестьян. В ходе учиненной расправы были сожжены две деревни, а зачинщики арестованы; пятеро из них умерли во время следствия⁴⁸⁵ (вероятно, не выдержав применявшихся к ним пыток).

Подобные случаи активного неповиновения, произошедшие из-за устройства помещиком мануфактуры, фиксировались и ранее. Так, в 1765 г. крестьяне Велейской волости Опочецкого уезда по приезде фабричных мастеров из Москвы для устройства мануфактуры в имении «ужаснувшись пришли в отчаяние и оттого сильно возмутились»⁴⁸⁶. Эти факты говорят об упорном сопротивлении крестьян помещичьим нововведениям в виде устройства вотчинных предприятий. Однако помещики не только жестоко подавляли подобные сопротивления с помощью властей, но и старались переориентировать крестьян на более качественную работу на этих мануфактурах. Генерал-майор П. И. Турчанинов, имевший в с. София Холмского уезда прядильную фабри-

⁴⁸⁴ Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. Псков: Газ. «Псковская правда», 1957. С. 26.

⁴⁸⁵ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 112. Л. 1–9.

⁴⁸⁶ Софийский Л. И. Записки Л. А. Травина. Сельцо Михайловское (Псков): Робин, 1998. С. 38–131.

ку, организовал обучение своих крепостных прядильному делу. Он добился в ноябре 1785 г. от псковского генерал-губернатора Н. В. Репнина распоряжения о присылке в г. Псков для обучения прядильному делу купцов, мещан и казенных крестьян. Позже наместничество разрешило присылать для обучения и помещичьих крестьян. Обучение было бесплатным, занятия проводили присланные в Псков мастера. Помещики активно откликнулись на нововведение, отправив на обучение до 6–7 человек своих крепостных. Так, помещик А. Окунев послал учиться одного мужчину и шесть женщин; помещик И. Мягков — двух мужчин и двух женщин; помещица Окунева — семь женщин. Всего за полгода было обучено 96 человек помещичьих крестьян⁴⁸⁷.

Об обострении к концу XVIII в. противоречий между помещиками и крестьянами ярко свидетельствуют и убийства господ своими крепостными. В 1789 г. двумя выстрелами из леса был убит лейб-гвардии поручик П. Кожин. Его на дороге в Старую Руссу подстерегли собственные крестьяне⁴⁸⁸. Осенью 1798 г. две «девки» торопецкой помещицы Д. Потемкиной попытались убить хозяйку. Позднее Н. Федорова и А. Егорова признались в сговоре с целью удушить барыню «праздным» бельем во время сна. Они накинули постель на лицо помещицы, но та, проснувшись, закричала. Спасла ее прибежавшая на помощь дочь священника Наталья, которая ночевала в доме Потемкиной. Она и не дала заговорщицам «умертвить» барыню. Можно лишь предполагать, что толкнуло крепостных на совершение подобного шага, особенно если учитывать тот факт, что одна из преступниц была несовершеннолетней. Факт несовершеннолетия в данном случае послужил основой для смягчения наказания — ее высекли плетью на месте преступления. Вторую соучастницу, Н. Федорову, наказали плетью и отослали (согласно указу от 24 марта 1765 г.) в Иркутск, на суконную фабрику⁴⁸⁹.

⁴⁸⁷ Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и в первой половине XIX в. Псков: Газ. «Псковская правда», 1957. С. 25.

⁴⁸⁸ Васильева Л. В. Имена Порховского уезда. Псков: Псковский обл. ин-т повышения квалификации работников образования, 2008. С. 105.

⁴⁸⁹ ГАПО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–6.

Помещик, являясь «властью и судом» в имении, определял наказания для своих крепостных. Государство само вложило в руки барина право по своему усмотрению судить, наказывать крестьян, ссылая в Сибирь без суда и следствия, чем он активно пользовался. За мелкие нарушения помещик наказывал крестьян сразу же и без расследования. Крупные проступки, такие как подстрекательство и организация массовых протестов, рассматривались особым образом. Как правило, в таких случаях зачинщиков наказывали плетью при собрании всех крестьян. Такое наказание преследовало сразу две цели: с одной стороны, виновные получали заслуженное возмездие, с другой — это служило предостерегающим примером для остальных. Однако как показывает практика, подобная «профилактика» не оказывала сильного воздействия на крепостных, так как случаи проступков и наказаний были часты. Наказания варьировались: крестьянина могли содержать под стражей, а затем подвергнуть наказанию плетью как вне вотчины, так и в имении, при собрании всех крестьян.

Наказанием служило и само содержание под стражей; по истечении определенного срока провинившиеся могли быть отданы на поруки старосты с тем условием, что будет письменное заверение (расписка), и крестьянин должен быть представлен властям по требованию⁴⁹⁰. Еще одним видом наказания была ссылка. Крепостного могли сослать в Сибирь за любую провинность по воле владельца без выяснения обстоятельств. При пожизненной ссылке следовала формулировка «навечно»⁴⁹¹. Однако по воле владельца крепостного могли вернуть обратно. В некоторых случаях при ссылке крепостного следовала пометка, что произведен зачет провинившегося в рекруты. В этом случае помещик решал сразу две задачи: наказывал виновного и одновременно снимал с себя одну единицу из рекрутского набора. Зачастую происходило соединение нескольких видов наказаний. Крестьянина могли содержать под стражей, наказывать плетью, а уже затем отослать в острог. Не существовало четкой соразмерности между совершенным крестьянином проступком и следовавшим за этим наказанием, поскольку крепостного могли подвергнуть одинаковым санк-

⁴⁹⁰ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.

⁴⁹¹ Там же. Д. 114. Л. 47.

циям как за пассивное неповиновение, так и за активное (в том числе и попытку убийства). По сути, единственным критерием, определявшим, каково будет возмездие, была воля владельца.

Существовал еще один вид наказания — возложение материальных затрат карательных экспедиций на самих виновных крестьян. Суммы были значительные. Так, при подавлении восстания крестьян помещика Вындомского в сентябре 1783 г. с виновных полагалось взыскать 528 руб. 23 коп.⁴⁹² О значительности суммы свидетельствует тот факт, что цена одной четверти ржи в 1780 г. в Псковской губернии составляла 2,5 руб.⁴⁹³ Подобные меры были инициативой государства, которое, с одной стороны, снимало с себя значительную часть расходов (так как крестьянские волнения во второй половине XVIII в. были часты), а с другой — сурово наказывало крестьян, поскольку выплата подобных сумм была едва ли не хуже наказания плетью.

Перечисленные выше виды наказаний были обычными для второй половины XVIII в., однако на практике все зависело от характера, а зачастую и фантазии помещика, которая в отдельных случаях проявлялась очень ярко. Так, в результате выступления крестьян против помещика Вындомского в отношении виновных было предписано «учинить публичное кнутом наказание, потом обоим им вырезать ноздри, проставляя на лбу, на щеках указанные знаки и послать в Наднепровскую линию в каторжную работу навечно». Несмотря на то, что верховенство решения принадлежало Сенату, это не спасало крестьян от произвола помещика. Вмешательство Сената в решение по делу о крестьянах помещика Вындомского состояло лишь в том, что в январе 1784 г. было предписано «крестьянам, которые палатою уголовного суда и правителем наместничества присуждены к наказанию кнутом, вместо сего учинить наказание плетью»⁴⁹⁴.

Таким образом, взаимоотношения помещиков и крепостных крестьян в Псковском крае в XVIII в. характеризуются в первую очередь наличием социального противостояния. При этом само

⁴⁹² ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 112. Л. 3.

⁴⁹³ Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: Историко-экономический очерк. Москва: Госполитиздат, 1957. С. 447.

⁴⁹⁴ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 114. Л. 47–113.

крепостное право вместе с объективными факторами своего существования (сословной системой общества Российской империи и законодательным закреплением прав и обязанностей сторон) зачастую характеризовалось субъективными факторами, отражающими специфику мировосприятия помещиков — владельцев «живой собственности», и принадлежащих им крестьян, что могло влиять как отрицательно, так и положительно на сложный характер взаимоотношений в системе «барин — крепостной». Увеличение роли помещичьей перерабатывающей промышленности в конце XVIII в. в экономике Псковского края⁴⁹⁵ оказало влияние на взаимоотношения крепостных и владельцев, что выразилось в противодействии крестьян и их недовольстве организацией мануфактур дворянами, которые, в свою очередь, невзирая на это, всячески старались привить своим крепостным навыки работы на мануфактурном производстве.

Система управления помещьем, отношение помещика к своим крестьянам, восприятие своего положения крепостными, их бегство и формы сопротивления, система наказаний в Псковской земле в XVIII в., — все это в целом отражает общероссийские тенденции эпохи. Специфика региона проявляется в первую очередь в природно-климатических условиях, которые влияли как на сами сельскохозяйственные работы, так и на их замену другими видами производств. Зона рискованного земледелия Северо-Запада России заставляла напрягать все крестьянские ресурсы для получения прибавочного продукта в размере, сопоставимом с губерниями, обладающими гораздо более благоприятными природными и экономическими условиями, зачастую усиливая и без того изнурительную эксплуатацию со стороны помещика. Геополитическое положение региона влияло на маршрут бегства крепостных, которые предпочитали скрыться за границами Российской империи в надежде избавиться от наказания и в целом крепостной зависимости.

Непременной чертой дворянского землевладения в системе феодальных отношений является устройство жизни и быта помещичьих имений. Сведения такого рода за первую четверть

⁴⁹⁵ Алексеева О. А. Торговля и промыслы на Псковской земле в XVIII в. (1725–1800). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 31 с.

XVIII в. единичны. В с. Анненском Великолукского уезда помещика Я. И. Лопухина в составе усадьбы было: «горница с комнатой, против нее горница белая, меж ними сени; 6 окончин стекольчатых больших, из них две попорчены. Хоромы новые неотделаны, в одной связи 12 перерубов, наверху чердак, тесом обиты». Убранство усадьбы было представлено предметами благочестия (9 икон, крест), картинами, мебелью, которая состояла из простого деревянного шкафа, четырех столов (один круглый), старых ширм, также в доме располагались два деревянных стула и две скамьи. Помещику принадлежала посуда (12 блюд, 12 тарелок, оловянная солонка, 2 хрустальных стакана, 2 стеклянные бутылки), 3 перины, 3 «взголовья», 3 подушки и 2 одеяла («одно пестретинное, другое боранье»). Среди хозяйственных построек усадьбы упоминаются «стойла, санник, конный двор, на нем 4 хлева, сарай, пустая избыща ветхая; скотной двор, стрепеная изба, 4 хлева».

В с. Высоком в составе усадьбы было: «в одной связи 2 горницы, при них 2 коморки, одна с малою козенкою; в горницах и каморке 3 печи муравленые; в тех хоромаш 8 оконниц стекольчатых больших; при хоромаш сени, на сенях чердак, в сенях же чулан; горница черная с сенями, да к тем же сеньми другая горница; светелка, в ней печь белая кирпичная, окончина стекольчатая попорченая; еще хором: 2 светелки в одной связи, в них печь муравленая, 3 окончины, стекольчатые большие». Имелись и хозяйственные постройки: «6 амбаров, конский двор: стойла, 7 хлевов, сарай, санник; скотный двор: 2 избы, 7 хлевов; изба где птиц кормят, мельница на р. Копанице с 1 жерновом»⁴⁹⁶.

В составе усадьбы помещика И. Б. Зеленого (с. Злобино Торопецкого уезда) был «двор помещиков приезжий: горница белая с козенкой и с сеньми; в горнице печь белая; изба черная с сеньми». Среди хозяйственных построек отмечены: 3 амбара (один с хлебом, 2 амбара «порозжи»), конюшня и «скотский двор» (3 хлева). В с. Трифановском Холмского уезда в составе усадьбы ука-

⁴⁹⁶ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века [Текст] / Подгот. к печати К. В. Сивков; Акад. наук СССР. Ин-т истории. Комис. по истории земледелия в СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. С. 374–376.

заны: «В одной связи под одной кровлей 4 светлицы да черная горница, 2 коморки, 2 сеней, 2 чулана, 14 окончин стекольчатых, 5 печей с трубами, в том числе 1 муравленая гладкая, 1 — круглая цветная, 3 — кирпичная, а 2 с одного лица муравленные». Среди хозяйственных построек находились: «Амбар порозжий и стойло в одной связи; амбар порозжий и ледник, на огороде 4 амбара, конский двор крытый: 6 хлевов, сарай; скотный двор крытый: 3 хлева гумно до половины крыто».

К. Л. Зеленому принадлежало с. Ратное Холмского уезда, где была «горница двойня с крыльцом и сеньми, в сенях чулан, за горницей двойней позади горница черная, против черной горницы повалуша, промеж горницы и повалуши сени, мшаник, за мшаником ледник». Среди хозяйственных построек указаны: «3 амбара (один с хлебом, 2 амбара порозжи), конюшня, скотский двор: 3 хлева»⁴⁹⁷.

Таким образом, в помещичьем доме в первой четверти XVIII в. были 1–2 горницы, в том числе горницы-двойни. Горницы по способу отопления делились на белые и черные. В составе хором имелись светелки, которые всегда отапливались по белому. Перечислены печи белые, а также отделанные муравленными (зелеными) или цветными изразцами. Структура строений помещичьих дворов, их убранство свидетельствуют о том, что в это время в провинциальных усадьбах сочетались традиции и новые веяния. Во всех барских дворах отмечены большие окна со стекольчатыми оконницами, кафельные печи, топимые по белому, хотя встречаются еще и черные горницы. Представлена покупная мебель (столы и стулья).

В середине XVIII в. усадьбы начинают преобразоваться: строятся новые дома и хозяйственные постройки, закладываются сады, но наибольшего расцвета усадебная жизнь набирает во второй половине столетия, когда после отмены обязательной службы владельцы получают возможность вернуться в родные владения и благоустроить их.

⁴⁹⁷ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века [Текст] / Подгот. к печати К. В. Сивков; Акад. наук СССР. Ин-т истории. Комис. по истории земледелия в СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951.

Так, Петровское (Опочецкого уезда) – родовое имение Ганнибалов, пожалованное Елизаветой Петровной в 1742 г. Абраму Петровичу, стало центральной усадьбой⁴⁹⁸. В 1746 г. прислуга для вновь созданного имения была переведена из владений в Санкт-Петербургской губернии. В результате всего во вновь поселенной усадьбе числилось 27 душ крепостных. В 1746 г. строится еще одна барская усадьба — сельцо Ивановское. Но в 1755 г. дворовых из Ивановского перевели, а число крепостных в главной усадьбе выросло до 40 человек. Н. С. Новиков связывает это со строительными работами. В середине 1760-х гг. число дворовых сократилось почти вдвое. Некоторое загибье в строительстве, по мнению исследователя, могло возникнуть из-за того, что в 1762 г. Абрам Петрович был отправлен в отставку без материального содержания⁴⁹⁹.

Тем не менее, по проекту хозяина в Петровском был построен двухэтажный дом. Первый этаж, каменный, — поварня, второй этаж, бревенчатый, был по периметру обрамлен террасой. Этажи в доме между собой не сообщались и имели самостоятельные входы. Комната хозяев разделялась на мужскую и женскую половины кроватью с полубалдахинном. На шерстяном покрывале ручного ткачества кавказской работы располагалась подушка в наволочке из кожи, украшенная аппликацией и шитьем. Левый угол северной стены комнаты занимал кабинетный шкаф-бюро немецкой работы, выполненный из дуба. Запрудив р. Кучанку, был образован пруд в виде рыбы, в голове которого насыпан остров-«глаз», где находилась беседка-ротонда⁵⁰⁰.

Абрам Петрович стремился оставить каждому сыну по усадьбе: Ивану — Ивановское, Петру — Петровское, Иосифу — Генварское. В 1781 г. он скончался, и уже в 1782 г. наследство разделили⁵⁰¹. Владельцем Петровского стал Петр Абрамович. Его стараниями в усадьбе был выстроен большой деревянный барский дом на каменном цоколе, винокуренный завод и несколько

⁴⁹⁸ Козьмина Л. В. Петровское. Пушкин и Ганнибалы. С. 9–49.

⁴⁹⁹ Новиков Н. С. Псковские усадьба Ганнибалов // Михайловская пушкиниана. Сельцо Михайловское, 2007. Вып. 44. С. 111–117.

⁵⁰⁰ Козьмина Л. В. Петровское. Пушкин и Ганнибалы. С. 9–49.

⁵⁰¹ Новиков Н. С. Псковские усадьба Ганнибалов. С. 111–117.

хозяйственных построек. Сюда перевезли семейные реликвии — подарки Петра I, библиотеку, коллекцию медалей отца и семейный архив. Из псковского дома перевели прислугу. Петровский парк стал образцом русской садово-парковой архитектуры XVIII в.: строгая планировка, аллеи и солнечные лужайки⁵⁰². Таким образом, в этом продуманном до мелочей комплексе помещицей усадьбы хозяину удалось сочетать не только хозяйственную смекалку и рационализм, но и реализовать индивидуальность творческой природы.

Типичным примером барской усадьбы середины — второй половины XVIII в. было Воскресенское, планировка которого зафиксирована планом 1786 г. Центральная постройка («господский дом») размещалась непосредственно напротив подъездной аллеи и была отделена от нее свободным пространством «парадного» двора (курдонер). По сторонам от господского дома располагались два отдельно стоящих флигеля. Две постройки находились позади господского дома, а остальные строения размещены вдоль подъездной аллеи. К югу и северу от курдонера размещался парк, имевший регулярную планировку, а восточнее усадебных строений обозначено пространство, свободное от застройки⁵⁰³.

Археологические раскопки в центральной части усадьбы Воскресенское подтвердили достоверность плана 1786 г. Однако, как отмечает С. В. Белецкий, о полном совпадении схематического рисунка, помещенного на плане Псковской межевой конторы, и реальной застройки усадьбы говорить не приходится. Исследователь пришел к выводу, что в изображении усадебного парка на плане нарушен масштаб, а соотношение размеров господского дома и флигеля также не в полной мере соответствует картине, зафиксированной раскопками. Тем не менее, он считает, что вокруг центрального двора усадьбы действительно размещалось не менее пяти построек, причем две из них (флигели) были ориентированы на парковую зону усадьбы⁵⁰⁴.

⁵⁰² Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. Великие Луки: Изд-во Сергея Маркелова, 2011. С. 337.

⁵⁰³ Белецкий С. В. План Воскресенского конца XVIII в. и сохранившиеся следы застройки // Михайловская пушкиниана. 2004. Вып. 31. С. 74–76.

⁵⁰⁴ Белецкий С. В. План 1786 г. и результаты археологических раскопок // Михайловская пушкиниана. 2004. Вып. 31. С. 87–89.

К изучению плана 1786 г. также обращался В. Г. Никифоров, который отмечает, что Воскресенское находилось почти в центре земельных владений Ганнибалов и соединялось дорогой с селцом Петровским. К северу от усадьбы находились конюшня, каретный и сенной сарай, а недалеко от западной границы земельных угодий располагались еще две постройки: возможно — коровники, поскольку вокруг были хорошие места под пастбище и сенные покосы. Сама усадьба представляла собою замкнутый двор, центром которого являлся господский дом. С северной стороны к ней примыкал ягодный сад, а с южной — плодовый⁵⁰⁵. К сожалению, Ганнибалы не смогли сохранить этот образец провинциальной усадебной культуры в руках своего рода. Двоюродный дед А. С. Пушкина (И. А. Ганнибал) был вынужден в 1790 г. заложить Воскресенское. К 1797 г. срок закладной истек и ему пришлось переехать в имение жены Анны Андреевны (урожденной Чихачевой) — Максаков Бор в Порховском уезде⁵⁰⁶.

Изучением истории усадьбы Михайловское занимался Н. С. Новиков, который пришел к выводу, что свое начало будущая усадьба ведет от д. Зуево, где в 1740 г. было всего два двора. Но по исповедным росписям 1768–1770 гг. эта деревня уже не значится, поскольку всех ее жителей перевели в соседние деревни, а на этом месте основали усадище Устье. Вновь созданное усадище с господским домом расположилось в низовьях р. Сороти. Оно просуществовало три года и было переименовано в «усадище Генварское». В церковных книгах Генварское упоминается до 1781 г. К тому времени там проживал один дворовый. После смерти А. П. Ганнибала его сын Иосиф, который наследовал эти земли, выбрал новое место для усадьбы на высоком берегу р. Сороти и дал ему название — Михайловское. И уже в ревизских сказках 1782 г. есть упоминание о «новопоселенном сельце» Михайловское, принадлежащее И. А. Ганнибалу. Как отмечает Н. С. Новиков, первыми дворовыми Михайловского были переведенные крепостные из Санкт-Петербургской губернии, а

⁵⁰⁵ Никифоров В. Г. План сельца Воскресенского // Михайловская пушкинина. 2001. Вып. 17. С. 249–256.

⁵⁰⁶ Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. Великие Луки: Изд-во Сергея Маркелова, 2011. С. 194–272.

также коренные жители псковской вотчины⁵⁰⁷. 12 лет усадьбой управляли приказчики и поверенные, и только в 1794 г. в сельце поселился на постоянное жительство его хозяин. Количество дворовых в этом владении постепенно увеличивалось и к концу XVIII в. достигло 42 души⁵⁰⁸.

По соседству с землями Ганнибалов находилось с. Тригорское, а ранее Егорьевское, или Георгиевское, основанное в 1767 г. Как отмечает Н. С. Новиков, сам владелец (М. Д. Вындомский) в усадьбе не проживал, и в последующие три года здесь упоминаются только дворовые. В 1770 г. в качестве владелицы вотчины указана Е. Ф. Вындомская. В 1773 г. хозяином значится А. М. Вындомский. По церковным записям до 1780 г. там фиксируются дворовые в количестве от 3 до 11 с детьми. В 1781 г. их число составляет уже 30 душ. В последующие годы число крепостных увеличивается, что связано со строительством полотняной фабрики. Опытных специалистов и мастеровых набирали со стороны, в дополнение к крепостным вотчины. В 1782 г. в усадьбе зафиксировано уже 46 крепостных. Анализируя объем заказов, Н.С. Новиков пришел к выводу, что винокурня у А. М. Вындомского была не одна. Сам владелец фигурирует в числе прихожан местного храма только в 1792 г. В этом же году появляется и название — Тригорское. К концу XVIII столетия в Тригорском значится только сам хозяин и 109 человек обслуги⁵⁰⁹. Александр Максимович стал основателем культурных традиций поместья, где благодаря его стараниям появилась библиотека и коллекция живописи⁵¹⁰.

Основываясь на данных межевого плана 1784 г., О. В. Емелина пришла к выводу, что на момент составления плана Тригорское представляло собой уже сложившийся усадебный комплекс,

⁵⁰⁷ Новиков Н. С. Деревня Зуево, что ныне сельцо Михайловское // Михайловская пушкиниана. 2007. Вып. 44. С. 9–12.

⁵⁰⁸ Новиков Н. С. «Услыште глас страждущего от неправд...» // Михайловская пушкиниана. 2007. Вып. 44. С. 30–34.

⁵⁰⁹ Новиков Н. С. «...Русский барин — и винокур, и хлебосол» // Михайловская пушкиниана. 2007. Вып. 44. С. 83–90.

⁵¹⁰ Псковский биографический словарь / М-во образования Рос. Федерации. Псков. гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова; [Редсовет.: Пред.: В. Н. Лещиков и др.]. Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 2002 (Великолук. гор. тип.). С. 104.

в центре которого располагалось каре, включающее в себя господский дом и служебные постройки, гостевые флигели, дома для прислуги, кухни, кладовые. Зафиксированные размеры усадебного дома достаточно небольшие (14×14 м в плане). Строительство осуществлялось М. Д. Вындомским после переезда в усадьбу. От усадьбы шла дорога к винокуренному заводу, прочие постройки хозяйственного и служебного назначения были отнесены достаточно далеко от центрального ядра усадьбы, но, тем не менее, располагались в виду главного дома. На плане полотняная фабрика расположена с южной стороны, от усадьбы ее отделяет лишь деревянный забор. К северо-западу от усадьбы располагался винокуренный завод. На его территории находились четыре здания, обнесенных забором, и два небольших за пределами, но практически рядом с заводом⁵¹¹.

Л. М. Николаева отмечает, что сад в Тригорском занимал открытое пространство и являлся переходной зоной между парком и хозяйственными строениями усадьбы⁵¹².

Знаменитый русский ученый А. Т. Болотов оставил воспоминания об организации помещичьего быта в усадьбе Апанькино своего зятя, помещика В. С. Неклюдова (Островский уезд). В 1762 г. в этом владении было завершено строительство нового двухэтажного дома с колоннами, фасад которого выходил на зеленый зал парка. В парке располагались березовая, липовая и кленовые аллеи. В усадебный комплекс также входили два пруда и оранжерея с витражами, конюшня, людская, кладовые, небольшой молокозавод, яблоневый, грушевый, сливовый и вишневый сады. По воспоминаниям Андрея Тимофеевича, «как у всех псковских помещиков обыкновение есть строить и располагать хоромы особым образом и так, чтоб всегда было две половины: одна жилая, а другая для гостей через сени, порожня, и всегда чистая и прибранная, то расположены были хоромы и у зятя моего точно таким же образом». Действительно, тема гостей, встреч, приездов и совместного времяпрепровождения в условиях достаточно спокой-

⁵¹¹ Емелина О. В. Тригорское. Новые данные его истории // Михайловская пушкиниана. 2000. Вып. 6. С. 13–19.

⁵¹² Николаева Л. М. О плодовом саде в Тригорском // Михайловская пушкиниана. 2007. Вып. 62. С. 14–23.

ной, если не сказать скучной с точки зрения столичного обывателя того времени, жизни в провинциальной усадьбе была достаточно значима для хозяина имения. Именно для таких приездов украшались внутренние и внешние помещения усадьбы, готовились угощения и отводились специальные покои. Помимо усадьбы у зятя А. Т. Болотова имелся еще и каменный дом в г. Пскове⁵¹³.

Многие усадьбы заметно преобразуются после того, как их владелец получает возможность постоянно проживать в своем имении. Так, генерал-аншеф, участник войны с Пруссией, командовавший русской артиллерией в Семилетней войне, К. Б. Бороздин, выйдя в отставку, поселился в 1764 г. в своем имении Ладино, располагавшемся в Новоржевском уезде. Там он возвел каменный дом с мезонином и прочие усадебные постройки, а также церковь Вознесения в стиле позднего барокко, разбил парк с аллеями, беседками и прудами, посадил фруктовый сад⁵¹⁴.

Несмотря на то что расцвет усадебной культуры исследователи, как правило, относят к XIX в., среди усадебных комплексов второй половины XVIII в. были непревзойденные по своему великолепию строения с уникальными парковыми зонами. Таким стало владение С. М. Валуева — с. Жеребцово (Островского уезда), где в 1764 г. был возведен усадебный дворец — кирпичный двухэтажный дом в стиле классицизма, главный фасад которого украшали портики коринфского ордена со сложными фронтонами в завершении. От главного фасада к р. Великой спускалась широкая лестница, обе стороны которой украшали мраморные сфинксы. В северо-западном углу дома располагалась домовая церковь во имя Богоявления Господня. Над входом в церковь были устроены хоры для певчих. На втором этаже дома находился бальный зал, украшенный изразцовыми печами, китайской мозаикой, четырьмя каменными колоннами и зеркалами. Потолки в доме украсили росписью (цветами, лентами, амурами) и лепниной с позолотой. Двери комнат декорировали художественной лепкой. В парке, окружавшем дом, аллеи были украшены мраморными

⁵¹³ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1795. Т. 1. С.67.

⁵¹⁴ Логинов И. Последний владелец Богдановского // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...». М., 2006. С. 228–235.

статуями и искусственным озером. Напротив бокового фасада здания 12 елей образовывали символические часы, 13-е дерево росло в центре⁵¹⁵. Такой сложный по своему замыслу и дорогой по финансовому воплощению проект усадьбы XVIII в. смотрелся бы вполне достойно даже в одном ряду со строениями подобного рода, предназначенными для царствующих особ того времени...

Помимо великолепных парков и необычных способов обустройства убранства домов, которые в итоге могли превращаться в настоящие шедевры творческой мысли, важным аспектом жизни дворянского имения были те мелочи, которые и составляли повседневный быт провинциального помещика. Для второй половины XVIII в. сохранилось уникальное описание утвари, посуды и прочего имущества с. Щиглицы (Псковского уезда), которое вела А. П. Пальчикова с 1777 г. Так, в первом сундуке хранились ткани, во втором — серебряная утварь и посуда, в третьем — платье. Согласно реестру, посуды медной и оловянной 25 единиц было в амбарах, 42 — у поваров. В 1781 г. имеется запись, «что от помещика взято збруи конской и отдано Афонки на руки. А именно: Карета Валкавская — 1, Карета Масковская — 1, каляска дарожная пакойва — 1, каляска палавинчатая — 1, дрожакъ — 2, телега с кибиткою — 1, телег калесы кованы — 3, зимнего ходу: сани болшия городовыя — 1, сани средния городовыя — 1, санки малинкия галубыя — 1, санки красинкия — 1, вазок — 1, чухонския санки — 1 старыя, валкавскай кареты шоръ с уздами — 6»⁵¹⁶.

Как правило, усадьба на протяжении длительного времени была местом проживания владельцев. Однако встречаются и исключения. Так, усадьба княжеского рода Львовых первоначально была устроена в д. Вехно, но затем местом проживания владельцев стала бывшая пустошь — с. Алтун, где в 1769 г. строится Спасо-Преображенская церковь⁵¹⁷. Не всегда усадьбу удавалось сохранить после смерти владельца в распоряжении рода. Например, усадьбу Палибино с домом простой архитектуры, где поселилась

⁵¹⁵ Сурмина И. О., Усова Ю. В. Самые знаменитые династии России. М., 2002. С. 48.

⁵¹⁶ Постников А. Б. Древлехранилище Псковского музея. Москва: БукеМАрт, 2013. С. 705.

⁵¹⁷ Пахоменкова М. М. Дворянский род Львовых // Псков, 2007. № 26. С. 25–32.

вдова И. И. Михельсона Шарлотта Ивановна, перевели за долги в опеку. Имение Корытово Псковского уезда — родовую вотчину Д. А. Ланского — вдова Дмитрия Артемьевича после смерти их сына Александра поделила между своими дочерьми Е. Д. Брылкиной и В. Д. Машневой. В 1779 г. Е. Д. Брылкина заложила их с мужем имение в заемный банк за 23 тысячи рублей. Ей не удалось выкупить имение, и оно было приобретено купцом С. С. Горожанским⁵¹⁸. Сельцо Полосы с соседними деревнями в первой половине XVIII в. принадлежало дворянам Брянцовым. После смерти секунд-майора С. Х. Брянцова в 1778 г. оно переходит к его дочери Анне, которая была женой поручика С. Г. Карамышева. В 1796 г. его владельцем становится лейб-гвардии прапорщик Д. С. Карамышев. Ему же переходят и деревни Заборовье, Вошкино, Устье и другие⁵¹⁹.

Таким образом, дворянские усадьбы к концу XVIII в. заметно преобразуются не только количественно (увеличивается число построек, комнат), но и качественно, поскольку к хозяйственно-бытовому назначению прибавляется культурно-эстетическое, а порой и производственное. Усадьба становится показателем состоятельности владельца, отражением его вкуса, привычек, предпринимательских качеств, а также приверженности определенному культурно-художественному стилю.

⁵¹⁸ Макеенко Л. Н. Сельцо Корытово и его владельцы // Псков, 1998. № 8. С. 69–71.

⁵¹⁹ Карамышев О. М. Сельцо Полосы и его обитатели // Краеведческие чтения. Порхов: материалы научной конференции. Псков, 2007. С. 17–27.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XVIII столетии в руках церкви и дворянства сосредоточилось огромное количество земельной собственности, размеры которой в масштабах страны занимали значимое место после государственных владений. Это стало закономерным последствием планомерной и целенаправленно проводимой политики правительства Российского государства.

Можно говорить о существовании крупных, преимущественно монастырских, духовных корпораций, которые являлись полноценными хозяйственными субъектами и имели в своем распоряжении тысячи десятин земельных владений. Во второй половине XVIII в. происходит усиление процесса концентрации земельных владений в руках преимущественно крупных духовных землевладельцев. В то же время в стране продолжает существовать большое количество мелкоподчиненных церковных собственников. Таков пример Псковской провинции. Здесь на территории Псковского, Изборского и Выборского уездов основные владения имели такие крупные духовные корпорации как Псково-Печерский, Снетогорский, Мирожский, Крыпецкий монастыри. В ряде случаев можно выделить крупные комплексы монастырских деревень. Крупнейшим центом сосредоточения земель духовенства в Псковской провинции в середине XVIII в. стал Псковский уезд.

К середине XVIII в. в духовном землевладении Псковской провинции продолжают сохраняться черты, свойственные ему в XV–XVII вв. Одной из основных характерных черт оставалась мелковотчинность земельных владений. Несмотря на продолжавшийся на протяжении XVII–XVIII вв. рост владений монастырских корпораций, на Псковской земле не произошло формирование крупных духовных вотчин. В XVIII в. сохраняются разбросанность церковных земель. Пример самой крупной монастырской корпорации — Псково-Печерского монастыря наглядно демонстрирует подобную разбросанность. Его собственность накануне

секуляризации концентрировалась в 6 уездах провинции, а также выходила за ее пределы. Вместе с тем, на основании изученного комплекса источников нами был сделан вывод о доминировании церковного землевладения над монастырским. Это было связано с большим количеством приходских церквей на Псковской земле, чьи земельные владения были преимущественно невелики.

После издания указа о проведении секуляризации 1764 г. в Псковской епархии из 22 вотчинных монастырей в штатное расписание были включены лишь 7. Один монастырь — оставлен на собственном содержании. Оставшиеся 14 были упразднены и далее продолжили свое существование в качестве приходских церквей. В собственность государства только на территории Псковского уезда перешло около 146 тыс. дес. земли. Упразднение монастырей в последствии привело к сокращению количества монашествующих.

Проведение Генерального межевания способствовало увеличению минимизированных после секуляризации земельных владений духовенства. В первую очередь это касалось приходских церквей. Собственность ряда штатных Псковских монастырей колебалась от 45, 5 дес. до 237 дес. земли. Однако, как и до 1764 г., основную массу земель духовных сособственников в Псковском уезде после секуляризации составляли земли приходских церквей, в состав которых вошли и упраздненные в ходе проведения реформы монастыри. Зачастую в распоряжении монастыря оказывалась ненаселенная территория близлежащей округи, которая до 1764 г. являлась частью монастырских владений. Кроме этого, межевание российских земель второй половине XVIII в. наглядно отразило сложившуюся структуру земельного хозяйства страны. Как показывает пример Псковского уезда, на тех территориях, где концентрация церковных земель была высока, после церковной реформы произошло масштабное перераспределение земельной собственности. В Псковском уезде на смену преимущественно небольшим, разбросанным по округе церковным владениям пришла единая государственная собственность.

Вслед за объявлением о проведении секуляризации не последовало каких-либо открытых массовых недовольств предста-

вителей духовного сословия. Части из них определенное государственное содержание стало выгодной заменой малоприбыльному вотчинному хозяйству. Пронизанная духом секуляризации государственная политика на протяжении XVIII в. не оставила в умах духовенства возможностей какого-либо иного развития событий. И уже начиная со второй половины XVIII в., насущным оставался лишь вопрос о способе и методах проведения предстоящей секуляризации.

После 1764 г., имея в своем распоряжении скромные по размерам ненаселенные земли, духовенство сохраняло за собой право сдачи этих владений в аренду и тем самым имело возможность пополнить доходные статьи своего бюджета. Секуляризация наиболее сильный удар нанесла по крупным землепользователям. Факты показывают, что для таких корпораций как Псково-Печерский и Снеготорский монастыри утрата земельной собственности была невосполнима. По свидетельству летописцев истории Снеготорского монастыря, к концу XVIII в. обитель постепенно пришла в запустение, а в начале XIX в. монастырь был упразднен. Вместе с тем замена денежным содержанием малоэффективного, мелковотчинного земельного хозяйства более мелких собственников, позволила последним не только улучшить свое финансовое состояние, но и способствовало их высвобождению из области торгово-экономических отношений.

Несмотря на относительно невысокие показатели эффективности церковного хозяйства, наличие независимого источника доходов позволяло церкви проявлять определенную самостоятельность. Переведение крупных духовных корпораций на государственное финансирование после 1764 г. не только существенно сократило доходные поступления, но и окончательно поставило их под полный государственный контроль. Уменьшив более чем на половину (64 %) количество монастырей в епархии, государство тем самым выводило из области церковных отношений десятки человек, чья будущая судьба становилась на тот момент весьма неопределенной. В Псковском крае, благодаря небольшому количеству монастырских насельников до 1764 г., основная часть монашествующих смогла перейти в состав штатных монастырей.

Как показал пример Спасовеликопустынского монастыря, при разработке положений реформы не был учтен такой показатель, как качество монастырских построек. Впоследствии несовершенство законодательной базы было несколько скорректировано благодаря прецеденту, произошедшему в Псковской провинции.

Секуляризация земель в России создавала условия для более глубоких изменений в общественной жизни страны. Изъятие церковных владений имело довольно глубокие социальные последствия. Лишив экономической основы и выведя из непосредственного контроля церкви миллионы человек, государство способствовало уменьшению ее роли в общественной жизни страны. Именно в этот период можно говорить о начале процесса секуляризации общественного сознания в России, сопровождавшегося усилением роли дворянства.

Наиболее ярко индивидуальные особенности помещичьего хозяйствования проявлялись в обустройстве усадебного быта, результатом чего становились передовые способы организации хозяйства, в том числе посредством устройства вотчинных предприятий, как это было реализовано сразу несколькими помещиками Порховского уезда, среди которых были и женщины. Уникальные жилые и парковые зоны дворянского поместья, становятся настоящими шедеврами своего времени, как, например, усадебный комплекс с. Жеребцово (Островского уезда).

Устройство самих «дворянских гнезд» на протяжении XVIII в. подверглось серьезной трансформации: от достаточно простого бытового уклада в начале столетия с белыми и черными горницами до богатых домов с парками регулярной планировки и затейливыми причудами по европейской моде в конце века, что было вызвано не только изменениями в законодательстве, но повышением уровня благосостояния псковских дворян, о чем свидетельствует рост числа помещичьих крестьян и снижение доли мелкопоместных дворян в системе дворянской стратификации Псковской губернии. Следует отметить, что и состоятельным, и достаточно скромным владениям была присуща одна общая черта — строительство храмов на средства и по заказу помещиков. О духовном псковские дворяне заботились одинаково ревностно

вне зависимости от уровня достатка, а наличие христианских ценностей в системе дворянского мировоззрения отражают и мысли о судьбе своей бессмертной души, забота о которой выражалась как в благотворительности, так и в обеспечении будущего поминаения.

К своим крепостным, которые были главным источником экономического благосостояния, как и к прочей собственности, помещики относились достаточно рачительно, что, однако, не исключало отдельных случаев злоупотреблений и самодурства. Фамильные земли, как правило, старались сохранять в руках дворянской семьи. Об этом свидетельствует и наличие владельческих комплексов — владений, которые, сохраняясь территориально, наследуются в рамках одного рода. На протяжении XVIII в. идет активное хозяйственное освоение территорий, находящихся в дворянской собственности. Это выражалось в появлении деревень и сел на месте бывших пустошей. Рост владений псковских помещиков происходил за счет государственных пожалований, покупки, наследования и т. п.

Стратификация псковского дворянства на протяжении XVIII в. не претерпела серьезных изменений. Значительную часть в структуре помещиков Псковщины составляли мелкопоместные владельцы, в чьей собственности находилось менее половины от общего числа помещичьих крестьян, а большинством ревизских душ владели средние и крупные собственники. Следует отметить, что показатель соотношения мелких помещиков к средним и крупными владельцам ниже, чем в целом по стране, что подтверждает достаточно благополучное экономическое положение псковского дворянства.

Расширение возможностей повышения доходности дворянских владений посредством организации вотчинных мануфактур, зачастую встречало протест в крестьянской среде и приводило к неповиновению крепостных, с чем помещики не всегда справлялись самостоятельно. Вмешательство властей посредством присылки военных отрядов дополнительным бременем ложилось на плечи взбунтовавшихся крестьян, что уже само по себе было достаточно серьезным финансовым наказанием. В случаях кон-

фликтов между помещиками и их крепостными, проявлялась высокая степень сплоченности дворянской корпорации Псковской губернии, в первую очередь в решении вопросов, связанных с расследованием подобных явлений.

Дворяне Псковщины в основном были представителями древних династий, чью родословную можно было проследить со времен Московской Руси. Родовой состав на протяжении XVIII в. в целом стабилен, хотя и происходит появление новых и исчезновение старых фамилий, на что повлияли политические события этого времени, а также мельчание владений, следствием чего становился их обмен или продажа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

І. Опубликованные

1. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1795. В 3 т. Т. 1 / А. Т. Болотов. М.: Терра, 1993. 555 с.
2. Василёв И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящимся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. / И. И. Василёв // Сборник трудов членов псковского археологического общества за 1896 г. Псков, 1897. С. 18–23.
3. Законодательство Екатерины II. В 2 т. Т. 2. Под ред. О. И. Чистякова, Т. Е. Новицкой. М.: Юридическая литература, 2001. 981 с.
4. Законодательство Петра I. Под ред. Т. Е. Новицкой, А. А. Преображенского. М.: Юридическая литература, 1997. 878 с.
5. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века. Под ред. К. В. Сивкова. М.: Издательство АН СССР, 1951. 375 с.
6. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М.: Наука, 1959–1969. Вып. 1–7.
7. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г. Т. 5, 6, 8–10, 12, 14–17, 20, 22. СПб.: Типография II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830.
8. Постников А. Б. Древлехранилище Псковского музея. Обзорение русских рукописных документов XVI–XVIII веков / А. Б. Постников. М.: ООО «БуксМАрт», 2013. 976 с.
9. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. Под ред. А. Г. Манькова. М.: Юридическая литература, 1986. 511 с.
10. Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. Под ред. Е. И. Индовой. М.: Юридическая литература, 1987. 527 с.
11. Сиверс А. А. Состав торопецкого дворянства в начале XVIII столетия на основании современного документа / А. А. Сиверс // Сборник трудов членов Псковского археологического общества за 1896 г. Псков, 1897. С. 213–219.

12. Софийский Л. И. Записки Л. А. Травина / Л. И. Софийский // Труды Псковского археологического общества. 1914. № 10. С. 38–131.

II. Неопубликованные

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА):

Ф.10. Госархива (Кабинет Екатерины II).

Оп. 3. Д. 433, 435.

Ф. 280. Коллегия экономии.

Оп. 3. Д. 344, 431, 509, 509, 715.

Оп. 6. Д.1106, 1108, 1115, 1110, 4308.

Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки.

Оп. 2. Д. 1037, 1038, 2715.

Оп. 3. Д. 2854.

Ф. 440. Псковская провинциальная канцелярия.

Оп. 1. Д. 223, 266.

Ф. 796. Оп. 45. Д. 391.

Оп. 47. Д. 290.

Ф. 1209. Поместный приказ.

Оп. 1. Д. 8179, 8180, 8181, 8399, 8506, 8508, 8509, 8510.

Ф.1354. Планы дач Генерального и Специального межевания, 1746-1917 гг. (коллекция).

Оп. 398. Д. 1092.

Ф. 1355. Экономические примечания к Генеральному межеванию.

Оп. 1. Д. 1166, 1169, 1174, 1179, 1188, 1193, 1196, 1197, 1201.

Ф. 1356. Губернские, уездные и городские карты, планы и атласы Генерального межевания.

Оп. 1. Д. 4654, 4711.

Ф. 1374. Канцелярия генерал-прокурора Сената.

Оп. 1. Д. 355, 395.

2. Государственный архив Псковской области (ГАПО):

Ф. 14. Псковский губернский землемер.

Оп. 1. Д. 1, 25, 26, 27, 48, 49, 51, 52, 59, 64, 65, 67, 69, 71, 77, 86,

88, 89, 179, 184, 190, 200, 207, 212, 212а, 213, 227, 230, 248, 252, 263, 264, 265, 266, 268, 269, 279, 284, 286, 289, 296, 297, 298, 301, 312, 317, 368, 370, 373, 381а, 390а, 391, 401, 402, 405, 407, 412, 413, 4266, 428, 432, 441, 452, 455.

Оп. 2. Д. 1а, 7а.

Оп. 3. Д. 4, 8, 9, 17, 25, 36, 37, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 62, 76, 97, 98, 99, 105, 110, 117, 125, 130, 137, 139, 140, 144, 145, 146, 148, 149, 151, 284, 291, 304, 317, 321, 324, 326, 327, 329, 331, 332, 335, 339, 342, 343а, 344, 344а, 346, 348, 349, 350, 352, 354, 355а, 356, 357, 391, 405, 407, 436.

Оп. 4. Д. 4, 5, 9, 14, 17, 20, 22, 24, 33.

Ф. 20. Канцелярия Псковского губернатора.

Оп. 1. Д. 3, 11, 20, 22, 23, 25, 50, 51.

Ф. 22. Псковская провинциальная канцелярия:

Оп. 1. Д. 15, 64, 118, 160, 163, 208, 387, 504, 863, 912, 955.

Ф. 38. Межевая контора Псковской губернии.

Оп. 1. Д. 6630.

Ф. 66. Псковское губернское правление.

Оп. 1. Д. 25.

Ф. 74. Псковское наместническое правление.

Оп. 1. 91, 112, 114, 494, 504.

Ф. 105. Псковский совестный суд.

Оп. 2. Д. 142.

Ф. 110. Псковское губернское дворянское депутатское собрание.

Оп. 1. Д. 4, 8, 9, 17, 25, 26, 27, 36, 37, 45, 45, 46, 48, 49, 51, 52, 59, 62, 64, 65, 67, 69, 71, 76, 77, 86, 88, 89, 97, 98, 99, 105, 110, 117, 125, 130, 137, 139, 140, 144, 145, 146, 148, 149, 151, 179, 184, 190, 200, 207, 212, 212а, 213, 227, 230, 248, 252, 263, 264, 265, 266, 268, 269, 279, 284, 286, 289, 291, 296, 297, 298, 301, 304, 312, 317, 321, 324, 326, 327, 329, 331, 332, 335, 339, 342, 343а, 344, 344а, 346, 348, 349, 350, 352, 354, 355а, 356, 357, 368, 370, 373, 381а, 390а, 391, 391, 401, 402, 405, 407, 412, 413, 4266, 428, 432, 436, 441, 452, 455, 1343.

Оп. 2. Д. 1а, 7а.

Оп. 3. Д. 3, 9, 10, 14, 15, 6 7, 19, 20, 20, 24, 26, 27, 33, 34, 36, 38, 39, 39, 40, 41, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 54, 57, 58, 59.

Оп. 4. Д. 1. 7, 4, 9, 14, 20, 21, 22, 24.

Ф. 366. Псковский губернский предводитель дворянства.

Оп. 2. Д. 1.

Ф. 499. Псково-Печерский монастырь.

Оп. 1. Д. 118.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104.
2. Агеева О. Г. Императорский двор России XVIII века: между европеизацией и традицией // Российская история. 2014. № 1. С. 54–74.
3. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. М., 1978.
4. Аграрная история Северо-Запада России XVII в. Л., 1989. История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 48.
5. Алексеева О. А. Торговля и промыслы на Псковской земле в XVIII в. (1725–1800). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 354 с.
6. Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50 гг. XVIII в. М., 1958. С. 115.
7. Анисимов Е. В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 158–177.
8. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 479–495
9. Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII в. Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 227–235.
10. Анисимов Е. В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 158–177.
11. Аракчеев В. А. Хозяйственное положение вотчин Меншикова в первой четверти XVIII в. // Петр Великий и его время. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 290-летию Полтавской победы. СПб., 1999. С. 13–18.
12. Аракчеев В. А. «Право войны» русских помещиков и сюжет романа Дубровский // Михайловская пушкиниана, 2006. Вып. 42. С. 20–25.
13. Арсентьев Н. Б., Егупова А. И. Ревизские сказки: новые возможности исторического исследования // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996. С. 214–229.

14. Байбурова Р. М. Старинная русская усадьба XVIII в. // Наука и жизнь. 1993. № 8. С. 82–86.
15. Белецкий С. В. План 1786 г. и результаты археологических раскопок // Михайловская пушкиниана, 2004. Вып. 31. С. 87–89.
16. Белецкий С. В. План Воскресенского конца XVIII в. и сохранившиеся следы застройки // Михайловская пушкиниана. 2004. Вып. 31. С. 74–76.
17. Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965.
18. Болховитинов Е. А. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. В 4 ч. Ч. 4. Киев, 1831.
19. Борисова А. В. Крестьянство России в конце XVIII в. — первой половине XIX в. Ярославль, 2000.
20. Буганов В. И. Петр Великий и его время. М., 1989.
21. Буганов В. И. Российское дворянство // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 29–42.
22. Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977.
23. Василев И. И. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. СПб., 1898.
24. Василёв И. И. Дела Псковской провинциальной канцелярии.
25. Василёв И. И. Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии. Псков, 1882.
26. Васильева Л. В. Имена Порховского уезда. Псков: Псковский обл. ин-т повышения квалификации работников образования, 2008.
27. Верховский П. В. Населенные недвижимые имения Священного Синода, Архиерейских домов и монастырей при ближайших приютиках Петра Великого. СПб., 1909.
28. Виденева А. Е. Ростовский Архиерейский дом и система епархиального управления в России в XVIII в. М. 2004.
29. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. М., 2006.
30. Водарский Я. Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII вв. // Историческая география России: XII — начало XX вв. М, 1975.
31. Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX в.: размеры и размещение. М., 1988.

32. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века: численность, сословно-классовый состав, размещение. М.: Наука, 1977.
33. Выскочков Л. В. Изменения в демографической и внутрисословной структуре деревни // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 186–196.
34. Выскочков Л. В. Процесс расслоения крестьян. Подати и повинности // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 208–211
35. Галицкий В. М. К вопросу реконструкции портретной галереи Коновницыной // Псков, 1999. № 10. С. 17–22.
36. Глаголева О. Е., Фомин Н. К. Дворяне «в штатском»: Провинциальное дворянство на гражданской службе в 1750–1770-е годы // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2012. С. 148–227.
37. Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977.
38. Горская Н. А., Милов Л. В. Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII — второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966. С. 173–192.
39. Горский А. А. Экономические примечания к Генеральному межеванию как источник по истории сельского хозяйства России во второй половине XVIII века. (Опыт количественного анализа) // История СССР, 1984. № 6. С. 117–122.
40. Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915.
41. Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1952.
42. Греков Б. Д. Новгородский дом Святой Софии: опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины. СПб. 1914.
43. Гудков А. Г. Дефицит продовольственного бюджета крестьянского хозяйства Русского Севера и источники его компенсации в конце XVIII — первой половине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
44. Дворянство России и его крепостные крестьяне, XVII — первая половина XVIII в. / АН СССР, Ин-т истории СССР; [Сост. Я. Е. Водар-

- ский, О. А. Шватченко] М., 1989.
45. Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.
 46. Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и первой половине XIX вв. Псков, 1957.
 47. Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. В 2 т. Т. 1. М., 1902.
 48. Дмитриев А. В. Была ли Россия «дворянской империей»? Некоторые аспекты военной службы дворянства в середине XVIII в. // Российская история. 2014. № 4. С. 102–111.
 49. Дмитриева З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб. 2003.
 50. Долгих А. Н. Ссылка крестьян на поселение в Сибирь по воле помещиков в законодательстве Российской империи // Российская история, 2013. № 3. С. 74–84.
 51. Емелина О. В. Тригорское. Новые данные его истории // Михайловская пушкиниана. 2000. Вып. 6. С. 13–19.
 52. Ерошкин Н. П., Куликов Ю. В., Чернов А. В. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.
 53. Завьялов А. Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. СПб, 1900.
 54. Зайцева Г. И. Социальная психология русского дворянства первой четверти XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
 55. Знаменский И. В. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М. 1880.
 56. Зудина Л. С. Дворянское землевладение во второй половине XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
 57. Иванов В. А. Формулярные (послужные) списки как источник сведений о землевладении местной дворянской бюрократии России в предреформенное время // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. Источники и методы исследования. Тезисы докладов и сообщений XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2010. С. 41–43.
 58. Иванов Е. П. Генерал Петр Петрович Коновницын. Псков, 2002.
 59. Иванова Л. В. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XV–XX вв.: Исторические очерки. М., 2001.

60. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество российской империи: XVIII — начало XX века. М., 2009.
61. Индова Е. И. Дворянское хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964.
62. Индова Е. И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 272–292.
63. Индова Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX в. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М., 1955.
64. История крестьянства России с древнейших времен до 1971 г. М., 1993. Т. 3.
65. История крестьянства Северо-Запада России: период феодализма / [А. И. Копанев, Е. Н. Носов, М. Б. Свердлов и др.; редкол: А. И. Копанев (отв. ред.) и др.]; СПб.: Санкт-Петербургский фил. ин-та истории Российской АН., 1994.
66. История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12 т. Т. 3. Превращение России в великую державу. Народные движения XVII–XVIII вв. М., 1967.
67. Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в.: (По материалам ревизий) / АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1971.
68. Кабузан В. М. Крепостное население России в XVIII — 50-х гг. XIX в. (численность, размещение, этнический состав). СПб., 2002.
69. Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Вестник Европы. 1866. Т. 2. С. 325–402.
70. Каменский А. Б. «Крещенная собственность» в законодательстве XVIII в. // Представления о собственности в Российском обществе XV–XVIII вв.: Проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи. М., 1998. С. 150–192.
71. Карамышев О. М. Законодательные основы формирования дворянского сословия Российской империи. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998.
72. Карамышев О. М. Сельцо Полосы и его обитатели // Краеведческие чтения. Порхов: материалы научной конференции. Псков, 2007. С. 17–27.
73. Киселев М. А. Манифест о вольности дворянства 1762 года: реконструкция истории текста // Российская история. 2014. № 4. С. 37–53.

74. Китанина Т. М. Апогей крепостного права, или второе издание крепостничества 1760–1780-х годов (крестьянский вопрос при Екатерине II) // Северо-Запад в аграрной истории России: межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград, 2016. Вып. 22. С. 80–92.
75. Клокман Ю. Р. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.
76. Ключевский В. О. История сословий в России. Лекции. М., 1886.
77. Ковалева Т. В. История сельской дворянской усадьбы в губерниях Центрального Черноземья: вторая половина XVIII — начало XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004.
78. Коваленко Т. А. Менталитет русского дворянства в контексте культуры середины XVIII в. Автореф. дис. ... канд. культурол. наук. М., 1999.
79. Ковальчук М. А., Тесля А. А. Земельная собственность в России: правовые и исторические аспекты XVIII — первая половина XIX в. Библиотека Хроноса, 2004.
80. Кожевникова Ю. Н. Православные монастыри и монашество в Олонецкой епархии во 2 половине XVIII — начале XX вв.: Автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
81. Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII в.: из истории социально-экономической жизни страны. М.: Издательство Московского университета, 1983.
82. Козьмина Л. В. Петровское. Пушкин и Ганнибалы. 2008.
83. Комиссаренко А. И. Крестьяне и десятинная пашня духовных владений в России в 20–60-х годов XVIII в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2019. № 25. С. 58–63.
84. Комиссаренко А. И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII веке. М., 1990.
85. Комиссаренко А. И. Хозяйство монастырских вотчин и секуляризационная реформа в России 20–60 гг. XVIII в. М., 1985.
86. Копанев А. И. История землевладения Белозерского края в XV–XVI вв. М.; Л. 1951.
87. Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 гг. СПб., 1906.
88. Котов В. В. Холм на Ловати и его земля. Псков, 2004.
89. Лебедев В. Б. Псковское духовенства во второй половине XVIII века.: Дисс. ... канд. ист. наук. Псков, 2003.

90. Летин В. А., Летина Н. Н. Типологические, структурно-функциональные, семантико-символические основания изучения русской усадьбы XVII — начала XX в. // Ярославский педагогический вестник, 2011. № 4. Т. I (Гуманитарные науки) С. 279–284.
91. Летопись земли Псковской: годы и события [авт.-сост.: И. О. Колосова и др.]. Псков: Псковский гос. пед. ун-т им. С. М. Кирова, 2007.
92. Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг.: История и методика изучения источников. М., 1989.
93. Логинов И. Последний владелец Богдановского // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...». М., 2006. С. 228–235.
94. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства. СПб., 1994.
95. Магомедов М. Б. Историография исследования церковно-монастырского землевладения государства российского / Системные технологии. № 10. 2014. с. 3–23.
96. Макеенко Л. Н. Род Голенищевых-Кутузовых // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...». М., 2006. С. 108–111.
97. Макеенко Л. Н. Сельцо Корытово и его владельцы // Псков, 1998. № 8. С. 69–71.
98. Марасинова Е. Н. Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Отечественная история, 2007. № 4. С. 21–33.
99. Марасинова Е. Н. Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII века: по материалам законодательства и переписки: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора ист. наук. М., 2008.
100. Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999.
101. Марасинова Л. М. Новые Псковские грамоты XIV–XV вв. М., 1966.
102. Маркова С. П. Понятие «Феодализм в современной исследовательской интерпретации» / Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, 2014. 7 с.
103. Мартысевич И. Д. Псковская Судная грамота. М. 1951; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV–XVI вв. М., 1955.

104. Масленникова Н. Н. Землепользование на Псковской земле // Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л., 1989. 231 с.
105. Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.
106. Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование. М., 1994.
107. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
108. Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.
109. Милов Л. В. Об элементах перелога и залежи в земледелии России XVIII в. // IV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Риге. Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1961. С. 99–101.
110. Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. СПб., 1904.
111. Милютин В. О. О недвижимых имуществах духовенства в России. СПб., 1862.
112. Миронов Б. Н. Время величия // Родина, 2001. № 9. С. 35–38.
113. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1999.
114. Митрополит Евгений (Болховитинов) История княжества Псковского. Псков, 2009.
115. Моисеев С. В. Полоное в XVIII в. по архивным документам // Краеведческие чтения. Материалы X научной конференции. Порхов, 2008. С. 174–180.
116. Мордашев А. И., Спасов В. П. Помещики и крестьяне Псковской губернии // Псков, 2004. № 20. С. 224–231.
117. Некоторые сведения о Порховском крае. «Псковский городской листок». 1887 г. № 33 // Порхов и его уезд: Сборник дореволюционных публикаций. Псков, 2005. С. 418–421.
118. Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII — начале XIX вв. М., 1987.
119. Низовский А. Ю. Самые знаменитые усадьбы России. М.: Вече, 2003.
120. Никифоров В. Г. Из Михайловского в Тригорское // Псков, 2008. № 28. С. 122–126.

121. Никифоров В. Г. План сельца Воскресенского // Михайловская пушкиниана, 2001. Вып. 17. С. 249–256.
122. Николаева Л. М. О плодовом саде в Тригорском // Михайловская пушкиниана, 2007. Вып. 62. С. 14–23.
123. Николин А. Церковь и Государство. М., 1997.
124. Никольский Н. История Русской церкви. М., 1930.
125. Новиков Н. С. «...Русский барин — и винокур, и хлебосол» // Михайловская пушкиниана, 2007. Вып. 44. С. 83–90.
126. Новиков Н. С. «Услышите глас страждущего от неправд...» // Михайловская пушкиниана. 2007. Вып. 44. С. 30–34.
127. Новиков Н. С. Деревня Зуево, что ныне сельцо Михайловское // Михайловская пушкиниана. 2007. Вып. 44. С. 9–12.
128. Новиков Н. С. Псковские усадища Ганнибалов // Михайловская пушкиниана. Сельцо Михайловское, 2007. Вып. 44. С. 111–117.
129. Носов Б. В. Политика правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30–70-х гг. XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.
130. Ольминский М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. 3-е изд. Л., 1925.
131. Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.
132. Очерки истории СССР. В 9 т. Т. 7. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. Преобразования Петра I / Под ред. Б. Д. Грекова и др. М., 1954.
133. Очерки истории СССР. В 9 т. Т. 8. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. / Под ред. Б. Д. Грекова и др. М., 1957. С. 38.
134. Очерки истории СССР. В 9 т. Т. 9. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века / Под ред. Б. Д. Грекова и др. М., 1956. С. 289.
135. Павленко Н. И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII–XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 59–65.
136. Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990.
137. Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898.
138. Пахоменкова М. М. Дворянский род Львовых // Псков, 2007. № 26. С. 25–32.

139. Пахоменкова М. М. Дворянство и город Новоржев Псковской губернии в истории России: XVI–XX вв.: монографическое исследование. Новоржев; СПб., 2020.
140. Петров Г. В., Таратушко А. Т. Изборск. Печоры. Л., 1977.
141. Пиотух Н. В. Новоржевский (Пусторжевский) уезд в первой половине XVII — второй половине XVIII в. Пространственно-демографические изменения: диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1999.
142. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007.
143. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории Профессора Платонова. Вып. III. СПб., 1899.
144. Покровский И. М. Русская Епархия в XVI–XIX вв. Их открытие, состав, пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Казань, 1913. Т. 2.
145. Порай-Кошиц И. А. Очерк истории русского дворянства от первой половины IX до конца XVIII века. 862–1796. СПб., 1874.
146. Преображенский А. А. Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVIII — начала XIX в. // Вопросы истории, 1977. № 5. С. 66–62.
147. Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVI в.: по материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.Л. 1959.
148. Проскурякова Г. В. Вольшовская старина: О родине — Псковском крае: из воспоминаний. СПб., 2008.
149. Псковский биографический словарь / Псков. гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова; [Редсовет: Пред.: В. Н. Лещиков и др.]. Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 2002.
150. Псковское наместничество. По материалам архива Псковского губернатора собрал Д. Лазарев. Псков, 1887.
151. Раскин Д. И. Классовая борьба и общественное сознание, быт // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 212–221.
152. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4 т. Т. 2.
153. Рикман В. Ю. Дворянское законодательство Российской империи. М., 1992.
154. Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. Великие Луки: Изд-во Сергея Маркелова, 2011.

155. Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870.
156. Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: (Историко-экономический очерк). М.: Госполитиздат, 1957.
157. Рындзюнский П.Г. Крестьянское антикрепостническое движение в промысловых селах I четверти XIX века // Из истории крестьянства XVI–XIX в. М., 1955. С. 75–89.
158. Сахаров А. Н. Общие проблемы исторической науки. О новых подходах в российской историографической науке. 1990-е годы // История и историки. 2002. № 1. С. 15–21.
159. Сахаров А. Н. Русская деревня: по материалам патриаршего хозяйства. М., 1966.
160. Святыни и древности Псковского уезда по дореволюционным источникам. Псков, 2006.
161. Сгибнева О. И. Усадьба в культурном наследии России // Михайловская пушкиниана. Вып. 23. М., 2002. С. 31–37.
162. Седунов А. В. Административно-полицейские власти г. Пскова и Псковской земли в XVIII в. // Псков, 2004. № 20. С. 104–109.
163. Семевский В. И. Крестьяне в царствование Императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 2.
164. Семевский В. И. Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II. Очерк из истории частной земельной собственности в России. СПб., 1906.
165. Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908.
166. Сивков К. В. Из истории крестьянских восстаний в XVIII в. (Восстание 1744 г. в Псковской провинции) // Известия Тверского педагогического университета. 1926. Вып. 2. С. 76–94.
167. Сизова О. В. К вопросу об аграрном и промышленном предпринимательстве российских дворян в конце XVIII — первой половине XIX вв. // Дискуссионные проблемы отечественной истории. Арзамас, 1995. С. 118–129.
168. Синелина Ю. Ю. Секуляризация в социальной истории России. М., 2004.
169. Скитский Б. В. Очерки быта русской провинции во вторую половину XVIII века. Владикавказ, 1927.
170. Старинные усадьбы Бежаницкого района и их владельцы. Великие Луки, 2004.

171. Степанов В. П. Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795). СПб., 2003.
172. Суворов Н. С. Псковское церковное землевладение в XVI и XVII в. СПб.: Сенатская типография, 1905.
173. Сурмина И. О., Усова Ю. В. Самые знаменитые династии России. М., 2002.
174. Тимошенкова З. А. Социокультурный облик северо-западной деревни XVI — начала XVIII века. Псков, 1999.
175. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1965.
176. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 98.
177. Тихонов Ю. А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII–XVIII вв.: сосуществование и противостояние. СПб., 2005.
178. Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодалная рента в XVII — начале XVIII вв. М., 1974.
179. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство XVIII в. М., 1974.
180. Узенева Ю. Н. Изменения в демографической и внутри-сословной структуре деревни // История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 186–196.
181. Узенева Ю. Н. К вопросу о хозяйственной жизни Тригорского в 1850-е гг. // Псков, 2015. № 42. С. 118–120.
182. Узенева Ю.Н. Основные статьи доходов и расходов в Тригорском в 1850-е гг. // Михайловская пушкиниана, 2015. Вып. 64. С. 223–227.
183. Фаизова И. В. Манифест о вольности и службе дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999.
184. Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. М., 2003.
185. Харлашов Б. Н. Посады Пскова и околородные губы в XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара за 2000 год. Псков, 2001.
186. Хитров Д. А., Черненко Д. А. К вопросу о тенденциях в развитии дворянского землевладения в центральной России в XVII–XVIII вв. / Историческое обозрение, 2008.
187. Худушина И. Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII — первая треть XIX вв.). М., 1995.
188. Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.). М., 1967.
189. Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII вв. (по Архиву Троице-Сергиевой лавры). М., 2004.

190. Черненко Д. А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. Вологодский гос. пед. ун-т. Вологда: Древности Севера, 2008.
191. Черненко Д. А. Сельское расселение и землевладение центральных уездов России в XVII–XVIII вв. (по материалам писцовых книг и Экономических примечаний к Генеральному межеванию): Автореф. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2004.
192. Черненко Д. А., Грязнов А. Л. Семейная и пространственная структура дворянского землевладения в Суздальском уезде в XVII–XVIII вв. // Особенности российского исторического процесса. М., 2009. С. 204–219.
193. Черников С. В. Правящая элита России 1700–1762 гг.: влияние демографических факторов на развитие родовой собственности // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв.: XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Брянск, 2018. С. 58–60.
194. Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество второй половины XVIII в. СПб., 1889.
195. Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России в эпоху Петра I. М., 2002.
196. Шепукова Н. М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII — первой половине XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1964. С. 402–419.
197. Шербаатов М. М. Статистика в рассуждении России. СПб., 1776–1777.
198. Шмидт С. О. Общественное самосознание noblesse russe в XVI — первой трети XIX вв. // Общественное самосознание российского благородного сословия: XVII — первая треть XIX вв. М., 2002. С. 35–49.
199. Щепетов К. Н. Из жизни крепостных крестьян России XVIII–XIX веков: по материалам Шереметьевских вотчин. М., 1963.
200. Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметьевых. (1708–1885). М., 1947.
201. Юрчук К. И. Помещичье промышленное предпринимательство в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Ярославль, 1992.

202. Юферова С. В. Вольное Экономическое Общество и помещичье хозяйство во второй половине XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.
203. Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб., 1876.
204. Янин В. Л. Из истории высших государственных должностей в Новгороде // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 120–127.
205. Ясман З. Д. Попытки введения улучшенных сельскохозяйственных орудий в помещичьих хозяйствах второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1965. С. 246–255.
206. Яшина О. Н. Земельная собственность Русской православной церкви в России в XVIII — первой половине XIX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. 180 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Структура владений дворян
в Псковском и Пусторжевском уездах в 1737 г.

д. м. п. на владение	помещиков	%	у них д. м. п.	%	в среднем д. м. п. на владельца
1–20	1032	67,7	9364	22,9	9
21–100	432	28,35	18600	45,4	43
101–500	58	3,81	9833	24,0	167
501–1000	1	0,07	624	1,5	624
1000–2000	1	0,07	2526	6,2	2526
Всего	1524	100	40947	100	27

Источник: Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII — первой половины XVIII в. М., 1989. С. 112–113.

Таблица 2

Структура владений дворян в Великолуцком уезде в 1737 г.

д. м. п. на владение	помещиков	%	у них д. м. п.	%	в среднем д. м. п. на владельца
1–20	479	54,4	3716	8,3	8
21–100	286	32,5	13088	29,2	46
101–500	108	11,9	20915	46,7	194
501–1000	4	0,5	2478	5,5	620
1000–2000	4	0,5	4634	10,3	1159
Всего	881	100	44831	100	51

Источник: Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII — первой половины XVIII в. М., 1989. С. 112–113.

Таблица 3

Структура владений дворян в Псковской провинции в 1756 г.

д. м. п. на владение	помещиков	%	у них д. м. п.	%	в среднем д. м. п. на владельца
1–20	303	44	2742	4	9
21–100	235	34	11941	16	51
101 и более	155	22	58062	80	375
Всего	693	100	72745	100	105

Источник: Василёв И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящемся за разными сословиями и учреждениями по переписи 1756 г. // Сборник трудов членов Псковского археологического общества за 1896 г. Псков, 1897. С. 18–23.

Научное издание

Гончарова Екатерина Викторовна

Кузьмина Виолетта Гаруновна

**Церковно-монастырское
и дворянское землевладение
XVIII столетия в системе феодальных
отношений Российской империи:
региональное исследование**

Монографическое исследование

Технический редактор: Е. В. Гончарова
Компьютерная верстка: Н. А. Васильева

Подписано в печать 23.12.2021. Формат 60×90/16.

Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 12,0.

Тираж 300 экз. Заказ № 5994.

Изготовлено на Versant 2100.

Адрес издательства:

Россия, 180000, г. Псков, ул. Л. Толстого, д. 4^а, корп. 3^а.

Псковский государственный университет